

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 3 (172) март 2025

В НОМЕРЕ:

Березина Е. А.

Машиночитаемый формат юридических документов:
разработка и применение в зарубежных государствах

Скобников П. А.

Особенности составов преступных деяний против прав
семейственных по Уголовному уложению 1903 г.

Аверьянова Н. Н.

Публичная собственность на землю: проблемы
определения правовой природы и управления

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 20 № 3 (172) МАРТ 2025

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 25.03.2025
Объем 24,18 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 20 № 3 (172) MARCH 2025

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novochemushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

25.03.2025
Volume: 24.18 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Скобликов П. А.** Особенности составов преступных деяний
против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Березина Е. А.** Машиночитаемый формат юридических документов:
разработка и применение в зарубежных государствах 25

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Аверьянова Н. Н.** Публичная собственность на землю:
проблемы определения правовой природы и управления 42
- Васильев С. А.** Гражданское общество и его институты
в теории соотношения субъектов конституционного права 52
- Маркин М. В.** Особенности правового положения органов
публичной власти, осуществляющих местное самоуправление
в границах федеральной территории «Сириус» 67
- Володина С. В.** Конституционная ценность доверия 75

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Сулейманов Р. М.** Внепроверочные мероприятия
налогового контроля: проблемы и практика правоприменения 87
- Аносов В. А.** Об определении перечня электронных услуг
для целей налога на добавленную стоимость 95

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Новопашина У. С.** Правовые аспекты обеспечения и возмещения
расходов на достойные похороны, проведение ритуалов
и соблюдение обычаев, связанных со смертью 102
- Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф.** О возможности применения
статьи 333 Гражданского кодекса РФ к мировому соглашению:
«двойное» освобождение от ответственности
или обеспечение баланса интересов сторон 114

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Иванченко С. В.** Соотношение принципов диспозитивности
и судейского руководства процессом
при разрешении вопроса о взыскании длящейся неустойки 124

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Карпова А. А.** Процессуальная акцентуация порядка исчисления
периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная
эволюция и потребность в изменении правового регулирования 133

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Корнакова С. В. Полномочия прокурора в сфере
уголовного судопроизводства в России и за рубежом 149

Крипиневич С. С. Идея индивидуализации и ее значение
для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства 156

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституционная юстиция
субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад 172

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Сидорова А. В. Правовой аспект тайны исповеди:
сравнительный анализ законодательных основ и проблематики 189

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Кротов А. В. Академическая свобода как инструмент демократии 199

Contents

PAGES OF HISTORY

Skoblikov P. A. Peculiarities of the Composition of Criminal Acts against Family Rights under the Criminal Code of 1903	11
---	----

THEORY OF LAW

Berezina E. A. Machine-Readable Legal Documents: Format Development and Application in Foreign Countries	25
--	----

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Averyanova N. N. Public Ownership of Land: Challenges of Legal Nature Definition and Administration	42
Vasilyev S. A. Civil Society and its Institutions in the Theory of Interrelation between the Subjects of Constitutional Law	52
Markin M. V. Peculiarities of the Legal Status of Public Authorities Exercising Local Self-Government within the Boundaries of the Sirius Federal Territory	67
Volodina S. V. The Constitutional Value of Trust	75

FINANCIAL LAW

Suleymanov R. M. Out-of-Audit Tax Control Measures: Problems and Law Enforcement Practice	87
Anosov V. A. On Determining the List of Electronic Services for Value Added Tax Purposes	95

CIVIL AND FAMILY LAW

Novopashina U. S. Legal Aspects of Enforcing and Reimbursing the Costs of Dignified Funerals, Rituals and Observance of Customs Related to Death	102
Zimneva S. V., Lukyanenko M. F. On the Possibility of Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a Settlement Agreement: «Double» Exemption from Liability or Ensuring a Balance of Interests of the Parties	114

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Ivanchenko S. V. Relationship between the Principles of Discretion and Judicial Supervision of the Procedure when Resolving Issues of Failure-to-Pay Penalty Collection	124
--	-----

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Karpova A. A. Procedural Accentuation of the Procedure for Calculating the Period for Challenging Suspicious Transactions, its Law Enforcement Evolution and the Need to Change Legal Regulation	133
---	-----

CRIMINAL PROCEDURE

- Kornakova S. V.** The Power of Prosecutors in the Field
of Criminal Proceedings in Russia and Abroad 149
- Kripinevich S. S.** The Idea of Individualization
and its Importance for Safeguards of the Rights
of Participants in Criminal Proceedings 156

JUDICIAL SYSTEM

- Gataullin A. G., Zainutdinov D. R.** Constitutional Justice
in the Constituent Entities of the Russian Federation:
One Step Forward, Two Steps Back 172

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Sidorova A. V.** Legal Aspect of the Clergy Privilege:
Comparative Analysis of Legislative Bases and Problems 189

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

- Krotov A. V.** Academic Freedom as an Instrument of Democracy 199

Особенности составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г.

Аннотация. В статье представлено исследование того, как в Уголовном уложении 1903 г. регламентировалась охрана брака, семьи, супружества, детства и других вопросов семейных отношений. Показано, когда и при каких обстоятельствах в отечественной доктрине уголовного права появилось понятие «состав преступления», раскрыто его основное содержание в то время. Осуществлен обзор составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г., представлена их градация по степени тяжести и классификация по объекту посягательства. Очерчен круг субъектов рассматриваемых преступных деяний и определены особенности их статуса, использованные приемы юридической техники, выявлено своеобразие субъективной стороны исследуемых деяний. Описаны формы и способы совершения преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г., проанализирован объект посягательств, раскрыты особенности статуса потерпевших. Обобщенный в статье материал дает представление о том, каким на рубеже XIX и XX вв. было видение уголовно-правовой охраны интересов семьи, прав ее членов и родственных отношений, какие деяния представлялись общественно опасными и в какой степени.

Ключевые слова: Уголовное уложение 1903 г.; преступные посягательства на права семейственные; общий состав преступления; особенный состав преступления; доктрина российского уголовного права; специальный субъект преступления; специальный потерпевший; объект преступных посягательств; виды объектов преступления; брак; бракосочетание; супруг; родитель; дети.

Для цитирования: Скобликов П. А. Особенности составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 11–24. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.011-024.

© Скобликов П. А., 2025

* Скобликов Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН
Знаменка ул., д. 10, г. Москва, Российская Федерация, 119019
skoblikov@list.ru

Peculiarities of the Composition of Criminal Acts against Family Rights under the Criminal Code of 1903

Peter A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), Senior Research Scientist, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
skoblikov@list.ru

Abstract. The paper elucidates how the Criminal Code of 1903 regulated the protection of marriage, marriage celebration, family, childhood and other issues of family relations. The author demonstrates when and under what circumstances the concept of *corpus delicti* appeared in the domestic doctrine of criminal law and explains the essence of the concept. The paper provides a review of the composition of criminal acts committed against family rights under the Criminal Code of 1903 and presents their gradation by severity and classification by the object of encroachment. The author outlines the range of subjects of the criminal acts under consideration and describes the features of their status. Applying legal techniques, the author determines the peculiarity of the subjective side of the persons committing the acts under examination. In addition, the paper describes the forms and methods of committing criminal acts against family rights under the Criminal Code of 1903, analyzes the object of encroachments, discloses the peculiarities of the status of the victims. The resources summarized in the paper give an idea of what, at the turn of the 19th and 20th centuries, the understanding of criminal law protection of the interests of the family and the rights of its members and family relations was, what acts seemed socially dangerous and to what extent.

Keywords: Criminal Code of 1903; criminal acts against family rights; general *corpus delicti*; special *corpus delicti*; doctrine of Russian criminal law; special subject of crime; special victim; object of criminal act; types of objects of crime; marriage; spouse; parent; children.

Cite as: Skoblikov PA. Peculiarities of the Composition of Criminal Acts against Family Rights under the Criminal Code of 1903. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):11-24. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.011-024.

Введение

Недавно исполнилось 120 лет с момента, когда российский император Николай II утвердил новый кодифицированный уголовный закон — Уголовное уложение¹ (далее — Уложение 1903 г.). В соответствующем Указе содержалось повеление об обнародовании текста Уложения 1903 г. и о том, что в действие этот акт будет приведен в срок, который император назначит отдельно².

Данный памятник отечественного уголовного законодательства имеет небогатую правоприменительную историю. Он вводился в действие постепенно, в ограниченном объеме и на небольшой территории, что было обусловлено, по объяснениям правоведов-современников, неготовностью уголовно-исполнительной системы реализовывать новации, заложенные в рассматриваемом документе³. Ну а последовавшая вскоре⁴ Октябрьская революция 1917 г. и вызван-

¹ На момент принятия Уложения 1903 г. в Российской империи применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое претерпело ряд существенных изменений в 1864 и 1885 гг. Параллельно с ним действовал Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Уложение 1903 г. было призвано заменить оба правовых акта.

² См., например: Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. СПб. : Кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. С. 4.

³ Так, Г. Е. Колоколов объяснял отсрочку введения на неопределенный срок невозможностью широкого использования одиночного заключения, как это было предусмотрено Уложением 1903 г., вследствие полной непригодности имевшихся тюрем, а также «недостатка исправительных заведений для

ный ею слом прежней правовой системы завершили историю апробации Уложения 1903 г.⁵

В советский период данный документ по идеологическим соображениям находился на периферии научно-исследовательского интереса⁶, но уже в 1980-х гг. в связи с реформаторскими процессами в политической системе вновь вернулся в зону внимания исследователей, и к настоящему времени по теме Уложения 1903 г. появилось большое количество научных публикаций. Конечно, этот интерес обусловлен кардинальным изменением общественно-политического строя и возрождением частной собственности, но не только ими. Значительную роль,

на наш взгляд, играет то обстоятельство, что ни один кодифицированный уголовный закон нашей страны (и не только уголовный) не готовился столь тщательно, к его подготовке не привлекались столь значительные научные силы⁷ и проект его не обсуждался столь широко и с таким вниманием юридического сообщества⁸.

Вместе с тем основное внимание современных исследователей сосредоточено на Общей части Уложения 1903 г. Нам не удалось обнаружить ни одной научной публикации, нацеленной на анализ конструкции составов противоправных деяний против прав семейственных, закрепленных в Уложении 1903 г.⁹ Между тем

малолетних преступников, отсутствия организованного патроната» (Колоколов Г. Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. М. : Типо-лит. Ю. Венер, преемн. О. Фальк, 1904. С. 7).

⁴ Вскоре — по историческим масштабам. Напомним, что Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. хотя и претерпевало существенные изменения, но в основе оставалось неизменным и действовало до 1917 г. включительно.

⁵ Нарком юстиции РСФСР П. И. Стучка летом 1918 г. писал: «Старые законы были “сожжены”. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложение русской революции” (под обожженными листочками имеется в виду, вероятно, Уложение 1903 г. — П. С.) вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» (Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 3).

⁶ В литературе, изданной в то время, можно найти лишь краткие, политически окрашенные характеристики Уложения 1903 г. Вот как оно описывалось в юридическом словаре, неоднократно изданном в середине XX в.: «один из реакционнейших уголовно-правовых актов царской России. Оно было издано накануне первой русской революции, в годы подъема революционного движения в России. Его издание накануне первой русской революции было вызвано тем, что действовавшее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не могло уже удовлетворять задачам борьбы помещичье-буржуазного правительства с надвигающейся революцией» (Юридический словарь. 2-е изд. М. : Госюриздат, 1956. 2 т. С. 554).

⁷ Для разработки и сопровождения проекта была образована редакционная комиссия, в состав которой вошли знаменитые ученые того времени, оставившие большой след в уголовно-правовой науке, творческое наследие которых до сих пор востребовано: Н. А. Неклюдов, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий.

⁸ Для иллюстрации сказанного полезно привести некоторые подробности. Проект Общей части Уложения 1903 г. вместе с объяснительной запиской был разослан практикующим юристам и теоретикам уголовного права с просьбой о представлении замечаний. Параллельно указанные документы были переведены на немецкий и французский языки и отправлены многим иностранным ученым. Полученные замечания были собраны, систематизированы и отпечатаны в пяти томах, причем замечания иностранных ученых были представлены как на языке оригинала, так и в переводе на русский. После рассмотрения всех поступивших замечаний (для их обсуждения потребовалось 26 заседаний) переработанный Проект и объяснительная записка (где проанализированы замечания и обоснована позиция Редакционной комиссии об их принятии или отклонении) были вновь напечатаны. См.: Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым. Часть общая. СПб. : Гос. тип., 1887. Вып. 1. С. 193.

⁹ Точности ради следует отметить, что те или иные вопросы ответственности за противоправные деяния против прав семейственных по Уложению 1903 г. в некоторых публикациях затрагиваются, но лишь в

в силу тех глобальных процессов, которые происходят в мире ныне (прежде всего в странах так называемого коллективного Запада): разрушения традиционных представлений о семье, роли мужчины и женщины, воспитании детей, агрессивной пропаганды однополых «браков», декларирования и реализации прав детей на смену пола и т.п., в России обострился вопрос о путях и способах защиты традиционных семейных ценностей. Всё это объективно повышает актуальность исследования того, каким на рубеже XIX и XX вв. было видение уголовно-правовой охраны интересов семьи, прав ее членов и родственных отношений, какие деяния представлялись общественно опасными и в какой степени, и т.д.

Прежде чем раскрывать особенности какого-либо предмета, методологически верно хотя бы вкратце показать, что представляет собой этот предмет в целом, когда и почему он возник, — в нашем случае таковым является понятие «состав преступления». Стоит также отметить, что *эта категория для отечественной правовой науки во время начала работы над проектом Уложения 1903 г. была новой¹⁰, не столь проработанной, как сейчас, отличающейся от современных представлений*. Поэтому перед основным изложением обратимся к истории данного понятия.

1. Когда и как, с каким содержанием появилось понятие «состав преступления» в отечественной доктрине

Когда в доктрине отечественного уголовного права возникло понятие «состав преступления»? Благодарю кому или чему? Как оно раскрывалось? Для ответа целесообразно обратиться к отечественным учебникам, поскольку там системно отражаются все актуальные доктринальные положения.

Самая ранняя работа (учебник) российского правоведа, которую удалось обнаружить, где, помимо иных вопросов, рассматривается учение о составе преступления, относится к 1863 г. Она принадлежит перу видного российского юриста и правоведа В. Д. Спасовича¹¹. В 1857–1861 гг. он служил профессором в Петербургском университете и читал там лекции по уголовному праву. Эти лекции легли в основу указанного учебника.

Состав преступления автор представлял как совокупность всех признаков, входящих в содержание понятия преступления. Важно отметить, что данная совокупность совмещает как внешнюю (объективную), так и внутреннюю (субъективную) стороны преступления. Некоторые из этих признаков столь важны, что без них преступление просто немыслимо; они называются существенными. Без других признаков преступление может обойтись, но они могут влиять в известной степени на меру наказания; их именуют несущественными¹².

рамках более общих тем. При этом составы указанных деяний не анализируются, а лишь констатируются сохранение в уголовном законодательстве прежних запретов, или их упразднение, или появление новых. В качестве примера можно привести статью Ю. Ю. Гарцевой, где этим вопросам уделяется полстраницы (см.: *Гарцева Ю. Ю.* Ответственность членов семьи за ненадлежащее выполнение обязанностей и злоупотребление правом в Российской империи в XVIII — начале XX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 263–264).

¹⁰ С момента появления этого понятия в отечественной доктрине и до начала работы над проектом Уложения 1903 г. прошло менее 20 лет.

¹¹ См.: *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1, Вып. 1.

¹² В качестве иллюстрации этого деления В. Д. Спасович приводит убийство, при котором телесное повреждение потерпевшего есть признак существенный, но совершено ли оно ножом, топором, палкой, нанесены ли удары по груди или по голове — это несущественные черты преступления (см.: *Спасович В. Д.* Указ. соч. С. 90).

По Спасовичу, состав преступления может быть общим и особенным. Общий состав образуется посредством отвлечения (абстрагирования), и в него входят признаки, свойственные любому преступлению. К общему составу в каждом отдельном преступлении присовокупляются новые черты, только одному этому виду свойственные и дающие ему особенную характеристическую окраску¹³.

Подводя итог к своему анализу, В. Д. Спасович указал, что преступление обуславливается наличием: во-первых, предмета, во-вторых, виновника, и что оно необходимо содержит четыре элемента: два образующих внешнюю его сторону — действие и его последствия — и два составляющих внутреннюю его сторону — волю (к совершению деяния) и знание последствий действия¹⁴.

Взгляды В. Д. Спасовича, по-видимому, сформировались под влиянием изучения немецкой юридической литературы и зарубежного законодательства своего времени, где уголовно-правовая доктрина была представлена в более развитом и совершенном виде, нежели в отечественных источниках. Более того, в современной юридической литературе высказано мнение, что учебник В. Д. Спасовича был основан на концепции немецкого криминалиста, профессора Берлинского университета А. Ф. Бернера¹⁵. В свя-

зи с этим уместно вспомнить, что Общая часть учебника уголовного права А. Ф. Бернера была переведена на русский язык, а затем издана в Санкт-Петербурге.

Как и в труде В. Д. Спасовича, в учебнике А. В. Бернера¹⁶ *состав преступления (Thatbestand) в самом общем виде определяется как совокупность признаков преступления с разъяснением, что признаки преступления как понятия родового образуют общий состав преступления; видовые же его признаки формируют его особенный состав*¹⁷. Признаки преступления А. В. Бернер классифицирует более подробно, нежели В. Д. Спасович: на существенные (*essentialia*), обыкновенные (*naturalia*) и случайные (*accidentalia*), притом что *только существенные признаки обуславливают понятие и наличность преступления; обыкновенные же и случайные имеют влияние на меру наказания*. Однако чем обыкновенные признаки отличаются от случайных, не поясняет.

А. В. Бернер описывает *основные составляющие общего состава преступления*¹⁸: *деяние, его субъект, объект и средства воздействия на объект*, а также показывает их соотношение. Деяние должно служить основой, скелетом для построения учения об общем составе преступления, всё остальное — это предикаты деяния как подлежащего¹⁹.

¹³ См.: Спасович В. Д. Указ. соч. С. 90.

¹⁴ См.: Спасович В. Д. Указ. соч. С. 92–93.

¹⁵ См.: Бернер Альберт Фридрих // Уголовное, уголовно-исполнительное право и криминология. Персоналии: Биобиблиографический справочник / сост. Э. В. Георгиевский. Иркутск : ВСИ МВД России, 2002. С. 306.

¹⁶ Этот труд на языке оригинала был издан за несколько лет до выхода в свет учебника В. Д. Спасовича. Список основных публикаций А. Ф. Бернера, например, см.: Энциклопедический словарь. СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1892. Т. III А : Бергер — Бисы. С. 570.

¹⁷ О том, что не только видовые, но и родовые признаки входят в особенный состав, автор учебника не упоминает; у В. Д. Спасовича это уточнение есть.

¹⁸ Какого-либо специального термина для характеристики этих составляющих (части, элементы состава и т.д.) А. Ф. Бернер не использует.

¹⁹ См.: Бернер А. Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова ; пер. и изд. Н. Неклюдова. СПб., 1865. Часть общая. С. 338.

2. Обзор составов преступных деяний против прав семейственных и их градация по степени тяжести

В Уложение 1903 г. включена глава 19, которая предусматривает ответственность за *преступные деяния против прав семейственных*. Эта глава охватывает также 19 статей. Статьи лишь пронумерованы, названий не имеют и не группируются в параграфы либо иные подразделения. Наряду с этим количество конкретных составов деяний, предусмотренных в главе, как это обычно бывает в кодифицированных уголовно-правовых актах, превышает количество статей. Если исходить из современных представлений о составе преступления, то можно выделить в рассматриваемой главе следующие составы преступных деяний:

- принуждение одним из брачующихся другого брачующегося ко вступлению в брак (ч. 1 ст. 408);
- принуждение третьим лицом одного брачующегося или обоих ко вступлению в брак (ч. 2 ст. 408);
- вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значение своих действий или руководить своими поступками (ст. 409);
- вступление в брак посредством обмана жениха или невесты (ст. 410);
- заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411);
- вступление в новый брак при существовании прежнего супруга в отсутствие разрешения, предусмотренного законом на такой брак (ст. 412);
- заведомое участие духовного лица христианского вероисповедания в совершении преступного брака (ст. 413);
- вступление в брак лица, достигшего брачного совершеннолетия, с лицом, такого совершеннолетия не достигшим (ст. 414);
- вступление лица христианского вероисповедания с заведомо нехристианином (ст. 415);
- вступление в брак с родственником, степень родства с которым не считается кровосмесительством, но делает брак недействительным (ст. 416);
- увоз незамужней для вступления в брак с ее согласия, но без согласия ее родителей, при

условии, что эта женщина достигла брачного совершеннолетия, но при этом моложе 21 года (ст. 417);

- супружеская измена (ст. 418);
- прелюбодеяние с лицом, заведомо для виновного состоящим в браке (ст. 418);
- отказ доставлять пропитание и содержание своим заведомо в том нуждающимся родителям, если виновный имел для этого средства (п. 1 ст. 419);
- упорное неповиновение родительской власти либо грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419);
- вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца, если виновный не достиг 21 года (п. 3 ст. 419);
- жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны опекуна, попечителя или лица, имеющего надзор за несовершеннолетним (п. 1 ст. 420);
- обращение к нищенству или иному безнравственному занятию либо отдача для этой цели подопечного, не достигшего 17 лет, совершенные опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним (п. 2 ст. 420);
- принуждение к вступлению в брак подопечного, не достигшего 21 года, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним, при условии, если брак состоялся (п. 3 ст. 420);
- отдача на промышленное предприятие для трудоустройства малолетнего, не достигшего установленного возраста, осуществленная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за малолетним (ст. 421);
- принуждение со стороны опекуна или попечителя к браку с ним лица, не достигшего 21 года, путем злоупотребления своей властью, если брак последовал (ст. 422);
- оставление без надлежащего надзора малолетнего или иного лица, если вследствие этого поднадзорный совершил преступление (ст. 423);
- незаявление о чьем-либо рождении или смерти уполномоченному лицу, ведущему метрические книги или записи об этом, в случае,

когда виновный был обязан сделать заявление (ст. 424);

— невнесение сведений о рождении, смерти или бракосочетании в метрические книги или записи лицом, духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным их вести (ст. 425);

— невнесение по небрежности в метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании надлежащих сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 1 ст. 426);

— внесение по небрежности в метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании неверных сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 2 ст. 426);

— неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании, а равно о представлении их в места, установленные законодательством, если деяние совершено духовным лицом неправославного вероисповедания или служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 3 ст. 426).

Обращает на себя внимание то, что рассматриваемая глава не закрепляет какие-либо квалифицированные составы преступлений. Напротив, в ст. 415 включена вторая часть, описывающая основание для освобождения от наказания за предусмотренное в статье деяние

(возникновение обстоятельства, нивелирующего возможный вред от преступления определенного вида). Слово «примечание» в этом месте законодательного текста отсутствует, и формально данный фрагмент является частью статьи, однако по содержанию и сути («виновный освобождается от наказания, если вступивший с ним в брак нехристианин во время существования брака принял христианство») это примечание, т.е. пояснение, дополнение к основному тексту статьи закона, если пользоваться терминологией современного уголовного законодательства²⁰.

С учетом общих положений, сформулированных в ст. 3 гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уложения 1903 г., два предусмотренных там преступления (ч. 1 и 2 ст. 408) относятся к категории тяжких (поскольку виновному грозит каторга). При этом 15 деяний относятся к категории проступков ст. 414–419, 421, 423, 424, 426 (в качестве наиболее строгого — «высшего» — наказания за их совершение предусмотрены арест или денежная пеня), а остальные следует причислить к категории преступлений (рядовых, заурядных). *Самое распространенное наказание в гл. 19 — арест, который по мягкости уступает лишь денежной пене* (ст. 2 Уложения 1903 г.), предусмотрен в семи статьях главы и мог быть назначен на срок до шести месяцев (ст. 21 Уложения 1903 г.).

Юридические конструкции и приемы, использованные при создании главы 19, выглядят вполне современно, если заменить некоторые устаревшие или ушедшие из юридического лексикона слова на более привычные (напри-

²⁰ Всего в Уложении 1903 г. две такие конструкции: уже упомянутая часть 2 ст. 415 и ч. 3 ст. 367 (в последней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности рабочих, принявших участие в стачке, если они по требованию властей или заведующего предприятием приступили к работе). Современный российский Уголовный кодекс под флагом либерализации и гуманизации уголовной ответственности регулярно дополняется новыми примечаниями к статьям Особенной части, регламентирующими условия освобождения от ответственности (наказания). Этот инструментарий получил настолько широкое распространение (на начало 2023 г. в Особенной части насчитывалось более 40 статей, имеющих соответствующие примечания), что появились специальные исследования, где делается попытка прояснить юридическую природу таких примечаний и разобраться с проблемами, возникающими при их применении. См., например: *Сверчков В. В.* Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 259–266.

мер, местоимение «оня» на «них», «сему» на «этому» и т.д.). Причем текст написан доступным и, как правило, не допускающим разночтений языком. В то же время юридическая техника данной главы безупречна. В одних случаях законодатель делит статьи на пронумерованные части (ст. 408), в других — статья не имеет частей, но распадется на пронумерованные пункты (ст. 419, 420 и 426) либо имеет части, и при этом одна из них делится на пункты (ст. 413).

3. Классификация преступных деяний против прав семейственных по объектам посягательств

Для систематизации посягательств на семейственные права разумно взять за основу классификацию, предложенную в объяснениях Редакционной комиссии. Эта классификация происходит из дифференциации родового объекта посягательства на видовые и непосредственные объекты и помогает лучше понять замысел разработчиков Уложения 1903 г.

Разработчики указывают, что семейственный союз обуславливается *браком* и имеет последствиями *права супругов* по отношению друг к другу, происходящие из факта рождения *права детей*, права и обязанности *детей по отношению к родителям и наоборот*, наконец, *союз родственный*. Согласно этому классификация рассматриваемых деяний начинается посягательствами на союз семейственный, которые, в свою очередь, делятся на:

1) посягательства на основание семьи — брак, предполагающий свободное соглашение лиц, способных к браку; сюда относятся деяния, состоящие во вступлении в недействительные браки, по вине ли одного из брачующихся (браки по принуждению или обману) или обоих (браки незаконные), причем преступная деятельность возможна со стороны как брачующихся, так и лиц, уполномоченных государством на заключение браков и их удостоверение (ст. 408–417);

2) посягательства на союз супружеский, единственным примером которых в рассматриваемой главе является прелюбодеяние (ст. 418), т.к. прочие случаи преступных деяний супругов

по отношению друг к другу предусмотрены в других (общих) главах Уложения 1903 г.;

3) преступные деяния детей против родителей, которые не могли быть предусмотрены в других главах Уложения 1903 г., поскольку наказуемость их обусловлена единственно долгом детского почтения (ст. 419):

- а) отказ в пропитании родителям;
- б) грубость против родителей, и
- в) неповиновение законному запрету родителей на вступление в брак, если виновный не достиг 21 года;

4) преступные деяния родителей против детей, наказуемость которых обусловлена единственно родительским долгом попечения о детях, причем к родителям приравнены и лица, их замещающие; сюда относятся (ст. 420–423):

- а) жестокое обращение с ребенком;
- б) принуждение несовершеннолетнего к браку;

в) обращение малолетнего к нищенству или безнравственному занятию;

г) неосуществление надлежащего надзора за малолетним со стороны лица, на которого такой надзор возложен в установленном порядке;

5) деяния, ставящие в опасность семейное и гражданское состояние лица неисполнением обязанностей, возложенных на виновного законом с целью обеспечения правильного ведения метрических записей; сюда относятся:

а) незаявление в установленном порядке о рождении или смерти (ст. 424);

б) неисполнение или небрежное исполнение обязанностей по ведению, хранению или представлению метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425, 426).

4. Субъекты и субъективная сторона преступных деяний против прав семейственных

Круг субъектов преступных деяний, перечисленных в п. 1–4, там же и раскрыт. Субъектами преступных деяний, указанных в пп. «а» п. 5, могли быть любые лица, на которых законом возложена обязанность заявлять о рождении или смерти, а в пп. «б» п. 5 — духовные лица

любого вероисповедания, за исключением православного, и служащие, на которых возложены обязанности, названные в ст. 426 и 427. При этом в гл. 19 широко использована конструкция, которую, следуя современной терминологии, можно обозначить как «специальный субъект преступления»²¹. В период разработки и принятия Уложения 1903 г. соответствующее понятие еще не было разработано в юридической науке, но корреспондирующий ему прием законодательной техники был известен по предыдущему законодательству.

Полагаем, что к специальным было бы правильно отнести субъектов преступных деяний, описанных в гл. 19 Уложения 1903 г., в ст. 412 («лицо, состоящее в супружестве»); ч. 1 ст. 413 («духовное лицо христианского вероисповедания»); п. 1 ч. 2 ст. 413 («духовное лицо нехристианского вероисповедания»); п. 2 ч. 2 ст. 413 (служащий, уполномоченный на ведение метрических записей); п. 3 ч. 2 ст. 413 (свидетель, привлеченный к поручительному свидетельству по браку); ст. 414 (лицо достигшее брачного совершеннолетия); ст. 415 («лицо христианского вероисповедания»); ст. 418 («состоящий в браке»); ст. 420, 421 («родитель», «опекун», «попечитель», «имеющий надзор за несовершеннолетним»); ст. 422 («опекун», «попечитель»); ст. 423 («обязанный иметь ответственный надзор за малолетним или иным... лицом»); ст. 424 («обязанный по закону заявить о рождении или смерти уполномоченному» лицу); ст. 425 и 426 («духовное лицо инославного христианского вероисповедания, обязанное вести метрические книги и записи о рождении, смерти или бракосочетании», «духовное лицо нехристианского вероисповедания, обязанное вести метрические книги и записи о рождении, смерти или бракосочетании»).

Преступные деяния против прав семейственных, предусмотренные в Уложении 1903 г., по признаку психического отношения субъекта к содеянному и его последствиям целесообразно разделить на три группы.

В первую группу входят те, которые *совершаются исключительно с умышленной формой вины*. Эта преобладающая группа, в свою очередь, образуется из нескольких подгрупп. Прежде всего следует указать подгруппу, которую составляют тяжкие преступления; таковых в рассматриваемую главу включено два (ч. 1 и 2 ст. 208). Преступления данной категории могут совершаться только умышленно в силу указания ч. 3 ст. 48 Уложения 1903 г. о том, что такие деяния «наказываются лишь при наличии вины умышленной».

Другую подгруппу составляют все 14 преступлений (так называемых простых, не тяжких), предусмотренных в рассматриваемой главе. Их принадлежность к первой группе обусловлена следующим. В соответствии с ч. 4 уже упомянутой статьи 48 преступления при неосторожной форме вины наказываются «только в случаях, особо законом указанных». Однако ни в одной из соответствующих статей главы (409–413, 420, 422, 425) указаний на неосторожную вину нет. Более того, применительно ко многим преступлениям (ч. 1 и 2 ст. 412, ч. 1 ст. 413, п. 1–3 ч. 2 ст. 413) указано на противоположное — на заведомое знание субъектом деяния тех или иных существенных обстоятельств, информированность о которых делает невозможным в принципе совершение деяния по неосторожности.

В последнюю подгруппу следует включить большинство проступков, описанных в рассматриваемой главе. По общему правилу ответственность за проступки наступает как при умысле на их совершение, так и при неосторожной форме вины (ч. 5 ст. 48). Однако

²¹ Если обобщить, то специальным субъектом преступления обычно называют вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее, помимо общих, дополнительными признаками, предусмотренными законом и детерминированными качествами объекта преступления, которые позволяют данному лицу совершить общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующей уголовно-правовой нормой. Подробнее об этом см., например: Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 1999.

в гл. 19 применительно к многим проступкам (ст. 414–416, ст. 418, п. 1 ст. 419) указано, что виновным заранее («заведомо»²²) известны существенные обстоятельства правонарушения, знание которых исключает неосторожную форму вины. Следовательно, эти деяния могли бы совершаться только умышленно²³. Помимо этого, объективная сторона ряда иных проступков из рассматриваемой главы исключает неосторожную форму вины лиц, их совершающих (п. 2 и 3 ст. 419, ст. 421)²⁴.

Во вторую группу входят деяния, которые *могут совершаться как умышленно, так и неосторожно*. Эта группа мала: она включает исключительно проступки, всего три (ст. 423, 424 и п. 3 ст. 426).

Третью группу составляют те деяния, которые *могут совершаться только по неосторожности* (а именно *по небрежности*). Эта группа еще меньше предыдущей, в нее входят два проступка (п. 1 и 2 ст. 426). Названная форма вины обусловлена здесь прямым указанием закона (совершение деяния «по небрежности»).

Факультативные признаки субъективной стороны преступных деяний (мотив и цель деяния, эмоциональное состояние лица до или во время совершения правонарушения) в гл. 19, как правило, не указываются и, следовательно, признаками состава преступных деяний против прав семейственных не являются (соответственно, в предмет доказывания по делу не входят).

Исключением являются статья 417 и пункт 2 ст. 420. В статье 417 установлена ответственность за увоз незамужней женщины с ее согласия, но без согласия родителей при условии, что она моложе 21 года, хотя и достигла брачного совершеннолетия. В состав этого проступка в качестве обязательного признака входит цель

деяния — вступление в брак с увезенной женщиной. В пункте 2 ст. 420 установлена ответственность родителя и других лиц, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним, в случае отдачи ими своего подопечного третьим лицам с определенной целью — для обращения к нищенству или иному безнравственному занятию.

5. Форма и способы совершения преступных деяний против прав семейственных. Особенности потерпевших и объект посягательств

подавляющее большинство преступных деяний против прав семейственных, согласно Уложению 1903 г., могут совершаться лишь посредством тех или иных действий. Вместе с тем семь видов таких деяний, напротив, могут производиться лишь в форме бездействия — несовершения тех действий, которые виновный обязан осуществить (п. 1 и 2 ст. 419, ст. 423, 424, 425, п. 1 и 3 ст. 426 Уложения 1903 г.). Действия и бездействие в современной науке уголовного права относят к признакам объективной стороны преступления.

Предусмотренные в Уложении 1903 г. способы совершения преступных деяний против прав семейственных разнообразны: насилие над личностью (ст. 408); угрозы убийством, весьма тяжким или тяжким телесным повреждением (ст. 408); обман в активной (сообщение заведомо ложных сведений) и пассивной (умолчание о значимых обстоятельствах) формах (ст. 409); увоз человека (ст. 417); принуждение посредством использования родительской или опекунской власти (ст. 420, 422); внесение в официальные документы неверных сведений (п. 2 ст. 426).

²² Как видим, этот технический прием, ныне также востребованный в законодательстве для характеристики субъективной стороны преступления, широко представлен в гл. 19 Уложения 1903 г.

²³ Например, согласно ст. 414 ответственность наступает за вступление в брак с лицом, которое заведомо для виновного не достигло брачного совершеннолетия.

²⁴ Так, согласно п. 2 ст. 419 Уложения 1903 г. наказуемо «упорное неповиновение родительской власти». Проявление упорства означает «твердость и непреклонность в стремлении к чему-либо» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4 : С — Ящурный. С. 966), т.е. указывает на осмысленное, целенаправленное и последовательное поведение, исключающее неосторожность.

Если исходить из современных представлений об уголовном праве, перечисленные способы так же, как действие и бездействие, являются признаками объективной стороны соответствующих преступлений, но уже факультативными.

При конструировании статей гл. 19 наряду с выше рассмотренным техническим приемом «специальный субъект преступления» законодатель широко применял зеркальный прием — «специальный потерпевший». Данный термин и соответствующее ему понятие в науке уголовного права появились значительно позже, в советский период, что, однако, не мешало прибегать к названному приему в законодательстве на рубеже XIX и XX вв. и ранее²⁵.

Определенные характеристики потерпевшего включаются в составы не всегда, когда преступление причиняет ему вред, а лишь тогда, когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его определенными условиями²⁶. Когда это имеет место, говорят о «специальном потерпевшем» (и здесь просматривается аналогия с предназначением приема «специальный субъект преступления») как факультативном признаке объекта преступления. Если признаки специального потерпевшего в законе не формулируются, на свойства потерпевшего указывает характер ущерба, который причиняет соответствующее преступление.

Выделение фигуры потерпевшего как признака объекта преступления позволяет лучше раскрыть сущность преступления, т.е. его общественную опасность, и механизм причинения вреда общественным отношениям²⁷.

Конструкция «специальный потерпевший» использована в гл. 19 Уложения 1903 г. в следующих случаях: ст. 409 (лицо, «которое заве-

домо не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками»), ст. 410 («жених», «невеста»), ст. 414 («лицо, заведомо не достигшее брачного совершеннолетия»), ст. 419 («мать», «законный отец»), ст. 421 и 423 («малолетний»), ст. 422 («лицо, не достигшее двадцати одного года»). Таким образом, специального потерпевшего здесь характеризуют определенное состояние здоровья в момент совершения преступления; физическое и психическое состояние; умственное развитие; отношение к браку; кровная и юридическая связь с виновным; юридически значимый возраст (возраст полной или неполной общей или специальной дееспособности); возраст, предопределяющий физическое и психическое развитие.

Под объектом любого преступления разработчики Уложения 1903 г. понимали «интерес или благо, охраняемые выраженной в законе нормой, на которую посягает преступник»²⁸. Такое представление сформировалось, вероятно, под влиянием идей Н. С. Таганцева (члена Редакционной комиссии), который в одной из работ писал, что то положительное, в чем выражается право, есть интерес, взятый под его защиту; норма права как реальный элемент общественной жизни есть охраняемый интерес; на этот интерес и направляет свою деятельность лицо, переступающее веления юридических норм. Этот интерес может входить в юридическую сферу определенного субъекта, и тогда посягательство на интерес будет и посягательством на субъективное право, или известный интерес охраняется правом как общественное достояние или благо, независимо от принадлежности его тому или другому субъекту²⁹.

²⁵ Так нередко бывает: какие-то приемы, подходы сначала рождаются и апробируются и показывают свою эффективность в какой-либо практике (не только в законодательстве), а лишь затем замечаются, осмысливаются, обосновываются в теории этой деятельности.

²⁶ Дагель П. С. Потерпевший от преступления в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 23.

²⁷ Шеслер А. В. Состав преступления : монография. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2016. С. 39.

²⁸ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. СПб. : Гос. тип., 1895. Т. 2, гл. 2–7. С. 7.

²⁹ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 40.

В свою очередь, воззрения Таганцева, по всей видимости, сформировались под влиянием немецких правоведов. В частности, он признавал справедливость позиции Гельшнера, согласно которой конкретное правовое благо лишь непосредственный объект посягательства и сущность преступления не исчерпывается повреждением, причиняемым конкретному благу; *его истинное значение заключается в том противодействии, которое через это оказывается господству права в государстве*. Поэтому конечным юридическим объектом, на который посягает преступник, всегда является само государство³⁰.

Охрана семьи, как считали разработчики Уложения 1903 г., необходима во имя общественных интересов, ввиду которых *посягательства на семейный союз принадлежат к группе посягательств на условия общежития*. При этом главная задача законодательства, по мысли разработчиков, состоит в ограждении не какого-либо отдельного частного блага того или иного лица, а блага общественного, сводящегося к известным *этическим началам*, подлежащим защите государства как необходимое основание прочности и непоколебимости семейного существования и семейного положения вообще³¹. Ну а в качестве этических начал традици-

онно при конструировании уголовно-правовых норм выступали религиозные каноны и правила (ст. 415, 418 Уложения 1903 г.). Соответственно, дополнительным объектом защиты в этих случаях были религиозные интересы.

Заключение

История уголовного права является важной частью нашего культурного и социального развития. Она предлагает глубокий анализ и понимание того, как формировались законы и наказания, помогает осознать, какие нормы поведения и ценности стали основой для создания или изменения уголовного права на том или ином этапе развития общества. Обращение к истории уголовного права помогает понять, как и почему сформировались законы и нормы, которые регламентировали жизнь наших предков, чем обусловлено действующее уголовное законодательство, как оно может измениться, к каким последствиям это приведет и каким образом следует менять уголовное право, чтобы соответствовать вызовам времени. Автор надеется, что представленное здесь исследование в какой-то мере поспособствует решению перечисленных задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гарцева Ю. Ю. Ответственность членов семьи за ненадлежащее выполнение обязанностей и злоупотребление правом в Российской империи в XVIII — начале XX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 2. — С. 260–265.
2. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная. Часть общая / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова; пер. и изд. Н. Неклюдова. — СПб., 1865. — 916 с.
3. Дагель П. С. Потерпевший от преступления в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. — Владивосток, 1974. — С. 16–37.
4. Колоколов Г. Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. — М.: Типо-лит. Ю. Венера, преемн. О. Фальк, 1904. — 44 с.
5. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. — Неофиц. изд. — СПб.: Кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. — 253 с.

³⁰ См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 40.

³¹ См.: Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 4, гл. 17–18. С. 157.

6. *Сверчков В. В.* Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 4. — С. 259–266.
7. *Семенов С. А.* Специальный субъект преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — М., 1999. — 184 с.
8. *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. — СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. — Т. 1. — Вып. 1. — 178 с.
9. *Стучка П.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. — 1918. — № 1. — С. 1–8.
10. *Таганцев Н. С.* Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым. Часть общая. — СПб. : Гос. тип., 1887–1892. — Вып. 1. — 1887. — 380 с., XIV с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. 4 : С — Ящурный. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. — 1500 с.
12. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. — Т. 2, гл. 2–7. — СПб. : Гос. тип., 1895. — 582 с.
13. Уголовное, уголовно-исполнительное право и криминология. Персоналии: Биобиблиографический справочник / сост. Э. В. Георгиевский. — Иркутск : ВСИ МВД России, 2002. — 346 с.
14. *Шеслер А. В.* Состав преступления : монография — Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2016. — 90 с.
15. Энциклопедический словарь. — Т. III А: Бергер — Бисы. — СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1892. — 1892. — 952 с.
16. Юридический словарь. — 2-е изд. — М. : Госюриздат, 1956. — 2 т. — 663 с.

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gartseva Yu. Yu. Otvetstvennost chlenov semi za nenadlezhashchee vypolnenie obyazannostey i zloupotreblenie pravom v Rossiyskoy imperii v XVIII — nachale XX veka // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2016. — № 2. — S. 260–265.
2. Berner A. F. Uchebnik ugovnogo prava: Chasti obshchaya i osobennaya. Chast obshchaya / s prim., pril. i dop. po istorii rus. prava i zakonodatelstvu polozhit. magistra ugovn. prava N. Neklyudova; per. i izd. N. Neklyudova. — SPb., 1865. — 916 s.
3. Dagel P. S. Poterpevshiy ot prestupleniya v sovetskom ugovnom prave // Poterpevshiy ot prestupleniya. — Vladivostok, 1974. — S. 16–37.
4. Kolokolov G. E. Novoe ugovnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskiy razbor. — M.: Tipo-lit. Yu. Vener, preemn. O. Falk, 1904. — 44 s.
5. Novoe ugovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.: S pril. predm. alf. ukaz. — Neofits. izd. — SPb.: Kn. mag. V. P. Anisimova, 1903. — 253 s.
6. Sverchkov V. V. Primechaniya k statyam Ugovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob osvobozhdenii ot ugovnoy otvetstvennosti (nakazaniya): yuridicheskaya priroda i problema primeneniya // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. — 2013. — № 4. — S. 259–266.
7. Semenov S. A. Spetsialnyy subekt prestupleniya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — M., 1999. — 184 s.
8. Spasovich V. D. Uchebnik ugovnogo prava, sostavlennyy V. Spasovichem. — SPb.: Tip. I. Ogrizko, 1863. — T. 1. — Vyp. 1. — 178 s.
9. Stuchka P. Proletarskaya revolyutsiya i sud // Proletarskaya revolyutsiya i pravo. — 1918. — № 1. — S. 1–8.

10. Tagantsev N. S. Lektsii po russkomu ugovnomu pravu, chitanye N. S. Tagantsevym. Chast obshchaya. — SPb.: Gos. tip., 1887–1892. — Vyp. 1. — 1887. — 380 s., XIV s.
11. Tolkovyy slovar russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova. — T. 4: S — Yashchurnyy. — M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. — 1500 s.
12. Ugolovnoe ulozhenie. Obyasneniya k projektu Redaktsionnoy komissii. — T. 2, gl. 2–7. — SPb.: Gos. tip., 1895. — 582 s.
13. Ugolovnoe, ugovno-ispolnitelnoe pravo i kriminologiya. Personalii: Biobibliograficheskiy spravochnik / sost. E. V. Georgievskiy. — Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2002. — 346 s.
14. Shesler A. V. Sostav prestupleniya: monografiya — Novokuznetsk: FKOU VPO Kuzbasskiy in-t FSIN Rossii, 2016. — 90 s.
15. Entsiklopedicheskiy slovar. — T. III A: Berger — Bisy. — SPb.: F. A. Brokgauz, I. A. Efron, 1892. — 1892. — 952 s.
16. Yuridicheskiy slovar. — 2-e izd. — M.: Gosyurizdat, 1956. — 2 t. — 663 s.

Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах

Аннотация. Анализ вопросов создания и применения машиночитаемых форматов юридических документов актуален для национальных правовых систем многих государств. Опыт ведущих технологических стран, являющихся лидерами в данной области, — Германии, США, Японии, Бразилии и ряда других, может быть полезен Российской Федерации для дальнейшего претворения в жизнь основных положений Концепции развития технологий машиночитаемого права, разработанной в нашей стране. Изучение и понимание процессов создания и последующего применения машиночитаемых форматов законодательства, актов официального толкования, актов реализации права и правоприменительных актов могут существенно увеличить степень автоматизации различных видов юридической деятельности, упростить решение рутинных юридических задач, тем самым повысив эффективность правового регулирования. В работе приводится сравнительно-правовой анализ развития технологий машиночитаемых форматов юридических документов в разных странах, выделяются достоинства, обозначаются проблемы создания и использования подобных документов, разрешение которых может помочь в совершенствовании данных технологий в России.

Ключевые слова: информационные технологии в праве; онтология; правовая онтология; правовая технология; онтология в информационной сфере; машиночитаемый формат юридических документов; машиночитаемое право; машиночитаемое законодательство; искусственный интеллект; применение искусственного интеллекта в юридической деятельности.

Для цитирования: Березина Е. А. Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 25–41. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.025-041.

© Березина Е. А., 2025

* Березина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620137
helalex@mail.ru

Machine-Readable Legal Documents: Format Development and Application in Foreign Countries

Elena A. Berezina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation
helalex@mail.ru

Abstract. Analysis of the issues of creating and applying machine-readable formats of legal documents is very relevant for national legal systems of many States. The experience of leading technological countries that are leaders in this area, namely: Germany, the USA, Japan, Brazil and a number of other countries, can be useful to the Russian Federation for the further implementation of the main provisions of the Concept for the Development of Machine-Readable Law Technologies developed in Russian Federation. Studying and understanding the processes of creating and subsequent application of machine-readable formats of legislative acts, acts of official interpretation, acts of implementation of law and law enforcement acts can significantly increase the level of automation of various types of legal activities, facilitate the solution of routine legal tasks, thereby increasing the effectiveness of legal regulation. The paper provides a comparative legal analysis of the development of technologies for machine-readable formats of legal documents in different countries, highlights the advantages, identifies the problems of creating and using such documents, the resolution of which can help improve these technologies in Russia.

Keywords: information technology in law; ontology; legal ontology; legal technology; ontology in the information sphere; machine-readable legal documents; machine-readable law; machine-readable legislation; artificial intelligence; application of artificial intelligence in legal activities.

Cite as: Berezina EA. Machine-Readable Legal Documents: Format Development and Application in Foreign Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):25-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.025-041.

Введение

В настоящее время российское общество столкнулось с необходимостью определения своей правовой идентичности, а также выбора направления социально-политического и социально-правового развития и политической и правовой идеологии. Определение «правового вектора развития российского общества»¹ связано с решением вопросов его отношения к государству, собственности, правовой свободе, правовой коммуникации², а также к самому праву, с пониманием его сущностных характеристик, его роли и назначения в жизни общества и дальнейших путей его развития. Потребность в этом обусловлена происходящими во всех правовых системах процессами существенной

трансформации права под воздействием современных технологий. Важно, чтобы эти процессы не оказали негативного влияния на основополагающие правовые идеи, на содержательную сторону права и правовых явлений, чтобы право не превратилось в совокупность технических правил, не утратило своих социальных характеристик. Для этого юридическая наука должна анализировать процессы, происходящие в правовой сфере, связанные с формализацией, алгоритмизацией, автоматизацией, машинизацией права.

Нарастающее влияние цифровых технологий на право, особенно ярко проявившееся в последние годы, обозначило несколько направлений такого воздействия, начиная от электронного правительства и заканчивая смарт-контрак-

¹ Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 2. Цивилизационный выбор // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 4. С. 16.

² Архипов С. И. Указ. соч. С. 17–23.

тами и блокчейн-технологиями. Появилась особая область технологического сопровождения юридической деятельности — LegalTech³.

Одним из технологических направлений в области LegalTech является разработка машиночитаемых форматов юридических документов — изложение определенного набора правовых норм, а также содержания актов официального толкования, правоприменительных актов и актов реализации права на формальном языке программирования. В пункте 2.3.3.1 подразд. «Правила оформления машиночитаемых документов и машинограмм» приказа Главархива СССР от 25.05.1988 № 33 содержалась дефиниция машиночитаемого документа: «документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации»⁴.

В 2021 г. экспертами инновационного центра «Сколково» была разработана Концепция развития технологий машиночитаемого права⁵, в которой рассматривался международный опыт их использования, определялись возможные сферы их применения в РФ, а также анализировались потенциальные риски использования таких технологий. Отечественными исследователями уже предлагаются интерпретации понятия «машиночитаемое право» в прагматическом, онтологическом и телеологическом значениях⁶. В Концепции машиночитаемое право определяется как «основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого

права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)». Но в машиночитаемом формате могут быть изложены не только нормативные правовые акты, но и акты официального толкования, акты реализации и применения права, поэтому в данной статье идет речь о «машиночитаемых документах», а точнее о «машиночитаемых форматах юридических документов».

Проблемы формирования машиночитаемого законодательства

Перевод норм права на машиночитаемый язык авторы рассматривают как один из правовых рисков⁷. В сфере правотворчества учеными отмечается ограниченность возможности алгоритмизации права и его перевода в машиночитаемый формат и предлагается его осуществление преимущественно «в сферах технического регулирования, стандартизации, единства измерений, проведения процедур оценки соответствия, сертификации»⁸.

Для перевода в машиночитаемый вид нормативных правовых актов требуются мощные программные средства, которые сочетают в себе целый спектр современных технологий. И если вопрос распознавания текста с помощью компьютерного зрения уже давно успешно решен, а конвертация текста в цифровой вид из рукописного или графического формата не вызывает трудностей, то проблема отражения смысло-

³ Афанасьев С. Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 47.

⁴ Приказ Главархива СССР от 25.05.1988 № 33 «Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения» // СПС «Гарант».

⁵ Концепция развития технологий машиночитаемого права, утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности // СПС «Гарант».

⁶ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 235.

⁷ Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 19.

⁸ Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

вой нагрузки норм права, выраженных в тексте нормативных правовых актов, в формальном виде, в виде кода, на сегодняшний день всё еще остается сложнейшим вопросом как для программистов, так и для юристов. Авторам «представляется сомнительной» возможность формально-логической алгоритмизации права⁹. Хотя праву и присуща формальная определенность, не все виды норм права могут быть формализованы без потери их содержания. Необходимо отметить, что сложно формализуются принципы права, нормы, содержащие оценочные категории, специализированные нормы права. Если быть более категоричными, то эти виды норм права не могут быть формализованы только с помощью формальной логики. Как выразить с помощью формальной логики и языка программирования содержание понятий «справедливость», «гуманность», «разумность», «свобода воли» и многих других?

Еще одной причиной медленного развития технологий выражения права в машиночитаемом виде является сама предметная область, которая предполагает высокую квалификацию специалистов как в юриспруденции, так и в сфере информационных технологий. Показательным примером необходимости объединения усилий указанных специалистов является потребность в решении проблемы создания специальных правовых онтологий. Понятие «онтология» в философском значении рассматривается как учение о сущем, фундаментальных принципах бытия, его наиболее общих сущностях, категориях, структуре и закономерностях¹⁰. В информационной сфере термин «онтология» означает описание предметной области, сфор-

мулированное на формальном языке, семантика которого позволяет осуществлять логический вывод¹¹. Необходимость уяснения понятия «онтология» называется в качестве одной из проблем цифровизации наряду с тем, как построить классификации на основе онтологических схем, как добиваться общепонимаемых систем классификации¹². Создание онтологий является сложной задачей, включающей в себя моделирование концептуальных связей предметной области с последующим представлением этих связей в виде кода на одном из языков онтологий, поэтому, как уже говорилось, для успешного создания онтологии в определенной предметной области необходимо объединение знаний экспертов данной предметной области и навыков инженеров — создателей как общих, так и правовых онтологий.

Онтологию можно рассматривать как описание на формальном языке множества объектов и связей между ними с помощью концептуальной схемы в определенной предметной области. «Онтология есть явно выраженная спецификация концептуализации»¹³. Именно понятие онтологии, и в частности правовой онтологии, является ключевым при определении дальнейшей возможности представления юридических документов в машиночитаемом виде и способности компьютерных программ считывать информацию, содержащуюся в нормативно-правовых, правоприменительных, правореализационных и правоинтерпретационных актах. В основании онтологии находятся дескрипционные (дескриптивные) или описательные логики. Это семейство формальных языков, основанных на логике, или

⁹ Гаврилов С. Н. Машиночитаемые право, закон и человекочитаемый (русский) язык // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 82.

¹⁰ Онтология // Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 2001. С. 424.

¹¹ Серебряков В. А. Онтология в информатике // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/ontologija-v-informatike-3ae8a5> (дата обращения: 28.04.2024).

¹² Тихомиров С. Г. Перспективы разработки и применения умных (smart) стандартов : презентация. Слайд 18 // Стандарты для цифровых технологий: курс — на консолидацию работы / РСПП. Комитет по промышленной политике и техническому регулированию. URL: <http://www.rgtr.ru/data/events/2023/SMART%2C%2012.12.2023/5.%20Тихомиров%20С.Г..pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

¹³ Gruber T. R. A translation approach to portable ontologies // Knowledge Acquisition. 1993. No. 5 (2). P. 199.

«формальный подход представления знаний»¹⁴, «семейство формализмов представления знаний, которые выражают знания прикладной области, сначала определяя соответствующие концепции предметной области (ее терминологию), а затем, используя эти понятия, задают свойства объектов и субъектов, встречающихся в предметной области (описание мира)»¹⁵. Особой характеристикой дескрипционных логик является возможность выводить на основе законов логики «неявно представленные знания из знаний, которые явно содержатся в базе знаний»¹⁶. То есть дескрипционные логики обеспечивают возможность машинной обработки содержащихся в онтологиях знаний и последующего автоматического логического вывода новых знаний из тех, что уже имеются. Предполагается, что любая информация на естественном языке может быть декомпозирована на простые предложения, каждое из которых возможно представить в виде последовательности: «субъект — предикат — объект». Для анализа и графической интерпретации взаимозависимостей элементов онтологии удобно использовать такую математическую абстракцию, как граф, в котором рассматриваемые субъекты и объекты, называемые сущностями, являются вершинами графа, а ребра между вершинами графа отражают отношения между сущностями.

Онтологии применяются в настоящее время в информатике как описание на формальном языке различных областей знаний, одной из

которых является юриспруденция. Онтологии направлены на выражение знаний предметной области таким образом, чтобы программа могла автоматически представлять проблемы и генерировать решения¹⁷. «Правовые онтологии» — это общий термин для онтологий, разработанных для работы с правовой областью и относящихся, в частности, к представлению правовых концепций, юридических знаний и здравого смысла¹⁸. Источником правовых понятий для формирования правовых онтологий является теория права. Но существуют значительные различия в типах правопонимания. Создатели правовых онтологий должны иметь в виду это расхождение, поскольку оно оказывает влияние на решение всех остальных правовых вопросов. Так, в США разработаны разные правовые онтологии, основанные на теориях правопонимания Ганса Кельзена и Роберта Алекси, а также ряда других авторов¹⁹.

Для дальнейшего совершенствования процессов представления и анализа юридических документов в машиночитаемом виде большое значение имеют семантические технологии. Семантические модели, построенные по определенным принципам, позволяют автоматически обрабатывать информацию и получать логические выводы на основании заложенных в модель аксиом. В настоящее время существует несколько языков для описания онтологий, семантических моделей, среди которых наиболее известны RDF/RDFS и OWL.

¹⁴ The Description Logic Handbook: Theory, Implementation, Applications / F. Baader, D. Calvanese, D. L. McGuinness, D. Nardi, P. F. Patel-Schneider. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 5.

¹⁵ The Description Logic Handbook. P. 47.

¹⁶ The Description Logic Handbook. P. 47.

¹⁷ El Ghosh M. Automation of legal reasoning and decision based on ontologies. Web. Normandie Université, 2018. P. 59. URL: <https://theses.hal.science/tel-02062174/document> (дата обращения: 28.04.2024).

¹⁸ Griffo C., Almeida J. P., Guizzardi G. A. Systematic Mapping of the Literature on Legal Core Ontologies // 7th Brazilian Symposium on Ontology Research (ONTOBRAS, 2015). URL: https://www.researchgate.net/publication/283271868_A_Systematic_Mapping_of_the_Literature_on_Legal_Core_Ontologies (дата обращения: 28.04.2024).

¹⁹ Guizzardi G. Towards a legal core ontology based on Alexy's theory of fundamental rights // URL: https://www.academia.edu/13182406/TOWARDS_A_LEGAL_CORE_ONTOLOGY_BASED_ON_ALEXY_S_THEORY_OF_FUNDAMENTAL_RIGHTS?uc-g-sw=77942009 (дата обращения: 28.04.2024).

Правовой опыт создания и применения машиночитаемых форматов юридических документов в зарубежных государствах

Для развития технологий машиночитаемых форм правовых документов в Российской Федерации может быть полезен зарубежный опыт, накопленный в данной сфере. Так, «в Великобритании была разработана система CLIEL, которая обеспечивает аннотирование юридических документов с использованием формата XML (eXtensible Markup Language — “расширяемый язык разметки”) для упрощения извлечения данных... который легко читается и человеком, и программой, а также позволяет обеспечить совместимость данных, находящихся на разных компьютерах»²⁰. В ноябре 2017 г. Управление по финансовому регулированию (Financial Conduct Authority, FCA) в Соединенном Королевстве совместно с Банком Англии привлекло экспертов из правительства Великобритании, частного сектора и научных кругов для создания экспериментальной концептуальной модели для внедрения машинно-исполняемых финансовых инструментов. В рамках этих исследований был выработана стратегия MDMER (Model-Driven Machine Executable Regulations), которая предполагала необходимость мониторинга и анализа тысяч юридических источников в режиме реального времени с целью предоставления финансовым компаниям инструмента, позволяющего своевременно отслеживать постоянные изменения и обновления нормативной базы²¹. В 2020 г. Европейское банковское управление (European Banking Authority, EBA) опубликовало документ²², содержащий ответы и разъяснения на ряд вопросов в области цифровых финан-

сов, среди которых был раздел, посвященный технологиям SupTech (Supervisory Technology) и RegTech (Regulatory Technology). При ответе на вопрос № 43 о пользе перевода финансового законодательства в машиночитаемую форму ЕВА однозначно подчеркнуло, что основным преимуществом таких технологий является устранение необходимости для финансовых учреждений толковать законодательство, если оно недостаточно четкое либо может быть истолковано неправильно. В отчете отмечалось, что в этом случае повышается эффективность работы надзорных органов, т.к. они получают однородные данные от финансовых учреждений и тем самым сокращается время на обработку и анализ этих данных. Преимуществом является и более быстрое внедрение изменений в законодательство. В качестве основных проблем ЕВА были обозначены сложность законодательства и трудность создания семантических моделей для перевода его в машиночитаемый формат. В октябре 2023 г. итальянская IT-компания Aptus.AI опубликовала статью «Слишком много законов в Италии! Итальянский регуляторный лабиринт... и как из него выбраться», в которой приводится количество итальянских законов — приблизительно 250 000. Для упрощения анализа юридической информации компания Aptus.AI предлагает использовать искусственный интеллект, в частности свою разработку Daitomic²³, представленную в ноябре 2023 г. на крупнейшей технологической конференции Web Summit 2023 в Лиссабоне (Португалия). Данная платформа обновляется в режиме реального времени и предоставляет возможность преобразования юридических документов любого формата в машиночитаемый формат. Отмечается, что «это

²⁰ Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды ИСП РАН. 2020. Т. 32. Вып. 3. С. 159.

²¹ Machine Executable Regulations: fiction or reality? // URL: <https://www.aptus.ai/post/machine-executable-regulations-fiction-or-reality> (дата обращения: 28.04.2024).

²² EBA response: EC consultation on the digital finance strategy / action plan // URL: [https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/About Us/Missions and tasks/Correspondence with EU institutions/2020/886668/EBA Response to EC DFS consultation 260620.pdf](https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/About%20Us/Missions%20and%20tasks/Correspondence%20with%20EU%20institutions/2020/886668/EBA%20Response%20to%20EC%20DFS%20consultation%20260620.pdf) (дата обращения: 28.04.2024).

²³ Aptus.AI's machine readable regulations presented at the last EFIF meeting // URL: <https://www.aptus.ai/post/aptus-ais-machine-readable-regulations-presented-at-the-last-efif-meeting> (дата обращения: 28.04.2024).

нововведение открывает для пользователей и систем искусственного интеллекта мир ранее немыслимых взаимодействий с юридическими текстами»²⁴. По утверждениям разработчиков, алгоритмы, заложенные в Daitomic, автоматически выполняют все операции анализа и отслеживания, которые в настоящее время отнимают очень много времени и ресурсов, а также приводят к ошибкам и временным потерям.

В других европейских странах также активно идет процесс цифровизации общественных отношений, в том числе в правовой сфере. Многими европейскими государствами были приняты усилия по представлению юридических документов в машиночитаемых форматах. Германия как одна из технологически развитых стран также присоединилась к этому процессу. Федеральное министерство внутренних дел Германии запустило в 2015–2016 гг. проект Elektronische Gesetzgebung («Электронное законодательство»)²⁵ и в марте 2020 г. опубликовало немецкую версию приложения LegalDocML.de²⁶. Его целью является оцифровка всего жизненного цикла закона от разработки до публикации. В рамках законодательного цикла проект «Электронное законодательство» включает создание законопроектов, комментирование и возможность голосования в электронной форме, а также электронную подачу законопроектов в Бундестаг и Бундесрат. С мая 2023 г. также разрабатывается отдельный пользовательский интерфейс для Бундестага.

К приложениям электронного правительства относятся электронная подготовка проектов

нормативных актов — поддержка экспертам по правовым вопросам при подготовке нового нормативного предложения; электронный процессуальный помощник в законодательном процессе, предоставляющий информацию о законодательных инициативах федерального правительства, Бундестага и Бундесрата, а также о правовых нормах; библиотека рабочих пособий; электронный редактор законодательства; электронная оценка правового воздействия; электронное внутриведомственное голосование и ряд других²⁷.

Для электронного законодательства с помощью LegalDocML.de был разработан отдельный стандарт данных, целью которого является отображение структуры правовых текстов в машиночитаемой форме, а также обеспечение их обработки. В этом отношении LegalDocML.de называют «сердцем электронного законодательства», поскольку оно является основой для цифровизации законодательных процессов. Исходный код платформы электронного законодательства был впервые опубликован в апреле 2022 г. как один из первых программных проектов федерального правительства под лицензией с открытым исходным кодом на платформе Open CoDE²⁸.

В Германии большое внимание уделяется консолидации усилий всех социальных институтов, деятельность которых направлена на совершенствование процессов цифровизации. Так, в 2021 г. Федеральное министерство внутренних дел от имени федерального правительства основало некоммерческую ассоциацию GovTech Campus Deutschland e.V.²⁹ вместе с другими чле-

²⁴ Итальянский стартап Aptus.AI привлекает 3 миллиона евро на машиночитаемые технологии регулирования // URL: <https://port-mone.tv/italyanskij-startap-aptus-ai-privlekaet-3-milliona-evro-na-mashinocitaemye-tehnologii-regulirovaniya/> (дата обращения: 28.04.2024).

²⁵ E-Gesetzgebung // URL: <https://plattform.egesetzgebung.bund.de/cockpit/#/cockpit> (дата обращения: 28.04.2024).

²⁶ LegalDocML.de als Standard für einen digitalen Rechtsetzungsprozess // URL: <https://plattform.egesetzgebung.bund.de/cockpit/#/ueberDasProjekt/legaldoc/> (дата обращения: 28.04.2024).

²⁷ Aktuelle Entwicklung // URL: <https://plattform.egesetzgebung.bund.de/cockpit/#/ueberDasProjekt> (дата обращения: 28.04.2024).

²⁸ Documentation E-Gesetzgebung // URL: <https://gitlab.opencode.de/bmi/e-gesetzgebung/documentation> (дата обращения: 28.04.2024).

²⁹ GovTech Campus Deutschland — Technologien für die Zukunft von Staat und Verwaltung // URL: <https://govtechcampus.de/> (дата обращения: 28.04.2024).

нами-учредителями из федеральных земель, представителями науки, бизнеса, технологической сферы. Целью ее деятельности является модернизация работы и подходов государственного управления в рамках цифровизации для улучшения предоставления административных услуг гражданам и компаниям.

В статье сербских авторов, посвященной автоматическому преобразованию обычного текста законодательства в машиночитаемый формат, обосновывается, что важную роль в точности полученных результатов преобразования законов имеет соответствие законов единым методологическим правилам их составления³⁰. Поскольку некоторые нормативные акты не отвечают этим правилам, автоматически невозможно корректно переводить тексты законодательства в машиночитаемый формат. В Сербии действуют Единые методологические правила составления нормативных актов Республики Сербия³¹. В статье представлен метод преобразования законодательных документов, опубликованных в Республике Сербия, в машиночитаемый формат юридических документов на основе Akoma Ntoso, международного технического стандарта для представления документов законодательных, исполнительных и судебных органов в форме структурированных данных³². Стандарт был разработан в рамках проекта Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН Africa i-Parliament Action Plan. Он принят OASIS, применяется для «продвижения лучших мировых практик использования XML в юридических документах»³³ и предназначен

для использования в качестве общей формы для обмена правовой информацией во всех законодательных, исполнительных и судебных органах разных государств по всему миру.

Япония является одним из ведущих мировых технологических лидеров. Еще в 2008 г. появились работы, связанные с анализом возможности использования стандарта Akoma Ntoso применительно к японской правовой системе. Авторы пытались решить проблему перевода «юридических предложений в логические формы», разработав собственную систему формализации для японского законодательства, которая позволила перевести в машиночитаемый формат данные юридических документов. Экспериментально было установлено, что преобразование осуществляется с 78 %-ной точностью³⁴.

В 2016 г. в Японии начала функционировать система электронного законодательства (e-LAWS). При ее разработке был применен машиночитаемый формат юридических документов Japan Legal XML Schema (JLS). Его создатели постарались учесть особенности японских нормативных правовых актов. С помощью технологии электронного законодательства заинтересованные лица могут получить доступ к японским законам и подзаконным нормативным правовым актам, представленным в виде открытых данных. Так же как и в Сербии и в других странах мира, в Японии для удобства и единообразия представления мировому сообществу японского законодательства в машиночитаемом формате пришли к выводу о необходимости разработки конвертера-преобразователя, который бы по-

³⁰ Cvejić A., Grujić K., Cvejić A., Marković M., Gostojić S. Automatic Transformation of Plain-text Legislation into Machine-readable Format // The 11th International Conference on Information Society, Technology and Management (ICIST 2021), Kopaonik, March 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349947228_Automatic_Transformation_of_Plain-text_Legislation_into_Machine-readable_Format (дата обращения: 28.04.2024).

³¹ Unified Methodological Rules for Drafting Regulations: Legislative Committee of the National Assembly of the Republic of Serbia // Official Gazette of the RS. 2010. March 30. No. 21/2010.

³² URL: <http://www.akomantoso.org/> (дата обращения: 28.04.2024).

³³ URL: https://www.oasis-open.org/committees/tc_home.php?wg_abbrev=legaldocml (дата обращения: 28.04.2024).

³⁴ Nakamura M., Nobuoka S., Shimazu A. Towards Translation of Legal Sentences into Logical Forms // New Frontiers in Artificial Intelligence. JSAI 2007 / K. Satoh, A. Inokuchi, K. Nagao, T. Kawamura (eds.). Berlin, Heidelberg : Springer, 2008. P. 349–362. (Lecture Notes in Computer Science. 2008. Vol. 4914.)

зволил обеспечить совместимость собственных машиночитаемых форматов японского законодательства и формата Akoma Ntoso, поскольку это дает возможность осуществлять обмен данными с юридическим содержанием между всеми странами. Предполагается, что описание законов Японии в общей для всех стран мира XML-схеме позволит использовать эту технологию для проведения сравнительно-правовых исследований³⁵.

Масштабы внедрения машиночитаемых форматов демонстрируют стремление Японии оставаться на переднем крае юридических технологий. Подчеркивается, что создание e-LAWS «имеет эпохальное значение для Японии; точные правовые данные станут более доступными»³⁶. Внедрение стандартизированных форматов облегчает беспрепятственный обмен данными, повышая функциональную совместимость правовых систем.

Анализируя развитие машиночитаемых форматов правовых документов в США, отметим, что исследователи в области англосаксонского права сходятся во мнении, что, в частности, законодательство США имеет очень сложную структуру по сравнению с европейским. В США существует тенденция к принятию всё более длинных и сложных законов, что может привести к ухудшению качества норм³⁷. Например, в 1970 г. федеральные нормативные акты США можно было прочитать за 1 год и 65 дней, в 2016 г. на прочтение ушли бы уже 3 года и 117 дней³⁸. В значительном увеличении объема нормативных актов ученые видят большие проблемы, включая замедление экономического роста, сокращение возможностей трудоустройства, негативное влияние на инновации

и предпринимательство. В качестве решения проблемы предлагается создание комиссии для оценки устаревших законов и выявления дублирования информации. Новые же законы должны приниматься с учетом вероятных последствий регулирующего вмешательства.

Перегруженность американского законодательства, его многоуровневость, отсутствие четкого разделения на отрасли обуславливают большие сложности с его реализацией в машиночитаемом виде. Абсолютное большинство законов написано на естественном языке, и, хотя все они есть в оцифрованном виде, в них отсутствуют встроенные метаданные, которые раскрывают сведения о признаках и свойствах, характеризующих какие-либо сущности, позволяющие автоматически искать и управлять ими в больших объемах информации. Поэтому для извлечения значимой информации могут использоваться только методы обработки естественного языка. Так, одни алгоритмы могут проводить анализ на набор слов регулятивного характера, таких как «должен», «запрещено» и т.д. Другие алгоритмы могут сопоставлять нормы с отраслями, на которые они могут влиять с наибольшей вероятностью. Применяя эти алгоритмы к нормативному акту, пользователь может получить представление о том, к каким отраслям, организациям и т.д. применяется, например, наибольшее количество ограничений.

Методы обработки естественного языка, включая технологии оптического распознавания текста, остаются практически единственным инструментарием для перевода ранее принятого законодательства в цифровой формат. Для развития машиночитаемого законодательства целесообразно при принятии законов и иных нор-

³⁵ Nakamura M. Development of applications for open data for Japanese laws and regulations // Journal of Open Access to Law. Open Journal Systems. 2022. Vol. 10. No. 1. URL: <https://ojs.law.cornell.edu/index.php/joal/article/view/121/112> (дата обращения: 28.04.2024).

³⁶ Nakamura M. Op. cit.

³⁷ McLaughlin P., Sherouse O., Febrizio M., King M. S. Is Dodd-Frank the Biggest Law Ever? // Journal of Financial Regulation. Advance online publication. February 5, 2021. URL: <https://doi.org/10.1093/jfr/fjab001> (дата обращения: 28.04.2024).

³⁸ McLaughlin P., Nelson J., Pagels J., Sherouse O. The Impossibility of Comprehending, or Even Reading, All Federal Regulations // Mercatus Center. October 19, 2017. URL: <https://www.mercatus.org/publications/regulation/impossibility-comprehending-or-even-reading-all-federal-regulations> (дата обращения: 28.04.2024).

мативных правовых актов их оформление как на естественном языке, так и в машиночитаемом формате. При этом в случае несоответствия правовых норм, выраженных на естественном языке, нормам права, представленным в машиночитаемом формате, преимущество должно отдаваться первым, т.е. правовым нормам, представленным на естественном языке. Документ в формате XML позволяет программе лучше распознавать структуру документа за счет использования онтологий, атрибутов, элементов, тегов, которые и образуют метаданные, описывающие структуру и содержание текста в удобной для машинного чтения форме. Ряд ученых предлагает внедрить новый подход в сфере законодательства — «Правила как код» (Rules as Code), который предполагает, что создание машиночитаемой версии законов будет интегрировано в процесс нормотворчества и дополнит давно устоявшуюся систему принятия законов на естественном языке³⁹.

Одним из ведущих разработчиков в США в области создания машиночитаемых форматов юридических документов является Массачусетский технологический институт. В 2021 г. в лаборатории цифрового права данного института был разработан новый формат представления данных X2RL (eXtensible Regulatory Reporting Language)⁴⁰. Разработчики нового формата придерживаются мнения, что формат XML больше отражает структуру, а не содержание юридического документа. В формате X2RL присутствует гораздо больше метаданных, касающихся содержания, целей, объема и значения нормативных правовых актов. Так, например, фрагменты текста, включающие предписание или ограничение каких-либо действий, помещаются в текстовый контейнер <provision>. Для такого кон-

тейнера вводятся атрибуты, которые содержат данные о направлении влияния соответствующей единицы нормативного текста. В формате X2RL присутствуют элементы и атрибуты, позволяющие однозначно идентифицировать законы, на основании которых был принят данный нормативный правовой акт, а также определить нормативные правовые акты, на которые есть ссылки в этом акте. Тем самым создается вертикальная и горизонтальная структура юридических документов, что позволяет компьютерной системе, используя метаданные в ходе машинного чтения, перемещаться между документами в различных направлениях. Возможно добавление ссылок на внешние источники, которые не цитируются напрямую в документе, но имеют отношение к его содержанию.

В Южной Америке наиболее значительные результаты в сфере разработки и использования машиночитаемых форматов юридических документов принадлежат Бразилии. С сентября 2022 г. Верховный суд Бразилии (Superior Tribunal de Justiça) размещает на Портале открытых данных (Portal de Dados Abertos) на сайте бразильского правительства⁴¹ в открытом доступе информацию, представляющую общественный интерес, в машиночитаемой форме. При поиске необходимых документов пользователь может выбрать для экспорта данные как на естественном языке, так и в машиночитаемом формате. Метаданные файла содержат ссылки на решения и постановления, относящиеся к данному документу, полные процессуальные данные из Электронного дневника правосудия, судебной практики, прецедентов и судебных заседаний⁴². Такая практика используется и в бразильских муниципалитетах. Например, в муниципалитете Итапоа в штате Санта-Катари-

³⁹ Mohun J., Roberts A. Cracking the code: Rulemaking for humans and Machines. OECD Working Papers on Public Governance No. 42. Paris : OECD Publishing, 2020. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3afe6ba5-en.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁰ McLaughlin P., Stover W. Drafting X2RL: A Semantic Regulatory Machine-Readable Format // Computational Law. URL: <https://law.mit.edu/pub/draftingx2rl/release/2> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴¹ Portal de Dados Abertos // URL: <https://dados.gov.br/home> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴² Portal de dados STJ oferece formato legível por máquina // Direito na Era Digital. 16 de setembro de 2022. URL: <https://transformacaodigital.adv.br/portal-de-dados-stj-oferece-formato-legivel-por-maquina/> (дата обращения: 28.04.2024).

на городской совет на Портале прозрачности (Portal da Transparência da Câmara Municipal de Itapoá) размещает информацию, исходящую от государственных органов и организаций, таким образом, чтобы к ней можно было получить доступ и автоматически обрабатывать ее внешними вычислительными системами: программным обеспечением, приложениями и алгоритмами⁴³. Данные структурированы, организованы, распределены по категориям, что облегчает их интерпретацию и использование. Правильная структура необходима для того, чтобы внешние системы могли понимать и извлекать полезную информацию из данных в автоматическом режиме. Экспорт осуществляется в любом из машиночитаемых форматов: на языке гипертекстовой разметки HTML, в табличном формате с разделительными запятыми CSV, ранее упомянутом формате XML, а также открытом формате текстовых документов ODT. По мнению властей, цель такой технологии состоит в том, чтобы облегчить повторное использование и анализ информации разработчиками, исследователями и гражданами, заинтересованными в продвижении прозрачности, инноваций и социального контроля за действиями правительства. Отметим, что бразильские власти действуют в соответствии с Законом № 12527 о доступе к информации, принятом еще 18 ноября 2011 г. для обеспечения прозрачности административной деятельности государственных учреждений и организаций, получающих государственные средства. В частности, согласно п. III ч. 3 ст. 8 Закона

для информации, подлежащей размещению в открытом доступе, указывается необходимость соблюдения следующего требования: «...обеспечить автоматизированный доступ внешних систем в открытых, структурированных и машиночитаемых форматах»⁴⁴.

В азиатских странах результаты развития машиночитаемых форматов юридических документов связаны преимущественно с областью финансового правового регулирования, с RegTech и FinTech-технологиями. Так, в Юго-Восточной Азии в 2021 г. Центральный банк Филиппин (Bangko Sentral ng Pilipinas, BSP) только начал процесс перевода отчетности в машиночитаемый формат XML в соответствии с международной практикой стандартов отчетности, постепенно сокращая документооборот в виде электронных таблиц Excel и в связанном с ними текстовом формате CSV, где поля с данными разделяются запятыми⁴⁵. Центральный банк Гонконга в 2020 г. опубликовал исследование, касающееся использования возможностей RegTech⁴⁶, в котором обосновал необходимость применения искусственного интеллекта и машинного обучения в переводе юридических документов в машиночитаемый вид.

В Новой Зеландии еще в 2018 г. на сайте Цифрового (электронного) правительства была опубликована статья, в которой отмечалась необходимость разработки технологии Regulation as a Platform (RaaP), обеспечивающей перевод юридической информации в машиночитаемый формат на основе деонтической логики⁴⁷. Эта технология была разработана австралийской

⁴³ A Câmara possibilita o acesso automatizado por sistemas externos em formatos abertos, estruturados e legíveis por máquina // Poder Legislativo Câmara Municipal de Itapoá. Perguntas Frequentes. 31 Julho 2023. URL: <https://www.camaraitapoá.sc.gov.br/perguntas-frequentes/1103-a-camara-possibilita-o-acesso-automatizado-por-sistemas-externos-em-formatos-abertos-estruturados-e-legiveis-por-maquina.html> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁴ Lei nº 12.527, de 18 de novembro de 2011 // URL: https://www.jusbrasil.com.br/legislacao/1029987/lei-12527-11#art-8_par-3_inc-III (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁵ Risk and Regulatory Outlook 2021. Key developments in Southeast Asia — digitalising regulatory reporting / PricewaterhouseCoopers Consulting // URL: <https://www.pwc.com/sg/en/insights/assets/docs/risk-regulatory-outlook-2021-digitalising-regulatory-reporting.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁶ Transforming Risk Management and Compliance: Harnessing the Power of Regtech // URL: <https://www.hkma.gov.hk/media/chi/doc/key-information/press-release/2020/20201102c3a1.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁷ Deontic Logic // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/logic-deontic/> (дата обращения: 28.04.2024).

компанией Data61 совместно с Лабораторией инноваций в сфере услуг (Service Innovation Lab, SIL), и первым результатом применения RaaS стала разработка финансового приложения «SmartStart», позволяющего осуществлять проверку семейных прав на пособия. Для этого приложения необходимо было перевести в машиночитаемый код 18 льгот в двух государственных учреждениях. Согласно отчету разработчиков, весь процесс, включая кодирование и тестирование, занял три недели⁴⁸.

В соседних с РФ странах также заметен прогресс в развитии данных технологий. В Республике Беларусь внедрению цифровых инструментов как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения придается большое значение. Еще в 1991 г. была принята Программа информатизации в Республике Беларусь⁴⁹. За практически 35-летний период государство продемонстрировало значительные достижения в данной сфере. Была разработана программа «Электронная Беларусь»⁵⁰; функционирует e-Government (электронное правительство), комплексное формирование которого на общегосударственном уровне было начато еще в 2003 г. Беларусь является пионером в сфере правового регулирования смарт-

контрактов: она первой в 2017 г. закрепила его легальную дефиницию как программного кода⁵¹. В стране претворяется в жизнь концепция «Умные города (регионы)» с той особенностью, что в отличие от мировой практики, где областью реализации технологии являются города с высокой степенью урбанизации, в Беларуси областью реализации выступают районы. Поэтому цифровые инструменты становятся ближе к населению, все группы которого охватываются цифровизацией, что предотвращает расслоение общества по признаку доступности цифровых ресурсов. Все инновации в информационной сфере обеспечиваются своевременной подготовкой профессиональных кадров: так, в Белорусском государственном университете преподается дисциплина «Правовое обеспечение развития электронного государства»⁵²; создан Стартап-центр, где реализуется проект «Цифровой юридический консультант», целью которого являются «извлечение онтологий из текстов нормативных правовых актов и последующее использование полученных цифровых моделей в рамках сервисов, облегчающих работу юриста»⁵³; проводится Зимняя школа по праву информационных технологий (IT-Право)⁵⁴. В настоящее время действует Госу-

⁴⁸ Yee B. Cross Tasman Collaboration — new insights driving a new industry // URL: <https://www.digital.govt.nz/blog/cross-tasman-collaboration-new-insights-driving-a-new-industry/> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴⁹ Постановление Совета Министров РБ от 27.11.1991 № 444 «О программе информатизации в Республике Беларусь» // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c29100444&q_id= (дата обращения: 28.04.2024).

⁵⁰ Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь» (утв. постановлением Совета Министров РБ от 27.12.2002 № 1819) // URL: <https://nces.by/wp-content/uploads/progr-elektr-belarus.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

⁵¹ Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 28.04.2024).

⁵² Правовое обеспечение развития электронного государства : электронный УМК для специальности: 1-24 80 01 «Юриспруденция» / сост. М. С. Абламейко, А. К. Савостикова // URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/273657/1/Правовое%20обеспечение%20развития%20электронного%20государства.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

⁵³ Захилько К. С. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в юридической деятельности // Информационные технологии и право: правовая информатизация — 2021 : сборник материалов VII Междунар. науч.-практ. конференции / под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 147.

⁵⁴ БГУ. Новости. 22.11.2023 // URL: <https://law.bsu.by/novosti/15748-29-2023-it.html> (дата обращения: 28.04.2024).

дарственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.⁵⁵

Таким образом, в стране ведутся исследования в области «цифровой формализации права как одной из предпосылок создания машиночитаемого законодательства»⁵⁶. В качестве примера использования машиночитаемых технологий приводятся смарт-контракты, которые имеют право заключать резиденты Парка высоких технологий⁵⁷. В то же время нужно учитывать разницу между смарт-контрактом и машиночитаемым законом: первый «нацелен на частноправовое решение микроэкономических задач, заведомо является типовым документом, довольно простым для формализации и алгоритмического применения», а второй «решает более сложные и, как правило, нетиповые задачи в системе публичного управления»⁵⁸. Поэтому перевод нормативных правовых актов в машиночитаемый формат гораздо сложнее, чем перевод юридических документов, связанных с реализацией права.

Использование машиночитаемых форматов юридических документов не ограничивается практикой только тех государств, которые здесь рассмотрены. Определенные достижения в области представления юридических документов в машиночитаемом формате есть во Франции, Израиле, Уругвае, Австралии и других странах⁵⁹.

Заключение

Можно сделать вывод, что по состоянию на 2024 г. многие государства достигли определенных результатов в области разработки машиночитаемых форматов юридических документов. Это имеет большое значение для использования достоинств автоматизации и повышения эффективности юридических процессов, поскольку автоматизация может упростить рутинные юридические задачи, что приведет к экономии времени и средств для юристов и организаций. Машиночитаемые форматы правовых актов позволяют юристам при принятии решений общего и индивидуального характера использовать информацию, основанную на анализе большого количества данных, осуществляемом с помощью искусственного интеллекта. Созданные совместно юристами и программистами приложения для аналитики и машинного обучения могут помочь в прогнозировании юридических результатов и выявлении тенденций развития права. Кроме того, машиночитаемые форматы правовых актов необходимы в автоматизированных отраслях сельского хозяйства, промышленности, транспорта (внедрение высокоавтоматизированных транспортных средств, беспилотных летательных аппаратов, автоматизация производства) и в ряде других сфер. Выделяются и иные аспекты «функционально-целевого назначения машиночитаемого права»⁶⁰.

Достоинствами использования машиночитаемых форматов юридических документов являются также их доступность для более ши-

⁵⁵ Постановление Совета Министров РБ от 02.02.2021 № 66 «О Государственной программе “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100066> (дата обращения: 28.04.2024).

⁵⁶ Шаршун В. А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право. БУ. 2022. № 1 (75). С. 90–91.

⁵⁷ Шаршун В. А. Указ. соч. С. 91.

⁵⁸ Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Машиночитаемые законы: мировой опыт и перспективы для развития публичного управления // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты / отв. ред. Е. В. Трофимов. СПб., 2019. Т. 2. С. 87.

⁵⁹ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 232.

⁶⁰ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. С. 64.

рокого круга заинтересованных лиц, быстрота, эффективность и расширенные возможности поиска правовой информации, ее прозрачность и открытость, функциональная совместимость и оперативность в обмене данными, большая степень адаптации к будущим новым технологическим изменениям, инновационный характер, обеспечение единообразного толкования юридических документов, содействие соблюдению требований нормативных правовых актов благодаря их структурированности и возможности автоматической проверки.

Машиночитаемый формат законодательства облегчает взаимодействие между правовыми системами, поддерживая межгосударственное сотрудничество и давая возможность осуществлять сравнительно-правовые исследования ученым-юристам из разных стран. Стандартизированные форматы расширяют обмен правовой информацией и способствуют гармонизации правовых норм на международном уровне.

Проблемы создания и совершенствования машиночитаемых форматов юридических документов связаны прежде всего со сложностью выражения на формальном языке правовых принципов, норм, которые носят оценочный, декларативный, учредительный характер, и ряда других; с отсутствием возможности оперирования смысловыми, содержательными характеристиками юридических документов; с трудностью разработки правовых онтологий ввиду наличия различных концепций понимания в теории права; с необходимостью создания форматов правовых документов, совместимых друг с другом; с отсутствием человеческой интерпретации, которая бы учитывала нюансы правовых ситуаций, исторический контекст, что может привести к неправильному толкованию и применению права; с обеспечением защиты и конфиденциальности правовой

информации; с увеличением зависимости общества от данных технологий, с необходимостью их постоянного обновления и обслуживания; с определением субъектов, несущих юридическую ответственность за ошибки, допущенные в результате использования машиночитаемых форматов юридических документов; с потребностью в специалистах, имеющих глубокие знания в сфере как юридической науки, так и информатики; с этической составляющей применения данных технологий; с необходимостью обеспечения правовых принципов, сохранения правовых ценностей и традиций.

Для дальнейшего развития технологий машиночитаемых форматов юридических документов необходимо более активное, но в то же время разумное и взвешенное использование достижений в сфере изучения искусственного интеллекта, нейронных сетей, машинного обучения — информационных направлений, которые развиваются в последние годы с колоссальной скоростью, а также научное исследование всех возможных негативных последствий применения данных технологий в правовой деятельности с целью их предотвращения или минимизации.

Представители юридической науки ввиду тенденции увеличения роли информационных технологий в правовом регулировании, расширения сферы LegalTech должны осуществить теоретический анализ их преобразующего влияния как на отдельные элементы правовой системы общества, так и на всю правовую систему и на всё международное сообщество, выявить позитивные и негативные последствия внедрения данных технологий в различные виды юридической деятельности и поставить вопрос о способах определения меры, достижения равновесия, гармонии между технологическим развитием и духовными ценностями человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов С. И.* Правовое будущее России. Часть 2. Цивилизационный выбор // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2022. — № 4. — С. 5–26.
2. *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. — 2020. — № 7. — С. 46–49.

3. Гаврилов С. Н. Машиночитаемые право, закон и человекочитаемый (русский) язык // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 4. — С. 69–85.
4. Захилько К. С. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в юридической деятельности // Информационные технологии и право: правовая информатизация — 2021 : сборник материалов VII Междунар. науч.-практ. конференции / под общ. ред. А. Ф. Мательского. — Минск : НЦПИ, 2021. — С. 143–149.
5. Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 9. — С. 11–20.
6. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. — 2020. — № 9. — С. 59–69.
7. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 231–236.
8. Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Машиночитаемые законы: мировой опыт и перспективы для развития публичного управления // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты / отв. ред. Е. В. Трофимов. Т. 2. — СПб., 2019. — С. 86–89.
9. Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды ИСП РАН. — 2020. — Т. 32. — Вып. 3. — С. 147–170.
10. Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
11. Шаршун В. А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. — 2022. — № 1 (75). — С. 88–94.
12. Cvejić A., Grujić K., Cvejić A., Marković M., Gostojić S. Automatic Transformation of Plain-text Legislation into Machine-readable Format // The 11th International Conference on Information Society, Technology and Management (ICIST 2021), Kopaonik, March 2021. — URL: https://www.researchgate.net/publication/349947228_Automatic_Transformation_of_Plain-text_Legislation_into_Machine-readable_Format (дата обращения: 28.04.2024).
13. El Ghosh M. Automation of legal reasoning and decision based on ontologies. Web. Normandie Université, 2018. URL: <https://theses.hal.science/tel-02062174/document> (дата обращения: 28.04.2024).
14. Griffo C., Almeida J. P., Guizzardi G. A. Systematic Mapping of the Literature on Legal Core Ontologies // 7th Brazilian Symposium on Ontology Research (ONTOBRAS, 2015). — URL: https://www.researchgate.net/publication/283271868_A_Systematic_Mapping_of_the_Literature_on_Legal_Core_Ontologies (дата обращения: 28.04.2024).
15. Gruber T. R. A translation approach to portable ontologies // Knowledge Acquisition. — 1993. — No. 5 (2). — P. 199–220.
16. Guizzardi G. Towards a legal core ontology based on Alexy's theory of fundamental rights // URL: https://www.academia.edu/13182406/TOWARDS_A_LEGAL_CORE_ONTOLOGY_BASED_ON_ALEXY_S_THEORY_OF_FUNDAMENTAL_RIGHTS?uc-g-sw=77942009 (дата обращения: 28.04.2024).
17. McLaughlin P., Stover W. Drafting X2RL: A Semantic Regulatory Machine-Readable Format // Computational Law. — URL: <https://law.mit.edu/pub/draftingx2rl/release/2> (дата обращения: 28.04.2024).
18. McLaughlin P., Nelson J., Pagels J., Sherouse O. The Impossibility of Comprehending, or Even Reading, All Federal Regulations // Mercatus Center. — 19.10.2017. — URL: <https://www.mercatus.org/publications/regulation/impossibility-comprehending-or-even-reading-all-federal-regulations> (дата обращения: 28.04.2024).
19. McLaughlin P., Sherouse O., Febrizio M., King M. S. Is Dodd-Frank the Biggest Law Ever? // Journal of Financial Regulation. Advance online publication. — 05.02.2021. — URL: <https://doi.org/10.1093/jfr/fjab001> (дата обращения: 28.04.2024).

20. *Mohun J., Roberts A.* Cracking the code: Rulemaking for humans and Machines. OECD Working Papers on Public Governance No. 42. — Paris : OECD Publishing, 2020. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3afe6ba5-en.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).
21. *Nakamura M.* Development of applications for open data for Japanese laws and regulations // JOAL. Open Journal Systems. — 2022. — Vol. 10. — No. 1. — URL: <https://ojs.law.cornell.edu/index.php/joal/article/view/121/112> (дата обращения: 28.04.2024).
22. *Nakamura M., Nobuoka S., Shimazu A.* Towards Translation of Legal Sentences into Logical Forms // New Frontiers in Artificial Intelligence. JSAI 2007 / K. Satoh, A. Inokuchi, K. Nagao, T. Kawamura (eds.). — Berlin, Heidelberg : Springer, 2008. — P. 349–362. (Lecture Notes in Computer Science. 2008. Vol. 4914.)
23. *The Description Logic Handbook: Theory, Implementation, Applications / F. Baader, D. Calvanese, D. L. McGuinness, D. Nardi, P. F. Patel-Schneider.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 574 p.

Материал поступил в редакцию 7 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov S. I. Pravovoe budushchee Rossii. Chast 2. Tsivilizatsionnyy vybor // Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskому zhurnal. — 2022. — № 4. — S. 5–26.
2. Afanasev S. F. K voprosu o zakonodatelnom regulirovanii iskusstvennogo intellekta // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 7. — S. 46–49.
3. Gavrillov S. N. Mashinochitaemye pravo, zakon i chelovekochitaemyy (russkiy) yazyk // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 4. — S. 69–85.
4. Zakhilko K. S. K voprosu ob ispolzovanii iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoy deyatel'nosti // Informatsionnye tekhnologii i pravo: pravovaya informatizatsiya — 2021: sbornik materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii / pod obshch. red. A. F. Matelskogo. — Minsk: NTsPI, 2021. — S. 143–149.
5. Kornev A. V. Tsifrovye tekhnologii, pravovye riski i problema ikh minimizatsii // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 9. — S. 11–20.
6. Ponkin I. V. Kontsept mashinochitaemogo i mashinoispolnyaemogo prava: aktualnost, naznachenie, mesto v RegTekhe, sodержanie, ontologiya i perspektivy // International Journal of Open Information Technologies. — 2020. — № 9. — S. 59–69.
7. Ponkin I. V. Kontsept mashinochitaemogo prava // Yuridicheskaya tekhnika. — 2021. — № 15. — S. 231–236.
8. Trofimov E. V., Metsker O. G. Mashinochitaemye zakony: mirovoy opyt i perspektivy dlya razvitiya publichnogo upravleniya // Sovremennye tendentsii razvitiya chastnogo prava, ispolnitelnogo proizvodstva i sposobov yuridicheskoy zashchity / otv. red. E. V. Trofimov. T. 2. — SPb., 2019. — S. 86–89.
9. Trofimov E. V., Metsker O. G. Ispolzovanie kompyuternykh metodov i sistem v izuchenii prava, intellektualnom analize i modelirovanii pravovoy deyatel'nosti: sistematicheskii obzor // Trudy ISP RAN. — 2020. — T. 32. — Vyp. 3. — S. 147–170.
10. Tsifrovaya transformatsiya i gosudarstvennoe upravlenie: nauch.-prakt. posobie. — M.: Infotropik Media, 2022.
11. Sharshun V. A. Mashinochitaemoe zakonodatel'stvo: ponyatie, spetsifika, perspektivy razvitiya // Pravo. by. — 2022. — № 1 (75). — S. 88–94.
12. Cvejić A., Grujić K., Cvejić A., Marković M., Gostojić S. Automatic Transformation of Plain-text Legislation into Machine-readable Format // The 11th International Conference on Information Society, Technology and Management (ICIST 2021), Kopaonik, March 2021. — URL: https://www.researchgate.net/publication/349947228_Automatic_Transformation_of_Plain-text_Legislation_into_Machine-readable_Format (data obrashcheniya: 28.04.2024).

13. El Ghosh M. Automation of legal reasoning and decision based on ontologies. Web. Normandie Université, 2018. URL: <https://theses.hal.science/tel-02062174/document> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
14. Griffo S., Almeida J. R., Guizzardi G. A. Systematic Mapping of the Literature on Legal Core Ontologies // 7th Brazilian Symposium on Ontology Research (ONTOBRAS, 2015). — URL: https://www.researchgate.net/publication/283271868_A_Systematic_Mapping_of_the_Literature_on_Legal_Core_Ontologies (data obrashcheniya: 28.04.2024).
15. Gruber T. R. A translation approach to portable ontologies // Knowledge Acquisition. — 1993. — No. 5 (2). — P. 199–220.
16. Guizzardi G. Towards a legal core ontology based on Alexy's theory of fundamental rights // URL: https://www.academia.edu/13182406/TOWARDS_A_LEGAL_CORE_ONTOLOGY_BASED_ON_ALEXYS_THEORY_OF_FUNDAMENTAL_RIGHTS?uc-g-sw=77942009 (data obrashcheniya: 28.04.2024).
17. McLaughlin P., Stover W. Drafting X2RL: A Semantic Regulatory Machine-Readable Format // Computational Law. — URL: <https://law.mit.edu/pub/draftingx2rl/release/2> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
18. McLaughlin P., Nelson J., Pagels J., Sherouse O. The Impossibility of Comprehending, or Even Reading, All Federal Regulations // Mercatus Center. — 19.10.2017. — URL: <https://www.mercatus.org/publications/regulation/impossibility-comprehending-or-even-reading-all-federal-regulations> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
19. McLaughlin P., Sherouse O., Febrizio M., King M. S. Is Dodd-Frank the Biggest Law Ever? // Journal of Financial Regulation. Advance online publication. — 05.02.2021. — URL: <https://doi.org/10.1093/jfr/fjab001> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
20. Mohun J., Roberts A. Cracking the code: Rulemaking for humans and Machines. OECD Working Papers on Public Governance No. 42. — Paris: OECD Publishing, 2020. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3afe6ba5-en.pdf> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
21. Nakamura M. Development of applications for open data for Japanese laws and regulations // JOAL. Open Journal Systems. — 2022. — Vol. 10. — No. 1. — URL: <https://ojs.law.cornell.edu/index.php/joal/article/view/121/112> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
22. Nakamura M., Nobuoka S., Shimazu A. Towards Translation of Legal Sentences into Logical Forms // New Frontiers in Artificial Intelligence. JSAI 2007 / K. Satoh, A. Inokuchi, K. Nagao, T. Kawamura (eds.). — Berlin, Heidelberg: Springer, 2008. — P. 349–362. (Lecture Notes in Computer Science. 2008. Vol. 4914.)
23. The Description Logic Handbook: Theory, Implementation, Applications / F. Baader, D. Calvanese, D. L. McGuinness, D. Nardi, P. F. Patel-Schneider. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 574 p.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.042-051

Н. Н. Аверьянова*

Публичная собственность на землю: проблемы определения правовой природы и управления

Аннотация. Многообразие форм собственности на землю обусловило многообразие и форм публичной собственности, к которой традиционно относят федеральную, региональную и муниципальную собственность на землю. Между тем структура публичной собственности на землю включает не только указанные формы собственности, поскольку в Российской Федерации государственная собственность на землю не разграничена. Следовательно, большое число земельных участков не являются частной собственностью и не относятся к собственности конкретных публично-правовых образований, но тем менее являются публичной собственностью. Неразграниченные земли определяются как отдельная форма публичной собственности на землю, с собственным правовым режимом, отличным от традиционных форм публичной собственности. В процессе управления ими особая роль отведена органам местного самоуправления. Доказывается, что полномочия по управлению неразграниченными землями являются отдельными государственными полномочиями, переданными на исполнение органам местного самоуправления. Анализируется проблема заключения соглашений о передаче указанных полномочий от одних муниципальных образований другим и перераспределения этих полномочий законом субъекта Российской Федерации. Делается вывод о несоответствии федерального закона о передаче полномочий органам местного самоуправления по распоряжению земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, требованиям законодательства о местном самоуправлении.

Ключевые слова: земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена; разграничение государственной собственности на землю; публичная собственность на землю; государственная собственность на землю; муниципальная собственность на землю; наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями; управление земельными участками; органы публичной власти; органы местного самоуправления; публичное право.

Для цитирования: Аверьянова Н. Н. Публичная собственность на землю: проблемы определения правовой природы и управления // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 42–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.042-051.

© Аверьянова Н. Н., 2025

* Аверьянова Наталья Николаевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, профессор кафедры конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
averyanovann@mail.ru

Public Ownership of Land: Challenges of Legal Nature Definition and Administration

Natalia N. Averyanova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Land Law and Environmental Law, Saratov State Law Academy; Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation
averyanovann@mail.ru

Abstract. The diversity of forms of land ownership has led to the diversity of forms of public ownership, which traditionally include federal, regional and municipal land ownership. Meanwhile, the structure of public ownership of land includes not only these forms of ownership, since in the Russian Federation state ownership of land is not delimited. Consequently, there are a large number of land plots that are not private property and do not belong to the property of specific public legal entities. Nevertheless they are public property. Undivided lands are defined as a separate form of public ownership of land, with its own legal regime distinct from traditional forms of public ownership. In the process of managing them, a special role is assigned to local governments. It is proved that the powers to manage undivided lands are separate state powers transferred for execution to local authorities. The author analyzes the problem of agreements regulating the transfer of these powers from one municipality to another and the redistribution of these powers by the law of a constituent entity of the Russian Federation. It is concluded that the federal law on the transfer of powers to local authorities for the disposal of land plots, state ownership of which is not delimited, does not comply with the requirements of the legislation on local self-government.

Keywords: land plots for which state ownership is not delimited; delimitation of state ownership of land; public ownership of land; public ownership of land; municipal land ownership; vesting local governments with separate state powers; land management; public authorities; local governments; public law.

Cite as: Averyanova NN. Public Ownership of Land: Challenges of Legal Nature Definition and Administration. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):42-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.042-051.

Конституцией РФ установлено многообразие форм собственности на землю. Однако этот факт не означает только признание частной формы собственности на землю, поскольку данное многообразие относится и к публичным формам собственности. При этом земельным законодательством в определенной степени закреплены условия отнесения земельных участков к тому или иному виду публичной собственности. Однако представляется, что их недостаточно для определения конкретного публичного собственника большинства земельных участков. Поэтому Россия, являясь самой большой по территории страной мира, где 92,2 % земель находятся в публичных

формах собственности¹, развивает экономику в отсутствие разграничения государственной собственности на землю.

После принятия ЗК РФ в Российской Федерации законодательно был оформлен процесс разграничения государственной собственности на землю посредством специального Федерального закона². Однако в реальности процедура так и не была запущена, поскольку оказалась нереализуемой, и сам законодательный акт утратил силу.

Между тем разграничение государственной собственности на землю отчасти реализуется и сегодня согласно Федеральному закону от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в 2022 году // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии : официальный сайт. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Doc_Nation_report_2022_dop.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

² Федеральный закон от 17.07.2001 № 101-ФЗ «О разграничении государственной собственности на землю» // СЗ РФ. 2001. № 30. Ст. 3060 (утратил силу).

Земельного кодекса Российской Федерации»³. Верно отмечается, что «непростой процесс разграничения государственной собственности на землю продолжается и по сей день»⁴. Однако разграничивается государственная собственность только в отношении земельных участков, у которых публичный собственник определяется априори, поскольку эти земельные участки предоставлены организациям соответствующих форм публичной собственности.

Безусловно, можно говорить о необходимости возобновления процедуры разграничения государственной собственности на землю, которая позволит определить собственника в отношении большинства земель в Российской Федерации, что в определенной степени позитивно скажется и на эффективности включения данных земель в гражданский оборот. Однако реализовать данную процедуру и поставить оборот земель в зависимость от наличия или отсутствия разграничения государственной собственности сегодня не представляется возможным. Более того, такое условие вовсе бы парализовало земельный рынок, поскольку очевидно, что осуществить ее оперативно и бесспорно невозможно из-за целого ряда факторов: это и огромное число земель, публичная форма собственности на которые подлежит разграничению, и трехуровневая система органов публичной власти и соответственно форм публичной собственности, и сложность и дороговизна процедуры формирования земельного участка как необходимого условия его идентификации в целях разграничения государственной собственности, и ряд других причин.

Поэтому современная теория и практика выработали иную концепцию управления пуб-

личными землями. Так, земли и земельные участки, не предоставленные в собственность граждан и иных (частных) юридических лиц и не подлежащие разграничению государственной собственности на землю, имеют собственный правовой режим и определяются как «земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена».

Таким образом, отсутствие полного разграничения государственной собственности на землю обусловило проблему научного осмысления целого ряда категорий, которые определяются в сложившихся реалиях. Прежде всего, речь идет о «публичной собственности на землю», которая составляет совокупность федеральной, региональной и муниципальной собственности. Стоит отметить, что «публичная собственность» не только в отношении объектов земельных отношений, но и в отношении всех остальных вещей как правовое понятие легально не закрепляется. Ни Гражданский, ни Земельный кодексы РФ не оперируют данной категорией при регулировании имущественных отношений с участием публично-правовых образований.

Поэтому данный термин является преимущественно доктринальным, и дать ему правовую характеристику пытаются правоведы. Особую правовую природу публичной собственности определяют исходя из особого субъектного состава⁵, через объекты, находящиеся в публичной собственности⁶, категорию «публичный интерес»⁷, особый публично-правовой режим⁸, реализацию публичной функции⁹.

Действительно, все выделенные элементы публичной собственности позволяют опреде-

³ СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.

⁴ *Минина Е. Л.* Нормативное закрепление принципов природоресурсного законодательства // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 164.

⁵ Гражданское право : в 4 т. : учебник для студентов вузов / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. С. 456.

⁶ *Агапов А. Б.* Публичные имущественные правомочия // Административное право и процесс. 2021. № 6. С. 18.

⁷ *Милосердов Н. А.* Междисциплинарный подход к вопросу о государственном и муниципальном имуществе // Юрист. 2022. № 3. С. 56.

⁸ *Кононов В. С.* Правосубъектность органа публичной власти в отношениях публичной собственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 16.

лить особенности ее правовой природы. Однако в отношении земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, такая методология не применима в полной мере. У таких земель нет конкретной формы собственности, но при этом они являются публичной формой собственности. Перечень форм собственности на землю и иные природные ресурсы не является закрытым, что следует из ч. 2 ст. 9 Конституции РФ. Это означает, что возможны и иные формы собственности, конкретно не названные в Конституции РФ.

Такой формой собственности представляется как раз неразграниченная государственная собственность на землю. Она в настоящее время фактически существует и должна быть включена в структуру публичной собственности. Как уже отмечалось, в самом законодательстве не применяется термин «публичная собственность на землю», что вполне соответствует требованиям законодательной техники, поскольку правовое регулирование осуществляется по принципу ранжирования правового режима отдельных форм публичной собственности.

С определением правового режима неразграниченных земель не всё однозначно. Прежде всего, в самом земельном законодательстве обнаруживаются коллизии. Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» определяет неразграниченные земли как отдельный вид публичной собственности. Между тем ЗК РФ установленную вводом Закона концепцию не поддерживает, а закрепляет унифицированные правила, в том числе по распоряжению земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, не выделяя неразграниченные земли как отдельный вид публичной собственности.

Ввиду вышесказанного ЗК РФ под «земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности» понимает по большей части земельные участки, которые находятся не в конкретной форме публичной собственности, а те, государственная собственность на которые не разграничена. Данный вывод очевиден, поскольку неразграниченные земли являются главным объектом передачи в частную собственность, т.е. ЗК РФ в большинстве случаев регулирует правовой режим и порядок предоставления в частную собственность именно неразграниченных земель, нежели земель, находящихся в конкретной форме публичной собственности, поскольку правовой режим последних устанавливается, как правило, специальными нормативными правовыми актами¹⁰.

Стоит согласиться с мнением о том, что «в государственной или муниципальной собственности может находиться только имущество, которое имеет целевое назначение, обусловленное полномочиями конкретного публично-правового образования»¹¹. Однако данное положение безоговорочно может распространяться только на земельные участки, которые находятся в федеральной, региональной или муниципальной собственности. Однако обосновывать правовую природу публичной собственности на землю в контексте реализации установленных законом функций публично-правовых образований недостаточно с учетом наличия неразграниченной земельной собственности. Здесь функция управляющих ею органов публичной власти в основном состоит в том, чтобы передать ее в собственность или пользование гражданам или юридическим лицам для рационального и эффективного использования по целевому назначению.

⁹ Канаев Ю. Н. Муниципальные образования как субъекты гражданского права : монография. М. : Юстицинформ, 2020. С. 78.

¹⁰ Например, земли обороны и безопасности находятся в федеральной собственности, а их правовой режим устанавливается Федеральным законом от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750).

¹¹ Низов В. А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 139.

Отчасти ввиду кардинально различного правового режима земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и наличия неразграниченных земель термин «публичная собственность на землю» в земельном и иных отраслях законодательства применяться не может.

Таким образом, «публичная собственность на землю» — это доктринальная правовая категория, с высокой степенью абстракции, обобщенно отражающая субъектный состав обладателей права на землю, которыми являются публично-правовые образования. «Публичная собственность на землю» не может применяться ни в законодательстве, ни в доктрине как универсальное правовое понятие, отражающее специфику данного явления как особого земельного правоотношения, поскольку выявляется разнообразие его объектов и содержания. Поэтому даже в доктрине упоминание только о публичной собственности на землю не может дать четкого представления о существовании рассматриваемого правоотношения и требует уточнения конкретной формы собственности на земельный участок.

Итак, хотя неразграниченная форма публичной собственности на землю и не установлена легально в этом качестве, но фактически ее стоит выделить как отдельную форму публичной собственности, для управления которой законодательством установлены специальные правила. В соответствии со ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» полномочиями по предоставлению таких земельных участков наделяются органы местного самоуправления.

В процессе применения ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земель-

ного кодекса Российской Федерации» возникает ряд проблем теоретического и практического характера. Указанная статья ранжирует виды муниципальных образований, наделенных правом реализовывать такие полномочия. Поэтому актуальной является проблема перераспределения полномочий между различными видами муниципальных образований по управлению неразграниченными землями.

Между тем данная законодательная норма, закрепляющая важнейшие концептуальные основы управленческих земельных отношений, прошла определенную эволюцию. На первоначальном этапе реализации этого положения, т.е. до 2014 г., неразграниченными землями распоряжались только «крупные муниципальные образования», такие как городские округа и муниципальные районы. После вышеупомянутого периода был расширен перечень муниципальных образований, и указанными полномочиями были наделены городские и даже сельские поселения¹².

Для сельских поселений исполнение данных полномочий стало практически нереализуемой задачей. Абсолютному большинству таких муниципальных образований не хватило ни финансовых, ни административных ресурсов для их эффективной реализации. В этой связи сформировались две тенденции, которые носят очевидно деструктивный характер. Одни сельские поселения нашли выход из сложившейся ситуации и стали передавать указанные полномочия на уровень муниципального района, заключая соответствующие соглашения¹³. Другие, получив доступ к распоряжению землей, стали злоупотреблять указанными полномочиями. Ряд уголовных дел, связанных с махинациями с землей, фигурантами которых стали главы

¹² Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3377.

¹³ Соглашение между администрацией Красносельского муниципального района и администрацией Подольского сельского поселения о передаче осуществления полномочий в области распоряжения земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, от 01.06.2015 // Официальный сайт Подольского сельского поселения Красносельского муниципального района Костромской области. URL: <https://podolskoe-adm.ru/documents/373.html> (дата обращения: 09.04.2024).

сельских поселений, были заведены именно в тот период¹⁴. Всё это ярко свидетельствовало о непродуманности реформы.

Как итог данной негативно складывающейся правоприменительной практики вновь последовала модернизация законодательства: с 1 января 2017 г. были внесены изменения в Федеральный закон, и полномочия по управлению неразграниченными землями остались за городскими и муниципальными округами, муниципальными районами и городскими поселениями. То есть сельские поселения исключаются из данного процесса.

Между тем практику перераспределения таких полномочий между публичными образованиями на основании соглашений стоит оценить на предмет соответствия федеральному законодательству.

В 2018 г. Комитет Государственной Думы ФС РФ по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления разъяснил, что **«полномочия по управлению неразграниченными землями не относятся Федеральным законом к вопросам местного значения, а значит, являются отдельными государственными полномочиями**, которые в соответствии с Федеральным законом “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” не могут передаваться по соглашению от одного муниципального образования другому»¹⁵.

Таким образом, соглашения о передаче полномочий по предоставлению земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, массово заключавшиеся муни-

ципальными образованиями, не могли заключаться, т.е. практика 2014–2017 гг. противоречит федеральному законодательству.

Между тем правоведы ведут дискуссии относительно правовой природы полномочий органов местного самоуправления по распоряжению неразграниченными землями. Главный вопрос, который возникает в этой связи, — можно ли их считать отдельными государственными полномочиями, которыми могут наделяться органы местного самоуправления в случае принятия соответствующего закона. Формулируются в том числе позиции, дающие отрицательный ответ¹⁶. Однако, кроме констатации данного факта, иные аспекты правовой природы указанных полномочий не определяются. И это вполне объяснимо, поскольку в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в компетенцию органов местного самоуправления входят две группы задач: вопросы местного значения и отдельные государственные полномочия.

Еще обращает на себя внимание тот факт, что на сегодняшний день полномочиями по распоряжению земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, наделяются и городские поселения, вообще не названные в ч. 3 ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в числе видов муниципальных образований, которым отдельные государственные полномочия могут передаваться. Может ли это означать, что

¹⁴ Например, см.: В Волгоградской области бывший глава сельского поселения осужден за махинации с земельными участками // Официальный сайт прокуратуры Волгоградской области. 26.05.2015. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_34/mass-media/news?item=14939956 (дата обращения: 09.04.2024); Экс-главу шести российских поселков осудили за махинации с землей. Преступления совершались в 2015 году // Лента.ру. 28.11.2023. URL: <https://m.lenta.ru/news/2023/11/28/eks-glavu-shesti-rossiyskih-poselkov-osudili-za-mahinatsii-s-zemley/> (дата обращения: 09.04.2024).

¹⁵ Практика применения законодательства о местном самоуправлении в разъяснениях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. М.: Издание Государственной Думы, 2018. С. 207.

¹⁶ Пескова А. А. Местное самоуправление: распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена (по материалам судебной практики Дальневосточного региона) // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 30.

статья 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» в этой части противоречит законодательству о местном самоуправлении?

В соответствии с буквальным содержанием ч. 3 ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» наделяться отдельными государственными полномочиями могут городские и муниципальные округа и муниципальные районы. Но данная норма диспозитивна, поскольку закон, как федеральный, так и региональный, может устанавливать иное. Формулировка данного законодательного положения вызывает ряд вопросов с точки зрения законодательной техники и лингвистического оформления законодательной конструкции, поскольку если оценивать норму буквально, то «иное» должно касаться только перечисленных муниципальных образований. По факту же правоприменение складывается таким образом, что «иное» распространяется на иные виды муниципальных образований, вообще не названных в указанной важнейшей статье Федерального закона, определяющей порядок передачи отдельных государственных полномочий муниципальным образованиям. С учетом некоторой правовой неопределенности данного положения Федерального закона еще в 2007 г. Комитет Государственной Думы ФС РФ по местному самоуправлению разъяснил, что городские поселения могут наделяться отдельными государственными полномочиями¹⁷. Однако если в городском поселении, являющемся административным центром муниципального района, не образуется администрация городского поселения, а ее функции выполняет администрация муниципального района, то проблема управления неразграниченными землями для данного городского поселения в принципе неактуальна.

Впрочем, частью 6 ст. 19 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливаются требования к содержанию закона о передаче органам местного самоуправления от-

дельных государственных полномочий. В таком законе, в частности, должен быть четко определен размер субвенций, передаваемых органам местного самоуправления, порядок их расчета и иные многочисленные условия. Стоит констатировать, что Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» не содержит таких условий. И это обстоятельство дает ученым повод задуматься о природе указанных полномочий, поскольку подобное очевидное противоречие в законодательстве является нарушением прав органов местного самоуправления.

Кроме того, игнорируя требования об обязательном выделении субвенций на эти цели, органы публичной власти создали проблему эффективности реализации этих полномочий органами местного самоуправления, в большей степени актуальную для городских поселений, которые, помимо прочего, не могут передать эти полномочия муниципальному району на основании соглашения, а должны изыскивать на эти цели собственные ресурсы, хотя по закону наделены правом на получение субвенций.

Выход из данной ситуации очевиден, хотя и не популярен: необходимы совершенствование Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», приведение его в соответствие с законодательством о местном самоуправлении.

Кроме того, законами субъектов Российской Федерации полномочие органов местного самоуправления по распоряжению неразграниченными землями может передаваться на исполнение органам государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с ч. 4 ст. 2 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации».

Между тем нельзя не заметить некоторую особенность реализации указанного правоотношения. Вообще органы местного самоуправления практически никогда не наделяются отдельными государственными полномочиями федеральными законами. Реальная практика исходит из концепции четкого разделения власти по вер-

¹⁷ Разъяснения Комитета Государственной Думы по местному самоуправлению // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 6. С. 33.

тикали, которая распространяет свое действие и на процесс перераспределения полномочий между уровнями публичной власти. Так, полномочия Российской Федерации нередко передаются на исполнение региональным органам исполнительной власти, а субъекты Российской Федерации, реализуя свои полномочия, перечень которых установлен Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», как предмет совместного ведения с Российской Федерацией¹⁸, могут передавать их органам местного самоуправления.

Распоряжение неразграниченными землями реализуется вне указанной классической схемы, поскольку изначально органы местного самоуправления наделяются данными полномочиями федеральным законом. А субъект Российской Федерации здесь наделяется правом менять положения федерального закона, устанавливая в региональном законе иные правила, что в целом согласуется с ч. 4 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации». Действительно, в соответствии со ст. 72 Конституции РФ разграничение государственной собственности определяются как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В уже упомянутом Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляются 173 полномочия субъектов Федерации, и указанный перечень позиционируется как закрытый. Однако вопросы, связанные с разграничением собственности вообще и на землю в частности, не упоминаются.

Тем не менее теория и практика исходят из того, что городские поселения и иные муниципальные образования могут освобождаться от

исполнения данных государственных полномочий в случае принятия соответствующего закона субъекта Российской Федерации. Однако перераспределение законами субъекта Российской Федерации полномочий по управлению неразграниченными землями между органами местного самоуправления поселений и муниципальных районов, иных муниципальных образований также не допускается.

В субъектах Российской Федерации по данному вопросу сложилась определенная практика. Так, в ряде субъектов Российской Федерации приняты региональные законы, в соответствии с которыми полномочия по предоставлению земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, перераспределены, т.е. изъяты из полномочий органов местного самоуправления и переданы субъекту Российской Федерации¹⁹.

Отдельно стоит сказать о процессе распоряжения земельными участками, которые по тем или иным основаниям уже отнесены к муниципальной собственности. Вопросы управления муниципальной собственностью, в том числе на землю, причислены Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения. И в том случае, если городское поселение не может эффективно реализовывать данные полномочия, оно может передать их на основании соглашения на уровень муниципального района. Такие соглашения активно заключаются в муниципальных образованиях, что говорит о востребованности указанной практики в муниципальных районах в связи с отсутствием у поселений необходимых ресурсов на их реализацию²⁰.

¹⁸ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

¹⁹ Например, см.: Закон Саратовской области от 31.10.2022 № 119-ЗСО «О перераспределении отдельных полномочий в области земельных отношений между органами местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, городских поселений Саратовской области и органами государственной власти Саратовской области»; Закон Астраханской области от 15.12.2022 № 108/2022-ОЗ «О перераспределении отдельных полномочий в области земельных отношений между органами местного самоуправления муниципального образования «Городской округ город Астрахань» и органами государственной власти Астраханской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.02.2024).

Подводя итоги исследования, стоит отметить, что Конституцией РФ закреплен широкий спектр гарантий органам местного самоуправления для эффективной реализации их полномочий, поэтому в связи с предстоящей реформой местного самоуправления, стоит еще раз особо уделить внимание финансовой основе их осуществле-

ния. Так, проблема недостаточности финансовых и иных материальных средств, особенно в поселениях, как для решения вопросов местного назначения, так и для осуществления государственных полномочий сегодня отчетливо вырисовывается на примере распоряжения неразграниченной публичной собственностью на землю.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапов А. Б. Публичные имущественные правомочия // Административное право и процесс. — 2021. — № 6. — С. 16–25.
2. Гражданское право : в 4 т. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права : учебник для студентов вузов / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2023. — 690 с.
3. Канаев Ю. Н. Муниципальные образования как субъекты гражданского права : монография. — М. : Юстицинформ, 2020. — 192 с.
4. Кононов В. С. Правосубъектность органа публичной власти в отношениях публичной собственности // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 1. — С. 13–18.
5. Милосердов Н. А. Междисциплинарный подход к вопросу о государственном и муниципальном имуществе // Юрист. — 2022. — № 3. — С. 52–59.
6. Минина Е. Л. Нормативное закрепление принципов природоресурсного законодательства // Журнал российского права. — 2021. — № 6. — С. 162–177.
7. Низов В. А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 5. — С. 134–139.
8. Пескова А. А. Местное самоуправление: распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена (по материалам судебной практики Дальневосточного региона) // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 20. — С. 29–32.

Материал поступил в редакцию 21 мая 2024 г.

²⁰ Например, см.: Соглашение от 25.01.2021 № 66 между Администрацией Нижнебузулинского сельсовета и Администрацией Свободненского района Амурской области о передаче полномочий по распоряжению земельными участками сельскохозяйственного назначения, находящимися в муниципальной собственности поселения // Портал Правительства Амурской области. URL: <https://svobregion.amurobl.ru/upload/iblock/a32/a32bd56cf236c80cc97279dc2e9b515c.pdf> (дата обращения: 27.02.2024) ; Соглашение от 06.04.2020 № 1 между Староалександровским сельским поселением и Администрацией Ярковского муниципального района Тюменской области о передаче полномочий по управлению и распоряжению земельными участками, находящимися в собственности поселения // Портал органов государственной власти Тюменской области. URL: <https://yarkovo.admtymen.ru/files/upload/OMSU/Yarkovo/Староалександровское%20сп.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agapov A. B. Publichnye imushchestvennye pravomochiya // *Administrativnoe pravo i protsess*. — 2021. — № 6. — S. 16–25.
2. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. 2: Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Isklyuchitelnye prava. Lichnye neimushchestvennye prava: uchebnyy dlya studentov vuzov / otv. red. E. A. Sukhanov*. — 3e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2023. — 690 s.
3. Kanaev Yu. N. *Munitsipalnye obrazovaniya kak subekty grazhdanskogo prava: monografiya*. — M.: Yustitsinform, 2020. — 192 s.
4. Kononov V. S. Pravosubektnost organa publichnoy vlasti v otnosheniyakh publichnoy sobstvennosti // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. — 2022. — № 1. — S. 13–18.
5. Miloserdov N. A. Mezhdistsiplinarnyy podkhod k voprosu o gosudarstvennom i munitsipalnom imushchestve // *Yurist*. — 2022. — № 3. — S. 52–59.
6. Minina E. L. Normativnoe zakreplenie printsipov prirodoresurnogo zakonodatelstva // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2021. — № 6. — S. 162–177.
7. Nizov V. A. Konstitutsionno-pravovye osnovy publichnoy sobstvennosti v kontekste sozdaniya yuridicheskikh lits publichnogo prava // *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2020. — № 5. — S. 134–139.
8. Peskova A. A. Mestnoe samoupravlenie: rasporyazhenie zemelnymi uchastkami, gosudarstvennaya sobstvennost na kotorye ne razgranichena (po materialam sudebnoy praktiki Dalnevostochnogo regiona) // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2009. — № 20. — S. 29–32.

Гражданское общество и его институты в теории соотношения субъектов конституционного права

Аннотация. Автором настоящего исследования на протяжении длительного времени проводится разработка теории соотношения субъектов конституционного права. Выработаны теоретические конструкты, включая понятийно-категориальный аппарат, методологию; отдельные аспекты проверены на практике в процессе экспертной деятельности. Суть теории заключается в том, что различные акторы, обладая правовым статусом, оказывают гораздо большее количество влияний друг на друга, не ограничиваясь правоотношениями, включая состояния. Трансформация реализации права в последние годы ярко демонстрирует данное утверждение. Одной из составляющих доктринального изыскания является рассмотрение различных субъектов через призму многообразия их соотношений с другими акторами. В работе попытка такого осмысления осуществлена применительно к гражданскому обществу, которое автору представляется полноценным, самостоятельным субъектом, и его институтам. При этом за скобками оставлены местное самоуправление и государственно-общественные формирования (общественные палаты, советы, общественно-наблюдательные комиссии и пр.), поскольку они испытывают на себе существенное воздействие государства. В качестве результата может быть принята совокупность авторских выводов о потенциале отдельно взятых субъектов конституционного права с точки зрения их участия в общественной жизни. Обозначенные позиции могут применяться в процессе право-творчества, правоприменения, а также для других доктринальных изысканий по данной или сходной тематике.

Ключевые слова: гражданское общество; институт гражданского общества; соотношения гражданского общества; государство; общественное объединение; коммерческая организация; коллектив; объединение людей; теория соотношения; конституционно-правовые отношения; правовые влияния.

Для цитирования: Васильев С. А. Гражданское общество и его институты в теории соотношения субъектов конституционного права // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 52–66. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.052-066.

Civil Society and its Institutions in the Theory of Interrelation between the Subjects of Constitutional Law

Stanislav A. Vasilyev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University; Senior Researcher, Institute of the State and Law, Tyumen State University, Sevastopol, Russian Federation
mnogoslov@mail.ru

Abstract. The author of the study has been developing the theory of the ratio between the subjects of constitutional law for a long time. The paper describes theoretical constructs, including the conceptual and categorical apparatus,

© Васильев С. А., 2025

* *Васильев Станислав Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» Севастопольского государственного университета, старший научный сотрудник Института государства и права Тюменского государственного университета
Университетская ул., д. 33, к. Б-303, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053
mnogoslov@mail.ru

methodology, and certain aspects that have been tested in practice in the process of expert activity. The essence of the theory lies in the fact that various actors with legal status influence on each other in many directions, not limited to legal relations, including states. The transformation of the realization of the right in recent years clearly demonstrates this statement. One of the components of doctrinal research is the consideration of various subjects through the prism of the variety of their relationships with other actors. In the work, the author makes an attempt of this kind of reflection in relation to civil society, which the author seems to be a full-fledged independent subject, and its institutions. At the same time, local self-government and state-public formations (public chambers, councils, public monitoring commissions, etc.) are not taken into account, since they are significantly influenced by the State. As a result, a set of author's conclusions can be taken throughout the text of the work on the potential of individual subjects of constitutional law in terms of their involvement in public life. The application of the indicated positions may take place in the process of lawmaking, law enforcement, as well as for other doctrinal research on this or similar topics.

Keywords: civil society; civil society institution; civil society ratios; State; public association; commercial organization; community; bringing people together; ratio theory; constitutional and legal relations; legal influences.

Cite as: Vasilyev SA. Civil Society and its Institutions in the Theory of Interrelation between the Subjects of Constitutional Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):52-66. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.052-066.

Введение

Актуальность настоящего исследования заключается в постоянной трансформации институтов гражданского общества, что естественным образом вызывает необходимость совершенствования нормативного правового регулирования. Направленную на это деятельность результативней осуществлять при помощи авторской теории соотношения субъектов конституционного права. Проведение исследования именно в таком ключе обуславливает его новизну.

Предметом настоящей работы является рассмотрение многообразия соотношений гражданского общества и его институтов с различными субъектами конституционного права. Такой аспект выступает элементом соответствующей теории, которую автор пытается обосновать на протяжении нескольких лет.

Гипотеза исследования заключается в том, что оптимального нормативного правового регулирования отношений с участием гражданского общества или его институтов можно добиться при помощи полного и всестороннего изучения материи уже существующих связей с их участием. При этом связи далеко не всегда представлены конституционными правоотношениями, поскольку даже сам факт наличия прав и обязанностей субъектов, не реализо-

ванных на практике, влияет на поведение иных акторов.

Цель исследования заключается в анализе нормативного и идейного предназначения гражданского общества и его институтов для формирования фактических связей с различными субъектами конституционного права. Задачами выступает рассмотрение теоретических основ гражданского общества и его институтов, специфики их функционирования, а также соотношения указанных акторов с публичной властью.

Для успешного выполнения настоящего исследования использованы следующие подходы и методы.

1. Для выработки теоретических основ правового регулирования функционирования гражданского общества и его институтов изучены доктринальные источники по теме исследования, а также практическая составляющая их функционирования.

2. Для определения современных потребностей общества, требующих трансформации правового регулирования, изучены экспертные оценки.

3. Выработка предложений изменения законодательства основана на применении такого метода, как правовое моделирование, с точки зрения проектирования будущих общественных отношений.

4. Анализ, синтез, индукция и дедукция применены в комплексе с тем, чтобы разобрать максимальное число существующих связей гражданского общества и его институтов с иными субъектами конституционного права.

Кроме того, необходимо оговориться: в работе использован термин «актор», который традиционно не свойствен юриспруденции. Сделано это ввиду использования междисциплинарного подхода, т.к. именно исследования в области социологии и политологии, а также частично психологии позволяют установить связи гражданского общества и его институтов с иными субъектами конституционного права.

1. О понятии гражданского общества

Любое общество можно рассматривать в трехуровневой системе институциональных координат: экономических, политических и идеологических. Первые всегда связаны с использованием ресурсов или борьбой за такую возможность. Политическая составляющая представляет собой коллективные согласованные действия, направленные на достижение общего и полезного всем результата. Идеология представляет базовые ценности¹, на которых основаны все соотношения субъектов, включая правовое регулирование.

Н. А. Богданова отмечает, что «статус общества как теоретическое обобщение, раскрывающее сущность и содержание правового состояния социальной организации конкретного народа, имеет самостоятельную ценность»².

Гражданское общество представляет собой цельную схему взаимодействия между основными общественными институтами в их единой системе³.

А. В. Малько определяет гражданское общество как «совокупность внесударственных и внеполитических отношений (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, семейных, религиозных), образующих особую сферу специфических интересов свободных индивидов-собственников и их объединений»⁴.

По мнению Ю. А. Тихомирова, гражданское общество представляет собой «устойчивое сообщество граждан на основе признания общих ценностей и обеспечения прав»⁵. То есть гражданское общество в некоторых случаях подменяет собой государство там, где последнее не справляется со своими задачами. Ярким примером этому может служить функционирование большого количества различных фондов, которые собирают денежные средства и иную гуманитарную помощь не просто для граждан, проживающих в зоне проведения специальной военной операции или пострадавших от нее, но и на нужды армии после начала 2022 г.

На основании вышеизложенных позиций ученых можно воспринимать гражданское общество в качестве самостоятельного субъекта конституционно-правовых отношений, основным объектом воздействия которого является государство ввиду такой же абстрактности и изначального целеполагания своего создания и функционирования.

2. Гражданское общество и государство

Рассматривая гражданское общество в качестве субъекта конституционно-правовых отношений, следует отметить, что сама идея его существования была бы нежизнеспособной, если бы не существовало государства. Наличие властного легитимно карательного субъекта ведет к тому,

¹ Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт) / отв. ред. М. В. Каргалова, К. Д. Крылов. М. : ТК Велби, Проспект, 2003. С. 38.

² Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М. : Юрист, 2001. С. 126.

³ Исаев И. А. Идея порядка в консервативной перспективе : монография. М. : Проспект, 2015. С. 226.

⁴ Гражданское общество : юридический словарь-справочник / под ред. А. В. Малько, О. И. Цыбулевской. М. : Проспект, 2023.

⁵ Тихомиров Ю. А. Государство : монография. М. : Норма, 2015. С. 8.

что общество стремится восстановить естественное состояние для того, чтобы публичная власть его учитывала при осуществлении своих функций⁶. Это состояние по сути и является гражданским обществом.

В то же время гражданское общество должно выступать в качестве обоюдopoлезного субъекта для публичной власти и отдельно взятого гражданина. В случае возникновения конфликта между последними государство способно отстаивать свои интересы, а гражданину в условиях отсутствия поддержки со стороны общественности защитить свой интерес затруднительно⁷.

Общество в целом является ключевым субъектом конституционных и ряда других отраслевых правоотношений. А. Д. Керимов считает, что именно указанный актор выступает фундаментом формирования государства. Последнее вырастает из общества. При этом постоянная активная деятельность данных субъектов направлена друг на друга⁸. Государство создается для удовлетворения интересов общества, оно разделяет эти интересы.

Ф. М. Раянов, исследуя работы Д. Локка, приходит к выводу о том, что государство — это и есть результат деятельности гражданского общества, оно всецело должно быть ему подчинено. Возникновение «левиафана» обусловлено тем, что люди естественным образом перешли от безгосударственного к гражданскому состоянию, породив субъект, который стал выполнять вместо людей отдельные публичные функции. Власть над обществом может существовать только с согласия народа, в противном случае она будет нежизнеспособной⁹. Однако не все существующие социальные институты и их место объясняются историей их возникновения. С указанным автором можно согласиться в том, что государство именно так и появилось. Однако

современная Российская Федерация формировалась другими способами, возможно, поэтому гражданское общество не является главным звеном в решении проблем населения. Впрочем, В. В. Комарова отмечает, что в целом конституционная система власти состоит далеко не только из государственной и муниципальной власти, имея в виду и силы гражданской ответственности. Вместе с тем следует констатировать низкую активность этой общественности¹⁰.

О. Е. Кутафин отмечал, что центральное публично-правовое образование должно формироваться как государство законности, или конституционное государство, суть которого заключается в ограниченном вмешательстве в дела гражданского общества, точнее в полном исключении произвольного императивного вмешательства в дела гражданского общества при наличии установленных границ указанной деятельности¹¹. Поэтому место государства в системе субъектов конституционно-правовых отношений можно оценить только при соотношении его и его органов с институтами гражданского общества.

Ж. Маритен обращал внимание на необходимость четкого определения понятий, которые часто смешиваются в повседневном употреблении. Так, ученый называл «проклятием современной истории» систематическое смешение категорий нации, политического общества и государства. Нация дофункциональна в отличие от общества, она объединяет многообразные биологические организмы, осуществляющие жизнедеятельность на определенной территории в конкретный период времени, представляя собой некое сообщество. Политическое общество по содержанию ближе к некому общему духу, направленному на всеобщее благополучие и создание необходимых условий для благо-

⁶ Исаев И. А. Указ. соч. С. 222.

⁷ Политика социального партнерства. С. 103.

⁸ Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. М. : Норма, 2014. С. 9, 16.

⁹ Раянов Ф. М. Теория правового государства : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 143.

¹⁰ Комарова В. В. Институты гражданского общества в становлении транспортного права // Образование и право. 2021. № 5. С. 72–79.

¹¹ Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2016. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. С. 177.

получного проживания. Государство не только легитимный каратель, но прежде всего субъект, обеспечивающий правопорядок и законность там, где имеют место общество и нация¹². Исходя из этих рассуждений, можно проследить еще одну связь между обществом и государством: последнее создается не только для того, чтобы управлять совокупностью людей, но и для того, чтобы поддерживать должный уровень соблюдения тех правил, о которых люди изначально договорились между собой в концептуальном смысле. Сохранения установленных правил жизни государство достигает в том числе при помощи внесения в них уточнений, детализации — создания новых нормативных правовых актов или прецедентов, которые будут обязательны для исполнения в обществе.

Нельзя обойти стороной деструктивное воздействие рассматриваемых субъектов друг на друга. Так, институты гражданского общества нередко используются для влияния на общество с целью формирования негативного отношения к соответствующему государству. В России продолжительное время ведется работа, направленная на противодействие влиянию иностранных агентов¹³. В свою очередь, государство, обладающее большим числом полномочий, не сдерживаемое конституционными положениями, может попортить демократические ценности и не давать возможности общественности реализовывать свои инициативы или просто не позволять конструктивно сотрудничать с собой.

На этой основе актуальной представляется реализация принципа добросовестности¹⁴, т.к.

излишние государственные проверки и иное контролирующее воздействие негативно сказываются на деятельности любой организации.

Одним из элементов гражданского общества, часто вступающим в отношения с публичной властью, являются коммерческие организации, претендующие либо на лояльное к себе отношение с целью экономии собственного потенциала, либо на конструктивное сотрудничество, связанное с выделением финансов для их функционирования. В этой связи немаловажной проблемой большого количества публично-правовых взаимоотношений является справедливое распределение ресурсов. С точки зрения социального страхования было, есть и остается отсутствие именно паритетного сотрудничества в данной сфере всех участников соотношений¹⁵. Во многом поэтому сохраняются проблемы коррупции¹⁶, существенной зависимости коммерческого сектора от воли государства и слабой самостоятельности организаций, нацеленных на получение прибыли. Данный тезис подтверждает тот факт, что транснациональные корпорации — резиденты Российской Федерации функционируют исключительно при условии деятельного участия публичной власти, что позволяет и им самим добиваться в том числе политических результатов¹⁷.

Концептуально идеи, высказанные в далеком прошлом, сохраняют ценность в настоящее время, всячески детализируются и украшаются мыслителями последних десятилетий в их работах, посвященных разного рода соотношениям государства, граждан и их объединений.

¹² *Маритен Ж.* Человек и государство. М. : Идея-Пресс, 2000. С. 11–14.

¹³ Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5222 ; апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 № 66а-74/2023 ; решение Свердловского областного суда от 09.02.2023 по делу № 71-37/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ *Мосин С. А.* Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. 27–45.

¹⁵ Политика социального партнерства. С. 79.

¹⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 22.03.2023 № 51-АД23-2-К8 // СПС «КонсультантПлюс» ; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 4, 5.

¹⁷ *Зайцев С. Ю.* Взаимодействие транснациональных корпораций и государства: политологический анализ // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 37–45.

3. Объединения людей

Постоянная рефлексия формирует у личности осознание системы взаимоотношений с миром, которая в значительной степени упорядочена¹⁸. На этой основе людям свойственно объединение с другими ввиду физиологической потребности одного человека в другом. Отсюда можно сделать вывод о том, что общество представляет собой большую совокупность многообразных взаимодействий¹⁹.

Индивид априори живет сообществом, т.к. имеет потребность в преодолении одиночества²⁰. При этом реализация данной потребности заключается не только в выстраивании межличностных отношений, создании семьи и т.д., но и в решении общественно значимых вопросов.

Далеко не любая совокупность может называться объединением. Для того чтобы группа граждан стала таковой, необходимо организационное единение его участников или иные правовые основания²¹. Последние базируются на общности интересов, соединяющей их услия.

На формирование единого мировоззрения можно влиять извне, чем активно занимаются государства. Единство мировоззрения предопределяет стабильность общества²². Так, в последние годы государственная политика стала уделять больше внимания воспитанию моло-

дежи. Правовые начала этого заложены в 2020 г. конституционными поправками. Так, в школах проходят «Разговоры о важном»²³, а с сентября 2023 г. во всех вузах преподают основы российской государственности. Делается это в отношении абсолютно всех категорий обучающихся.

С. А. Котляревский считал, что объединительной основой людей является не простое их сожительство, а «совместное участие в национальном труде»²⁴. Таким образом, должны не просто иметь место существующие интересы, но и необходимо наличие определенной деятельности, направленной на их реализацию. При этом человеку несвойственно подчиняться обществу, пренебрегая собственной волей. Б. Н. Чичерин объясняет это тем, что общество само состоит из совокупности людей и, если все они будут подчиняться объединению поработанных, то это прямой путь к саморазрушению²⁵.

Любой коллектив представляет собой определенную форму организации его участников, систему социальных связей между ними²⁶. При этом коллектив может формироваться в зависимости от интересов его участников, задач, которые он перед собой ставит, или квалификации участников, желающих решать специальные задачи. Рассматриваемая общность как сравнительно небольшая социальная единица в организации взаимоотношений внутри себя будет руководствоваться теми механизмами, которые существуют в более крупных социаль-

¹⁸ Гребеньков Г. В. Человек в правовом бытии: Введение в правовую персонологию : монография. Донецк : Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. С. 274–275.

¹⁹ Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия : монография. М. : Проспект, 2022. С. 12.

²⁰ Гребеньков Г. В. Указ. соч. С. 116.

²¹ Чиркин В. Е. Территориальная организация публичной власти : монография. М. : Норма, 2019. С. 44.

²² Зидентоп Л. Демократия в Европе : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2004. С. 81.

²³ Письмо Минпросвещения России от 15.08.2022 № 03-1190 «Методические рекомендации по реализации цикла внеурочных занятий “Разговоры о важном”» // Официальные документы в образовании. 2022. № 29, октябрь.

²⁴ Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. С. 424.

²⁵ Чичерин Б. Н. Собственность и государство / сост., автор вступ. ст., коммент.: А. И. Нарезный. М. : Росс-пэн, 2010. С. 430.

²⁶ Иванов В. Н., Фриш А. С. Основная ячейка социалистического общества. М. : Политиздат, 1975. С. 104.

ных общностях, перенимая базовые принципы их функционирования²⁷. Данный тезис еще раз подтверждает, что все общество системно, а основополагающие начала, на которых строятся связи между субъектами, одинаковы.

С точки зрения правового регулирования необходимо отметить теорию фикций, согласно которой настоящим субъектом права может выступать только человек, юридическое лицо — это фантом, выдумка, существующая в определенном представлении²⁸. Безусловно, в современных реалиях представить общественные отношения без юридических лиц просто невозможно²⁹.

Объединение людей тогда становится самостоятельным субъектом, отличающимся от физического лица, когда соответствует ряду критериев, среди которых наличие интереса, отличного от интереса отдельно взятого лица; организационная структура; возможность привлечения коллектива к юридической среде³⁰.

Человек устроен таким образом, что концентрирует в себе потребность в социальном общении, как это уже было отмечено, и осознание собственной уникальности³¹. Он видит себя в обществе, выполняя определенную роль, стремится к развитию, преодолевая препятствия, которые сформированы в обществе. Таким образом, данные субъекты неразрывно связаны друг с другом.

Б. Н. Чичерин, критикуя мнения ученых, сравнивавших общество с человеческим организмом, отмечал, что ключевым отличием является то, что у всех частей организма одна

цель — удовлетворение того, что сформировано сознанием его обладателя. У различных объединений людей, безусловно, есть общие цели, но его составляющие потому и находятся внутри данной общности, что личные цели совпадают с общественными. Таким образом, каждый индивид заинтересован в удовлетворении собственных интересов³², для чего он использует различные средства, включая участие в различных объединениях. Причем такое объединение может осуществляться и в форме толпы в процессе митинга или протестных мероприятий, а также общественных объединений, которые решают общественно значимые задачи. Такие формирования в целом преследуют примерно те же цели, что и государство, а многие из них используют основные принципы построения и функционирования государства для оптимизации своей работы³³. Вместе с тем нередко использование своей причастности к определенным группам приводит к девиациям, когда личность использует это сугубо в собственных интересах, в том числе нарушая действующее законодательство.

Не вызывает сомнения то, что каждая общность внутри себя структурирована, а выполнение различных ролей ее участниками дифференцировано³⁴. Так, должны быть руководитель, наиболее активный участник, лицо, отвечающее за внешние связи³⁵, и т.д.

К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли разные по характеру объединения людей. Одни, соединив потенциалы отдельных участников, противопоставляют себя всей общности и каждому

²⁷ Мокляк Н. Н. Социальные отношения: структура и формы проявления. Киев : Наукова думка, 1986. С. 172.

²⁸ Гребеньков Г. В. Указ. соч. С. 231.

²⁹ Кутафин О. Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица : монография. М. : Проспект, 2007.

³⁰ Хохлов Е. Б. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. 1993. № 9. С. 149–155.

³¹ Гребеньков Г. В. Указ. соч. С. 315.

³² Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 452, 338.

³³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 380.

³⁴ Нагайчук А. Ф. Социальные интересы: технологии осуществления в политике. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 78.

³⁵ Kavanagh Sh. A., Hawe P., Shiell A., Mallman M., Garvey K. Soft infrastructure: the critical community-level resources reportedly needed for program success // BMC Public Health. 2022. No. 22 (1). P. 420.

отдельно взятому человеку. Такое объединение классики коммунизма называли мнимым. В подлинном же объединении каждый получает свободу деятельности, которая расширяет свои пределы в том числе за счет использования такого единения³⁶. В любом случае бывают объединения, которые призваны ограничивать деятельность граждан, но в интересах последних участвовать в тех, которые предоставляют им те или иные блага.

Еще одной значимой функцией объединений граждан является организация взаимодействия с государством. Отталкиваясь от этого, можно провести классификацию по возможности таких формирований достигать своих целей: главные, основные, неглавные, второстепенные. Исходя из своих интересов, общественные объединения в самом широком смысле подключаются к выполнению государственных функций соответственно собственным интересам или интересам участников такого объединения³⁷. В данном случае можно обратить внимание на то, что значимость вопросов, которые стоят на повестке дня внутри самой организации, также может быть различной. Однако деятельность осуществляется и не по профильным направлениям, если возникшая задача актуальна, а у объединения имеются необходимые ресурсы. Например, основной функцией высшего учебного заведения является осуществление образовательной и научной деятельности³⁸. При этом государство часто заинтересовано в независимой экспертной оценке своих решений куда больше, чем в выпускниках или результатах научных исследований.

Поэтому высшие учебные заведения реализуют данную функцию, от чего в результате выигрывает все общество, т.к. повышаются качество правового регулирования и, следовательно, уровень общественных отношений.

4. Общественные объединения

Соотношение общественных объединений с другими субъектами конституционного права, особенно органами публичной власти, в немалой степени зависит от территориального устройства государства. Именно на него ориентируются данные институты гражданского общества при организации своей работы на местах, формируя региональные и местные отделения³⁹.

По словам В. А. Лебедева, основной целью политических партий является выражение воли населения или отдельных его частей. Кроме того, данный вид общественных объединений осуществляет своего рода соединительные функции, представляя собой соединительное звено между индивидом и государством⁴⁰.

О различии политических партий и остальных общественных объединений с юридической точки зрения рассуждали Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин. По их мнению, правовой статус политических партий в обязательном порядке в той или иной степени должен быть закреплен в конституции, в то время как о необходимости такого закрепления всех остальных некоммерческих организаций следует размышлять и выяснять мнение общественности⁴¹.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 3. С. 74–75.

³⁷ Нагайчук А. Ф. Указ. соч. С. 29.

³⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598. См. также: Коваль В. Н. Юридическое образование в Севастополе: особенности и перспективы // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы международной научно-практической конференции. Калининград : Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. С. 19–20.

³⁹ Государственно-территориальное устройство России / А. Г. Гранберг, В. В. Кистанов, А. А. Адамеску [и др.] ; под ред. А. Г. Гранберга, В. В. Кистанова. М. : ДеКА, 2003. С. 53.

⁴⁰ Лебедев В. А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России : монография. М. : Проспект, 2016. С. 13.

⁴¹ Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М. : Норма, 2007. С. 175.

Политические партии занимают в обществе неоднозначную позицию, поскольку стремятся завладеть расположением избирателей и в то же время удовлетворять и лоббировать интересы крупного капитала для обеспечения собственной жизнеспособности. В этой связи указанные общественные формирования выступают в качестве субъекта поиска компромисса между обычными тружениками и теми, кто, обладая значительными ресурсами, постоянно стремится увеличить свою прибыль⁴².

Политические партии имеют в настоящее время большую значимость для конституционно-правовых отношений. Однако в СССР, как и в ФРГ, им отводилась главенствующая роль, поскольку считалось, что именно данные формирования объединяют в себе волю как всего народа, так и функционирующего государства⁴³.

В то же время по ряду причин, в том числе из-за природы человека, политические партии нередко вырождаются в тот институт, в рамках которого выделяются лидеры, главенствующие над остальными членами партии⁴⁴ и даже за ее пределами.

Вместе с тем А. В. Курочкин отмечает, что «в силу усовершенствования гражданского общества политические партии неизбежно теряют роль центров, в которых происходит гражданское самоопределение»⁴⁵. То есть, выполняя свои основные задачи, политические партии становятся своего рода узкопрофильными организациями, занимающимися только политикой. В это время на авансцену выходят другие общественные формирования, которые выполняют все необходимые социальные функции. Так, в современных условиях мобилизации всех общественных сил на сохранение российских ценностей снова обретает актуальность создание общественных объединений правоохранитель-

ной направленности. Указанная инициатива является результатом развития взаимоотношений общества и государства на современном этапе развития частных военных компаний, обусловлена необходимостью создания подразделений территориальной обороны на приграничных с Украиной территориях, формирования специальных подразделений в регионах с особыми внутренними и внешними угрозами и т.д.

Данная инициатива может выражаться в особой организационно-правовой форме объединения, которое будет проходить особые государственные проверки с определенной периодичностью. Членство в такой организации должно быть почетным правом, которое необходимо заслужить, также пройдя определенные процедуры, аналогичные тем, что организованы в отношении работников частных охранных предприятий. Отличие от указанной коммерческой организации заключается в том, что при возникновении внешней или внутренней угрозы на определенных территориях граждане сами готовы защищать свой дом. Например, в небольшом приграничном поселке из представителей силовых ведомств может быть только участковый уполномоченный полиции, однако может произойти атака диверсионно-разведывательных группировок. Указанному должностному лицу с такой ситуацией не справиться, а право каждого на законное владение оружием также не принесет нужных результатов. В то же время организованная группа людей, каждый участник которой прошел определенную подготовку, имеет оружие и иные специальные средства, в силах отбросить противника в описанной ситуации. Координировать и (или) контролировать их функционирование могут участковый уполномоченный полиции, староста сельского населенного пункта или глава муниципального образования.

⁴² Рейснер М. А. Государство: Государство и общество. Государственные формы. М. : Ленанд, 2018. С. 280.

⁴³ Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2018. С. 326.

⁴⁴ Кин Дж. Демократия и гражданское общество : пер. с англ. / послесл. М. А. Абрамова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 181.

⁴⁵ Курочкин А. В. Правовая институционализация политических партий в Российской Федерации : монография. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 132.

5. Коммерческие организации

Неслучайно в числе институтов гражданского общества упомянуты коммерческие организации, которые также являются полноценными субъектами конституционно-правовых отношений. В науке высказываются мнения относительно того, что напрасно в Конституции РФ никаким образом не урегулированы основы правового статуса данных видов юридических лиц, что приводит к увеличению объема судебной практики, а также усилению необходимости вмешиваться в этот процесс Конституционному Суду РФ. При этом Н. Ю. Логачева констатирует конфликт между государством, обществом и коммерческими организациями как раз ввиду отсутствия процессуальных норм, которые бы позволяли защищать последних нормами конституционного права⁴⁶.

Взаимоотношения государства и коммерческих организаций предполагают в своем содержании негативное воздействие данных субъектов друг на друга. Так, публичной власти свойственно ограничение бизнес-процессов, предприниматели же в своей деятельности нередко игнорируют общественные интересы, включающие выполнение трудового, налогового, экологического и иного законодательства⁴⁷.

Примечательны соотношения между субъектами внутри крупных коммерческих организаций. По словам Ю. Э. Монастырского, после поправок к ГК РФ 2014 г. сформировалась новая концепция внутрикорпоративных связей, где представительные органы выступают не управленцами, а исполнителями или даже работниками с особой ролью в силу применения к ним ТК РФ. Непосредственное управление же

осуществляют коллегиальные субъекты: совет директоров, наблюдательный совет и пр.⁴⁸, но не отдельные его члены, как раньше.

Относительно данного вопроса встречаются и другие позиции. Так, Н. С. Вавилов в диссертационном исследовании дает исчерпывающий перечень элементов гражданского общества на муниципальном уровне, ограничиваясь добровольными дружинами, общественными палатами, молодежными парламентами и общественными комиссиями⁴⁹. Таким образом, в ряду указанных элементов упомянуты только публично-правовые институты гражданского общества, и то не все. Однако из определения гражданского общества следует, что его элементами могут быть и частноправовые институты. Например, законодательство предусматривает возможность создания коммерческих организаций в рамках межмуниципального сотрудничества органов местного самоуправления. Помимо этого, на уровне муниципального образования может работать любая иная коммерческая организация, которая будет приносить реальную пользу муниципалитету. Она также должна учитываться как институт гражданского общества и найти свое место в указанном перечне.

Любопытна специфика взаимоотношений между руководством коммерческой организации и обществом в целом. По сути каждая корпорация выполняет определенную социальную функцию, хотя и зарабатывает на этом деньги. Например, продуктовый магазин участвует в обеспечении продовольственной безопасности⁵⁰. В этой части общество заинтересовано в функционировании такого рода организаций. Чем больше данных формирований, тем сильнее конкуренция между ними, что влияет на ка-

⁴⁶ Логачева Н. Ю. Коммерческие организации как субъекты конституционно-правовых отношений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3–4.

⁴⁷ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 210.

⁴⁸ Монастырский Ю. Э. Материально-правовые особенности требований об убытках : монография. М. : Статут, 2019. С. 55.

⁴⁹ Вавилов Н. С. Правовое регулирование деятельности институтов гражданского общества на муниципальном уровне : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 107.

⁵⁰ Худяков А. В. Правоохранительная деятельность полиции по обеспечению экономической безопасности (российский и зарубежный опыт) // Актуальные проблемы управления инфраструктурой органов внутренних дел и обеспечения экономической безопасности : сборник научных статей по материалам

чество продаваемой продукции и (или) ее стоимость. Все в данном случае, на первый взгляд, заинтересованы в поступательном развитии, т.к. акционеры получают высокие дивиденды, работники могут претендовать на увеличение заработной платы, а любой гражданин имеет возможность приобрести акции компании и тоже улучшить тем самым свое благосостояние. Вместе с тем встречаются и некоторые противоречия в этих отношениях, если речь пойдет о возмещении причиненных убытков⁵¹ или иных негативных соотношениях.

Кроме того, трудно переоценить значимость для укрепления государства и обеспечения законности и правопорядка в стране таких коммерческих организаций, как «Газпром», «Роснефть», «Лукойл» и др. Безусловно, основной целью их деятельности является извлечение прибыли, но обеспечение энергетической безопасности как элемента общей государственной защищенности всецело лежит на плечах указанных субъектов⁵².

Заключение

Таким образом, показано многообразие возможностей воздействия на других субъектов конституционного права самого гражданского общества и его институтов. Далеко не все акты такого участия урегулированы правом, многие из них исходят из функционального предназначения акторов, их потенциала, который далеко не во всех сферах может быть реализован. Всю данную огромную совокупность необходимо учитывать в системном единстве при правоприменении, но особенно — в процессе правотворческой деятельности. Помимо юридических конструкторов, существует огромное количество иных регуляторов, в связи с чем задачей компетентных лиц становится прежде всего недопущение пересечения соответствующих механиз-

мов и только потом — установление порядков, положений, законодательных статусов и пр.

На основании рассмотрения соотношения гражданского общества с иными субъектами конституционного права к конкретным выводам и предложениям можно отнести следующее.

1. Необходимо признать и нормативно зафиксировать наличие субъектов, которые в чистом виде не являются ни институтами гражданского общества, ни государственными органами или подведомственными организациями. Это общественные палаты, советы, общественно-наблюдательные комиссии, местное самоуправление, некоторые коммерческие организации и др. Именовать их предлагается государственно-общественными формированиями. Соответствующие изменения следует внести в Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», законы субъектов Российской Федерации, регламентирующие деятельность указанных субъектов, в муниципальные правовые акты с целью конкретизации конституционно-правового статуса рассмотренных институций в качестве государственно-общественных формирований.

2. Повышается актуальность создания общественных объединений правоохранительной направленности, деятельность которых была бы ориентирована на обеспечение охраны общественного порядка и территориальной обороны в определенных местностях. Так, в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины возрастают угрозы для приграничных российских территорий, в связи с чем обостряется потребность в формировании объединений территориальной обороны, добровольных народных дружин и т.д. Террористические угрозы после трагедии 22 марта 2024 г. в Москве также с новой силой фиксируют соответствующий социальный запрос.

3. Происходит смешение чисто публично-правовых и коммерческих организаций, т.к.

международной научно-практической конференции (Москва, 23 декабря 2015 г.). М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 264–268.

⁵¹ Монастырский Ю. Э. Указ. соч. С. 56.

⁵² Маслова О. С. Энергетическая безопасность как базовый элемент системы конституционного строя // Проблемы права. 2016. № 5. С. 40–41.

последние всё больше решают общественно значимые вопросы: оказывают гуманитарную помощь, реализуют социальные проекты, занимаются правозащитной деятельностью и т.д. В этой связи на фоне давнего смещения общественных объединений и некоммерческих организаций необходимо либо устранить

существующие разграничивающие рамки, либо, напротив, провести строгое разграничение, на основании которого коммерческим организациям вменить осуществление публично значимых вопросов только путем создания некоммерческих. Автор поддерживает второй вариант развития событий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. — М. : Юрист, 2001. — 254 с.
2. Вавилов Н. С. Правовое регулирование деятельности институтов гражданского общества на муниципальном уровне : дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2017. — 191 с.
3. Государственно-территориальное устройство России / А. Г. Гранберг, В. В. Кистанов, А. А. Адамеску [и др.] ; под ред. А. Г. Гранберга, В. В. Кистанова. — М. : ДеКА, 2003. — 446 с.
4. Гражданское общество : юридический словарь-справочник / под ред. А. В. Малько и О. И. Цыбулевской. — М. : Проспект, 2023. — 248 с. — DOI: 10.31085/9785392281718-2021-248.
5. Гребеньков Г. В. Человек в правовом бытии: Введение в правовую персонологию : монография. — Донецк : Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. — 540 с.
6. Еллинек Г. Общее учение о государстве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 750 с.
7. Зайцев С. Ю. Взаимодействие транснациональных корпораций и государства: политологический анализ // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17. — № 6. — С. 37–45.
8. Зидентоп Л. Демократия в Европе : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2004. — 360 с.
9. Иванов В. Н., Фриш А. С. Основная ячейка социалистического общества. — М. : Политиздат, 1975. — 287 с.
10. Исаев И. А. Идея порядка в консервативной перспективе : монография. — М. : Проспект, 2015. — 400 с.
11. Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории. — М. : Норма, 2014. — 144 с.
12. Кин Дж. Демократия и гражданское общество : пер. с англ. / послесл. М. А. Абрамова. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 400 с.
13. Коваль В. Н. Юридическое образование в Севастополе: особенности и перспективы // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы международной научно-практической конференции. — Калининград : Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. — С. 19–20.
14. Комарова В. В. Институты гражданского общества в становлении транспортного права // Образование и право. — 2021. — № 5. — С. 72–79. — DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-72-79.
15. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. — М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. — 428 с.
16. Курочкин А. В. Правовая институционализация политических партий в Российской Федерации : монография. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. — 254 с.
17. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. — М. : Проспект, 2016. — 544 с.
18. Кутафин О. Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица : монография. — М. : Проспект, 2007. — 336 с.
19. Лебедев В. А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России : монография. — М. : Проспект, 2016. — 207 с.
20. Логачева Н. Ю. Коммерческие организации как субъекты конституционно-правовых отношений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 28 с.

21. *Маритен Ж.* Человек и государство. — М. : Идея-Пресс, 2000. — 195 с.
22. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3. — М. : Госполитиздат, 1954. — 650 с.
23. *Маслова О. С.* Энергетическая безопасность как базовый элемент системы конституционного строя // Проблемы права. — 2016. — № 5. — С. 40–41.
24. *Мокляк Н. Н.* Социальные отношения: структура и формы проявления. — Киев : Наукова думка, 1986. — 205 с.
25. *Монастырский Ю. Э.* Материально-правовые особенности требований об убытках : монография. — М. : Статут, 2019. — 202 с.
26. *Мосин С. А.* Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 1. — 27–45. — DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.27.45.
27. *Нагайчук А. Ф.* Социальные интересы: технологии осуществления в политике. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. — 256 с.
28. *Панченко В. Ю.* Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия : монография. — М. : Проспект, 2022. — 232 с.
29. Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт) / отв. ред. М. В. Каргалова, К. Д. Крылов. — М. : ТК Велби, Проспект, 2003. — 208 с.
30. *Раянов Ф. М.* Теория правового государства : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 268 с.
31. *Рейснер М. А.* Государство: Государство и общество. Государственные формы. — М. : Ленанд, 2018. — 296 с.
32. *Тихомиров Ю. А.* Государство : монография. — М. : Норма, 2015. — 320 с.
33. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. — М. : Норма, 2007. — 319 с.
34. *Хохлов Е. Б.* Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. — 1993. — № 9. — С. 149–155.
35. *Худяков А. В.* Правоохранительная деятельность полиции по обеспечению экономической безопасности (российский и зарубежный опыт) // Актуальные проблемы управления инфраструктурой органов внутренних дел и обеспечения экономической безопасности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 23 декабря 2015 г.). — М. : Академия управления Министерства внутренних дел РФ, 2016. — С. 264–268.
36. *Чиркин В. Е.* Территориальная организация публичной власти : монография. — М. : Норма, 2019. — 208 с.
37. *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство / сост., автор вступ. ст., коммент.: А. И. Нарезный. — М. : Росспэн, 2010. — 926 с.
38. *Шмитт К.* Государство и политическая форма. — М., 2018. — 272 с.
39. *Kavanagh S. A., Hawe P., Shiell A., Mallman M., Garvey K.* Soft infrastructure: the critical community-level resources reportedly needed for program success // BMC Public Health. — 2022. — No. 22 (1). — DOI: 10.1186/s12889-022-12788-8.

Материал поступил в редакцию 3 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdanova N. A. Sistema nauki konstitutsionnogo prava. — M.: Yurist, 2001. — 254 s.
2. Vavilov N. S. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti institutov grazhdanskogo obshchestva na munitsipalnom urovne: dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2017. — 191 s.
3. Gosudarstvenno-territorialnoe ustroystvo Rossii / A. G. Granberg, V. V. Kistanov, A. A. Adamesku [i dr.]; pod red. A. G. Grinberga, V. V. Kistanova. — M.: DeKA, 2003. — 446 s.

4. Grazhdanskoe obshchestvo: yuridicheskiy slovar-spravochnik / pod red. A. V. Malko i O. I. Tsybulevskoy. — M.: Prospekt, 2023. — 248 s. — DOI: 10.31085/9785392281718-2021-248.
5. Grebenkov G. V. Chelovek v pravovom bytii: Vvedenie v pravovuyu personologiyu: monografiya. — Donetsk: Donetskiiy yuridicheskiy institut MVD Ukrainy, 2013. — 540 s.
6. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2004. — 750 s.
7. Zaytsev S. Yu. Vzaimodeystvie transnatsionalnykh korporatsiy i gosudarstva: politologicheskiy analiz // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. — 2017. — T. 17. — № 6. — S. 37–45.
8. Zidentop L. Demokratiya v Evrope: per. s angl. / pod red. V. L. Inozemtseva. — M.: Logos, 2004. — 360 s.
9. Ivanov V. N., Frish A. S. Osnovnaya yacheyka sotsialisticheskogo obshchestva. — M.: Politizdat, 1975. — 287 s.
10. Isaev I. A. Ideya poriyadka v konservativnoy perspektive: monografiya. — M.: Prospekt, 2015. — 400 s.
11. Kerimov A. D. Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii. — M.: Norma, 2014. — 144 s.
12. Kin Dzh. Demokratiya i grazhdanskoe obshchestvo: per. s angl. / poslesl. M. A. Abramova. — M.: Progress-Traditsiya, 2001. — 400 s.
13. Koval V. N. Yuridicheskoe obrazovanie v Sevastopole: osobennosti i perspektivy // Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2016. — S. 19–20.
14. Komarova V. V. Instituty grazhdanskogo obshchestva v stanovlenii transportnogo prava // Obrazovanie i pravo. — 2021. — № 5. — S. 72–79. — DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-72-79.
15. Kotlyarevskiy S. A. Pravovoe gosudarstvo i vneshnyaya politika. — M.: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1909. — 428 s.
16. Kurochkin A. V. Pravovaya institutsionalizatsiya politicheskikh partiy v Rossiyskoy Federatsii: monografiya. — Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2014. — 254 s.
17. Kutafin O. E. Izbrannyye trudy: v 7 t. T. 7: Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya. — M.: Prospekt, 2016. — 544 s.
18. Kutafin O. E. Subekty konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii kak yuridicheskie i priravnennyye k nim litsa: monografiya. — M.: Prospekt, 2007. — 336 s.
19. Lebedev V. A. Konstitutsionnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v sovremennoy Rossii: monografiya. — M.: Prospekt, 2016. — 207 s.
20. Logacheva N. Yu. Kommercheskie organizatsii kak subekty konstitutsionno-pravovykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 28 s.
21. Mariten Zh. Chelovek i gosudarstvo. — M.: Ideya-Press, 2000. — 195 s.
22. Marks K., Engels F. Sochineniya. T. 3. — M.: Gospolitizdat, 1954. — 650 s.
23. Maslova O. S. Energeticheskaya bezopasnost kak bazovyy element sistemy konstitutsionnogo stroya // Problemy prava. — 2016. — № 5. — S. 40–41.
24. Moklyak N. N. Sotsialnye otnosheniya: struktura i formy proyavleniya. — Kiev: Naukova dumka, 1986. — 205 s.
25. Monastyrskiy Yu. E. Materialno-pravovyye osobennosti trebovaniy ob ubytkakh: monografiya. — M.: Statut, 2019. — 202 s.
26. Mosin S. A. Svoystva konstitutsionnogo printsipa dobrosovestnosti subektov pravootnosheniy // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2023. — № 1. — 27–45. — DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.27.45.
27. Nagaychuk A. F. Sotsialnye interesy: tekhnologii osushchestvleniya v politike. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2005. — 256 s.
28. Panchenko V. Yu. Pravovoe vzaimodeystvie kak vid sotsialnogo vzaimodeystviya: monografiya. — M.: Prospekt, 2022. — 232 s.
29. Politika sotsialnogo partnerstva (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt) / otv. red. M. V. Kargalova, K. D. Krylov. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2003. — 208 s.
30. Rayanov F. M. Teoriya pravovogo gosudarstva: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2014. — 268 s.
31. Reysner M. A. Gosudarstvo: Gosudarstvo i obshchestvo. Gosudarstvennyye formy. — M.: Lenand, 2018. — 296 s.

32. Tikhomirov Yu. A. Gosudarstvo: monografiya. — M.: Norma, 2015. — 320 s.
33. Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. Teoriya sovremennoy konstitutsii. — M.: Norma, 2007. — 319 s.
34. Khokhlov E. B. Ponyatie yuridicheskogo litsa: istoriya i sovremennaya traktovka // Gosudarstvo i pravo. — 1993. — № 9. — S. 149–155.
35. Khudyakov A. V. Pravookhranitel'naya deyatel'nost' politsii po obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt) // Aktualnye problemy upravleniya infrastrukturoy organov vnutrennikh del i obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti: sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 23 dekabrya 2015 g.). — M.: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del RF, 2016. — S. 264–268.
36. Chirkin V. E. Territorial'naya organizatsiya publichnoy vlasti: monografiya. — M.: Norma, 2019. — 208 s.
37. Chicherin B. N. Sobstvennost i gosudarstvo / sost., avtor vstup. st., komment.: A. I. Narezhnnyy. — M.: Rosspen, 2010. — 926 s.
38. Shmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma. — M., 2018. — 272 s.
39. Kavanagh S. A., Hawe P., Shiell A., Mallman M., Garvey K. Soft infrastructure: the critical community-level resources reportedly needed for program success // BMC Public Health. — 2022. — No. 22 (1). — DOI: 10.1186/s12889-022-12788-8.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.067-074

М. В. Маркин*

Особенности правового положения органов публичной власти, осуществляющих местное самоуправление в границах федеральной территории «Сириус»

Аннотация. В статье освещаются особенности правового положения органов публичной власти федеральной территории «Сириус» в контексте осуществления ими местного самоуправления. Рассмотрена современная модель федеративной территории в Российской Федерации. Отмечены точки зрения научного сообщества по данной теме, представлено авторское мнение. Проанализировано соотношение правового регулирования осуществления местного самоуправления в границах федеральной территории и принципа народовластия. Раскрыт тезис о непосредственной взаимосвязи органов публичной власти федеральной территории «Сириус» и органов местного самоуправления города-курорта Сочи. Показаны предметы взаимодействия органов публичной власти федеральной территории и органов местного самоуправления города Сочи. Отмечена правовая неопределенность в контексте осуществления местного самоуправления на федеральной территории «Сириус», и описаны пути ее преодоления. Предлагается закрепить правовой механизм осуществления местного самоуправления на федеральных территориях с целью пресечь возможность ограничения принципа народовластия в будущем.

Ключевые слова: публичная власть; органы публичной власти; органы местного самоуправления; федеральная территория; соглашения; местное самоуправление; органы местного самоуправления; народовластие; «Сириус».

Для цитирования: Маркин М. В. Особенности правового положения органов публичной власти, осуществляющих местное самоуправление в границах федеральной территории «Сириус» // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 67–74. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.067-074.

Peculiarities of the Legal Status of Public Authorities Exercising Local Self-Government within the Boundaries of the Sirius Federal Territory

Maxim V. Markin, Postgraduate Student, Department of Constitutional Law named after N.V. Vitruk, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
m-v-markin.markin@yandex.ru

Abstract. The paper examines the peculiarities of the legal status of the public authorities of the federal territory «Sirius» in the context of implementation of local self-government. The paper examines the modern model of the federal territory in the Russian Federation. The author provides his opinion regarding the issues under

© Маркин М. В., 2025

* Маркин Максим Вячеславович, аспирант кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
m-v-markin.markin@yandex.ru

consideration, as well as the points of view of the scientific community in general. The correlation of the legal regulation of the implementation of local self-government within the boundaries of the federal territory and the principle of democracy is considered. The author focuses on the thesis stating a direct relationship between the public authorities of the federal territory «Sirius» and the local governments of the resort city of Sochi. The subjects of interaction between public authorities of the federal territory and local governments of the city of Sochi are shown. Legal uncertainty was noted in the context of the implementation of local self-government on the territory of the federal territory «Sirius» and the paper suggests ways to overcome these challenges. It is proposed to consolidate the legal mechanism for the implementation of local self-government in federal territories in order to prevent the risk of limiting the principle of democracy in the future.

Keywords: public power; public authorities; local governments; federal territory; agreements; local government; local governments; democracy; Sirius.

Cite as: Markin MV. Peculiarities of the Legal Status of Public Authorities Exercising Local Self-Government within the Boundaries of the Sirius Federal Territory. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):67-74. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.067-074.

В 2020 г. в Конституции РФ было закреплено особое публично-правовое образование — федеральные территории. В соответствии со ст. 67 Конституции «на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом».

На сегодняшний день общественные отношения в данной области регулируются только одним законом — Федеральным законом от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» (далее — Федеральный закон № 437-ФЗ). Однако данный Закон не разрешает те теоретические и практические противоречия, которые сложились в процессе создания и функционирования данного института. В частности, нет однозначного понимания в науке и на практике категории «органы публичной власти».

Конституционный Суд РФ также затронул вопрос создания и статуса федеральных территорий в заключении от 16.03.2020 № 1-З на Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»:

«Положение о возможности создания федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации». Следовательно, возникает вопрос об осуществлении местного самоуправления на таких территориях. Не будучи территорией субъекта, данная федеративная единица имеет общегосударственное стратегическое значение¹, и представляется, что она не может одновременно быть муниципальным образованием в форме городского округа. Тем не менее на практике получилось именно так. Данная территория была выделена в городской округ «Сириус»² и характеризуется как «публично-правовое образование»³. В настоящий момент в законодательстве отсутствует легальное закрепление этого понятия.

Всё вышеперечисленное позволяет говорить о практико-правовой и теоретической неразработанности данного вопроса. На сегодняшний день в науке нет целостной концепции по нему. Помимо этого, не очень ясны критерии, механизм функционирования такого нового института, как федеральная территория, а также порядок осуществления в их границах полномочий

¹ Ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 22.12.2020. Ст. 0001202012220082.

² См.: Закон Краснодарского края от 03.04.2020 № 4266-КЗ «Об установлении границ муниципального образования городского округ Сириус Краснодарского края и о наделении его статусом городского округа».

³ Ст. 2 Федерального закона № 437-ФЗ.

органов местного самоуправления. В настоящей работе будут рассмотрены научные подходы к данной тематике. На практике будут проанализированы особенности правового положения органов публичной власти на территории города Сочи в контексте федеральной территории «Сириус».

Как ранее было отмечено, институт федеральной территории на сегодняшний день не до конца осмыслен в теоретическом плане. Рассмотрим основные мнения в науке. А. Г. Чернявский полагает, что данный институт было бы рациональнее применить к территориям с особым статусом: закрытым административным образованиям, особо охраняемым природным территориям и арктической зоне. Исходя из смысла института федеральных территорий, вышеперечисленные территориальные образования могут получить особые полномочия и подчиняться напрямую федеральному центру. Однако Чернявский подчеркивает, что в соответствии со ст. 67 Конституции для каждой вновь образуемой федеральной территории необходимо принимать новый федеральный закон, в котором будут отражены перечень полномочий, механизм взаимодействия, осуществления контроля и другие вопросы их деятельности⁴.

С. А. Авакьян понимает под федеральной территорией определенную территорию федеративного государства, которая не входит в состав субъекта федерации и находится под непосредственным управлением федеральных органов власти или назначенных ими лиц⁵.

По мнению Н. В. Васильевой, в настоящее время институт федеральной территории никак не осмыслен, и законодатель вынужден действовать методом проб и ошибок. Исследователь полагает, что Федеральный закон № 437-ФЗ является ситуативным и «непрора-

ботанным» решением. Н. В. Васильева делает акцент на «отсутствие понимания природы создаваемой территориальной единицы», т.к. в Федеральном законе № 437-ФЗ законодательное регулирование закреплено в отношении организации органов публичной власти. При этом подчеркивается недоработка вышеуказанного Закона в контексте понимания места в системе «политико-территориального устройства России»⁶.

Е. Ю. Зинченко отчасти поддерживает вышеизложенное мнение. Ее позиция основывается на сравнительно-правовом анализе института федеральных территорий в России и других федерациях, в частности Бразилии и Индии. Там такие территории создаются ввиду историко-культурных, административных или политических особенностей. Также такие территориальные единицы не входят в состав субъектов федерации. Именно поэтому Е. Ю. Зинченко говорит о том, что российская модель федеральных территорий является «слабо связанной» с общемировой практикой. В целом она полагает, что на сегодняшний день нет потребности в создании рассматриваемого института в существующей форме. В отношении «Сириуса» Зинченко не видит тех задач, которые решаются в других федерациях, а именно историко-культурных или административно-государственных. По ее мнению, институт федеральных территорий в России эффективнее было бы осуществить при помощи другой конституционной модели⁷.

Противоположной точки зрения придерживается Л. В. Андриченко, которая говорит о том, что, несмотря на стадию формирования института федеральной территории, сложившееся законодательное регулирование надлежащим образом отражает правовой режим такой территории, реализацию прав и свобод человека

⁴ Чернявский А. Г. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция (постатейный). М. : КноРус, 2021. С. 247. (Нормативная литература.)

⁵ Конституционное право : энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Норма, Инфра-М, 2001. С. 619.

⁶ Васильева Н. В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 125–126.

⁷ Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Конституционно-правовой статус федеральных территорий и их особенности в современных федерациях // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 43.

и гражданина, в том числе в сфере местного самоуправления. Таким образом, она приводит к выводу о необходимости данного института в системе территориального устройства России и о самостоятельности его как отдельного института конституционного права России⁸.

Н. Л. Пешин исходит из того, что федеральную территорию возможно сопоставить с административно-территориальными единицами субъектов; при этом разница будет в регулировании их статуса: для федеральной территории это будет федеральный закон, а для административно-территориальной единицы — закон субъекта. Такой вывод он делает исходя из функционирования на уровне федеральной территории публичной власти, которая, согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ⁹, имеет форму государственной и муниципальной власти. Таким образом, федеральную территорию Пешин характеризует как административно-территориальную единицу, которая подчиняется федеральному уровню власти, а не субъекту РФ и органам муниципальных образований; последние, в свою очередь, на практике также зависимы от субъекта¹⁰.

Таким образом, можно выделить неоднозначность подхода в контексте существования института федеральной территории в России в нынешней конституционной модели. Исследователи говорят о том, что на сегодняшний день целесообразно применить данный правовой режим к другим, более значимым территориям, таким как арктическая зона или природно-охраняемые объекты. В то же время есть мнение о своевременности и важности рассматриваемого института. Автор отчасти солидаризируется с

первой точкой зрения, но только касательно сферы применения указанных правоотношений. Безусловно, такого рода правовой режим следовало бы распространить и на другие территории, представляющие стратегическую значимость для страны. К таковым, помимо озвученных, можно отнести, например, озеро Байкал, территории опережающего развития и свободные экономические зоны.

В мировой практике существуют несколько моделей функционирования федеральной территории. В первом варианте федеральный округ создается для столичного региона (США). Во втором — модель по созданию федеральной территорий предполагает практически равные статусы субъекта федерации и такой территории (Бразилия). Третий вариант заключается в выделении определенной территории, статус которой отчасти сходен с федеральной территорией, но в то же время она не находится под юрисдикцией субъекта¹¹.

Кроме того, необходимо отметить отсутствие легально закрепленных понятий «публичная власть» и «органы публичной власти». При этом они активно используются не только в Конституции РФ, но и на уровне федерального законодательства.

Рассмотрение органов публичной власти федеральной территории «Сириус» необходимо с точки зрения принципа народовластия, который гласит, что местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации¹². Также право граждан на участие в местном самоуправлении, согласно позиции Конституционного Суда РФ, проистекает из Конституции РФ и является необходимой формой

⁸ Реформа организации публичной власти: основные направления реализации : монография / А. Е. Постников, Н. С. Бондарь, А. Е. Помазанский [и др.] ; отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андриченко ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Норма, Инфра-М, 2023. С. 141.

⁹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года “Об органах исполнительной власти в Республике Коми”».

¹⁰ Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 37.

¹¹ Реформа организации публичной власти. С. 126.

¹² См.: п. 1 ст. 10 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

осуществления власти народом¹³. Однако по вопросу о возможности выхода публичной власти на федеральных территориях за рамки отношений местного самоуправления Конституционный Суд не представил позиций. На основании вышеуказанного принципа народовластия представляется, что население федеральной территории не может быть лишено такой формы народовластия, как местное самоуправление¹⁴.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 437-ФЗ органы публичной власти федеральной территории «Сириус» осуществляют полномочия органов местного самоуправления городского округа. К органам публичной власти в соответствии с Федеральным законом № 437-ФЗ относятся Совет федеральной территории «Сириус» — представительный орган; администрация федеральной территории «Сириус» — исполнительно-распорядительный орган; иные органы публичной власти, которые могут быть созданы в соответствии с Уставом федеральной территории.

Таким образом, существующее правовое регулирование создает предпосылки к ограничению прав населения на участие в осуществлении местного самоуправления¹⁵, т.к., по сути, указанные органы подменяют собой и муниципальные органы.

Теперь рассмотрим непосредственно особенности правового положения органов публичной власти на территории города Сочи в контексте федеральной территории «Сириус» и органов местного самоуправления, которые осуществляют решение вопросов местного значения на данной территории. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что следует говорить именно о публичных органах города-курорта

Сочи, а не об органах федеральной территории «Сириус», которые выполняют функции органов местного самоуправления. На это есть ряд причин. Так, согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 437-ФЗ на федеральной территории «Сириус» местное самоуправление осуществляется проживающим на ее территории населением непосредственно в формах, которые предусмотрены Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ, а также через органы публичной власти, которые реализуют полномочия местного самоуправления городского округа, если такие полномочия не были переданы для осуществления органам местного самоуправления городского округа города-курорта Сочи. Отметим первую особенность: на сегодняшний день именно Сочи имеет возможность осуществлять на федеральной территории переданные от нее полномочия органов местного самоуправления. Передача полномочий городу-курорту Сочи осуществляется на основании соглашений. Так, по информации сайта администрации «Сириуса», в настоящее время между органами публичной власти федеральной территории «Сириус» и органами местного самоуправления муниципального образования городской округ город-курорт Сочи заключены 17 соглашений о передаче полномочий и 15 дополнительных соглашений к ним¹⁶.

Рассмотрим перечень тех полномочий, которые передаются городу-курорту Сочи для последующей их реализации в границах федеральной территории. Так, предметом соглашений являются организация благоустройства; организация электро-, газо-, тепло- и водоснабжения; водоотведение; осуществление муниципального контроля за исполнением единой тепло-

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”» // СЗ РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.

¹⁴ Федерализм в современном публичном праве : собрание трудов V Международной научно-практической конференции / отв. ред. С. А. Авакьян, Э. О. Григорян, М. М. Ильчикова, В. В. Корольков. М. : Проспект, 2023. С. 355–356.

¹⁵ Федерализм в современном публичном праве. С. 355–356.

¹⁶ Документы администрации федеральной территории «Сириус» // URL: https://sirius-ft.ru/docs_adm (дата обращения: 17.03.2024).

снабжающей организацией обязательств по строительству и реконструкции; осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения; мероприятия по охране окружающей среды; создание условий для оказания медицинской помощи; организация ритуальных услуг; обезвреживание и захоронение твердых коммунальных отходов; охрана и защита лесов; осуществление мероприятий по гражданской и территориальной обороне; муниципальный лесной контроль; библиотечное обслуживание населения; организация перевозок¹⁷.

Таким образом, город-курорт Сочи является единственным муниципальным образованием, которое на практике обеспечивает решение вопросов местного значения на рассматриваемой федеральной территории. Отсюда проистекает следующий вывод. Создание данной федеральной территории было поспешным со стороны федерального законодателя, в особенности в отношении вопросов, связанных с исполнением публичными органами своих полномочий. Фактически все основополагающие вопросы на федеральной территории решаются городом-курортом Сочи, а именно его органами местного самоуправления. Представляется, что федеральный законодатель поторопился с практической реализацией института федеральной территории ввиду отсутствия его всестороннего и практического осмысления и изучения.

Помимо вышесказанного, тезис о публичных органах федеральной территории и органах местного самоуправления города-курорта Сочи содержится в ч. 7 ст. 47 Федерального закона № 437-ФЗ. Так, согласно Закону органы местного самоуправления города-курорта Сочи совместно с администрацией федеральной территории «Сириус» осуществляют подготовку и утверждение перечня имущества, предполагаемого к передаче федеральной территории «Сириус», организуют подготовку генерального плана федеральной территории «Сириус», закрепление правил землепользования и застройки

федеральной территории «Сириус», создание многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг, комиссии по регулированию цен (тарифов) на товары (услуги), а также могут осуществлять иные полномочия. Вышесказанное также подтверждает тезис о поспешности и сомнительной эффективности внедрения института федеральной территории непосредственно для данной территории. Вместе тем подтверждается неоднозначность правового положения публичных органов федеральной территории, осуществляющих полномочия органов местного самоуправления.

Таким образом, основные полномочия местного самоуправления на федеральной территории «Сириус» осуществляют органы местного самоуправления городского округа город-курорт Сочи. Правовой статус данных публичных органов является неоднозначным и нечетким, а конституционные принципы народовластия и обязанности осуществления на территории России местного самоуправления не согласуются.

Кроме того, стоит отметить неоднозначность наделения территории с общегосударственным стратегическим значением статусом муниципального образования в форме городского округа.

Автору представляются возможными следующие варианты разрешения сложившихся противоречий:

1. Принятие федерального закона, в котором были бы закреплены единые для всех федеральных территорий критерии создания, организация органов публичной власти и порядок осуществления местного самоуправления. Данный вариант оптимален с точки зрения учета прав и свобод населения, с одной стороны, и эффективности государственного управления — с другой. Также именно в данном федеральном законе было бы логичным отразить легальное определение понятий «публичная власть» и «органы публичной власти», т.к. их использование в законодательстве без раскрытия смыс-

¹⁷ См.: соглашения о передаче полномочий органов публичной власти федеральной территории «Сириус» органам местного самоуправления муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края // URL: https://sirius-ft.ru/docs_adm.

лов, которые вкладывает в них законодатель, затруднительно для правоприменителя.

2. Выделить в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹⁸, который находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, главу, которая бы закрепляла механизм осуществления местного самоуправления в границах федеральной территории. Такой подход в целом применим, даже если, помимо него, будет избран один из ранее озвученных вариантов,

при условии, что регулирование вопросов местного самоуправления будет закреплено только в данном законе.

Законодатель также может выбрать другой путь в отличие от двух вышепредставленных. Его суть заключается в сохранении сложившегося механизма. То есть принятие для каждой федеральной территории федерального закона, который бы повторял по структуре и предмету Федеральный закон № 437-ФЗ. Такой подход видится нерациональным, т.к. существующие проблемы никак не разрешаются.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Федерализм в современном публичном праве : собрание трудов V Международной научно-практической конференции / отв. ред. С. А. Авакьян, Э. О. Григорян, М. М. Ильчикова, В. В. Корольков. — М. : Проспект, 2023. — 799 с.
2. Васильева Н. В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. — 2021. Т. 5. — № 1. — С. 124–140.
3. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Конституционно-правовой статус федеральных территорий и их особенности в современных федерациях // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 4. — С. 39–45.
4. Конституционное право : энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. — М. : Норма, Инфра-М, 2001. — 688 с.
5. Пешин Н. Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 7. — С. 35–40.
6. Реформа организации публичной власти: основные направления реализации : монография / А. Е. Постников, Н. С. Бондарь, А. Е. Помазанский [и др.] ; отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андриченко ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М. : Норма, Инфра-М, 2023. — 200 с.
7. Чернявский А. Г. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция (постатейный). — М. : КноРус, 2021. — 442 с.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Federalizm v sovremennom publichnom prave: sobranie trudov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / отв. ред. S. A. Avakyan, E. O. Grigoryan, M. M. Ilchikova, V. V. Korolkov. — M.: Prospekt, 2023. — 799 s.
2. Vasileva N. V. Konstitutsionnyy status federalnykh territoriy v Rossii: teoreticheskie osnovy zakonodatel'nogo regulirovaniya // Pravoprimenenie. — 2021. T. 5. — № 1. — S. 124–140.

¹⁸ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 22.04.2024).

3. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Konstitutsionno-pravovoy status federalnykh territoriy i ikh osobennosti v sovremennykh federatsiyakh // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. — 2021. — № 4. — S. 39–45.
4. Konstitutsionnoe pravo: entsiklopedicheskiy slovar / otv. red. S. A. Avakyan. — M.: Norma, Infra-M, 2001. — 688 s.
5. Peshin N. L. Territorialnaya organizatsiya publichnoy vlasti v granitsakh federalnykh territoriy // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2021. — № 7. — S. 35–40.
6. Reforma organizatsii publichnoy vlasti: osnovnye napravleniya realizatsii: monografiya / A. E. Postnikov, N. S. Bondar, A. E. Pomazanskiy [i dr.]; otv. red. A. E. Postnikov, L. V. Andrichenko; Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. — M.: Norma, Infra-M, 2023. — 200 s.
7. Chernyavskiy A. G. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Novaya redaktsiya (postateynyy). — M.: KnoRus, 2021. — 442 s.

Конституционная ценность доверия

Аннотация. В статье с позиции конституционной аксиологии исследуются проблемы ценностей в Конституции РФ. Отмечается многообразие подходов к пониманию конституционных ценностей, их состава и правовых характеристик. Рассматривается феномен доверия как социальной и конституционной ценности. Автором сформулирован вывод о собственной правовой сущности конституционных ценностей, несводимой к идее, установке, принципу или норме. Они являются выражением самоидентификации многонационального народа Российской Федерации, учреждающего конституционный строй, и в силу этого выступают конституционными ценностями в абсолютном значении данного термина, обладают свойством интегративности. Закрепление в преамбуле Конституции РФ ценности доверия имеет важнейшее значение для утверждения нового конституционного строя, деятельности органов публичной власти, взаимоотношений власти и общества, взаимодействия институтов гражданского общества. В формально-юридическом аспекте это предполагает создание на основе права институтов, процедур, средств защиты прав, которые должны основываться на доверии и быть эффективными. Доверие как конституционная ценность выступает критерием оценки институтов публичной власти и гражданского общества, деятельности субъектов конституционных правоотношений, прежде всего органов публичной власти.

Ключевые слова: конституционная аксиология; ценность; доверие; Конституция РФ; преамбула; национальная идентичность; цель; конституционное право; публичная власть; конституционные правоотношения.

Для цитирования: Володина С. В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 75–86. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.075-086.

The Constitutional Value of Trust

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Abstract. The paper examines the issues regarding the values enshrined in the Constitution of the Russian Federation from the standpoint of constitutional axiology. There is a variety of approaches to understanding constitutional values, their structure and legal characteristics. The author considers the phenomenon of trust as a social and constitutional value. The author draws a conclusion about her own understanding of the legal essence of constitutional values, which is not reduced to an idea, installation, principle or norm. They are an expression of self-identification of the multinational people of the Russian Federation, establishing the constitutional system. Therefore, they are constitutional values in the absolute meaning of this concept, and they have the property of integrativeness. The consolidation of the value of trust in the preamble of the Constitution of the Russian Federation is of paramount importance for the approval of the new constitutional order, the activities of public authorities,

© Володина С. В., 2025

* Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
volodina_sv@inbox.ru

relations between the authorities and society, and the interaction of civil society institutions. In a formal legal context, this involves the creation, on the basis of the law, of institutions, procedures, means of protecting rights that should be based on trust and should be effective. Trust as a constitutional value is a criterion for assessing the institutions of public authority and civil society, the activities of subjects of constitutional legal relations, primarily public authorities.

Keywords: constitutional axiology; value; trust; Constitution of the Russian Federation; preamble; national identity; purpose; constitutional law; public power; constitutional legal relations.

Cite as: Volodina SV. The Constitutional Value of Trust. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):75-86. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.075-086.

В действующей Конституции РФ закреплены ценности, имеющие важное значение для каждой личности, образуемых личностями сообществ, для гражданского общества и государства. Значимость конституционных ценностей для правовой системы определена высшей юридической силой Конституции России. Конституционные ценности, будучи отражением значимых явлений социального бытия и национального опыта, воздействуют на отношения в различных сферах — политической, социальной, экономической и иных. Выраженные в тексте основополагающего нормативного акта ценности влияют на характер деятельности субъектов конституционных отношений и определяют их содержание.

В отечественной конституционной теории конституционным ценностям посвящен ряд исследований¹. Следует отметить, что после поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., обсуждение вопроса о конституционных ценностях активизировалось в научной доктрине². В то же время отсутствует единство в понимании

того, какие именно положения Конституции РФ относятся к ценностям как с позиции содержания, так и формализации.

По мнению В. Д. Зорькина, к непреходящим конституционным ценностям относятся: «права и свободы человека и гражданина; справедливость и равенство; верховенство права и конституционная законность; правовое, демократическое, федеративное и социальное государство»³.

В качестве конституционных ценностей С. А. Авакьян называет: «конституционную ценность государства; саму Конституцию; служение конституционных норм и правил интересам человека и гражданина; закрепление плюрализма форм собственности, при котором право на равное существование и использование имеют как частная, так и государственная собственность, а также иные ее формы; закрепление демократического режима власти, основой которого является народовластие; установление принципов и правил сопричастности народа к выработке законопроектов — от выявления мнения гражд-

¹ См., например: Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47; Зорькин В. Д. Ценностный подход в правовом регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3–14; Аксиология российского конституционализма: история и современность / под ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб.: Из-во СПбГУ, 2012; Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013 (Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2); Шустров Д. Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 15–26.

² См., например: Саликов М. С., Гончаров М. В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса. 2020. № 1. С. 61–66; Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, Инфра-М, 2020.

³ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 3.

дан, общественного мнения о законопроектах до народной правотворческой инициативы; наличие системы разделения власти; прозрачность и гласность осуществления государственной власти; выборы; использование в качестве основного регулятора общественных отношений закона»⁴.

По мнению Г. А. Гаджиева, конституционными ценностями являются «конституционные принципы и объективная система основных прав и свобод» человека. Им заявлена проблема аксиологии конституционализма, в рамках которой рассматриваются вопросы соотношения конституционных и нравственных ценностей, их применение в конституционно-судебной практике⁵.

Н. С. Бондарь, указывая на ценность действующей Конституции России в целом, отмечает, что аксиологическими свойствами обладают конкретные ее нормы, принципы, аксиомы, презумпции⁶. Существенно важным в его концепции является утверждение тезиса о том, что в практике Конституционного Суда РФ получил обоснование «ряд формально не имеющих прямого закрепления в Конституции РФ ценностей». По мнению названного автора, Конституционный Суд РФ обеспечивает процесс конституционно-судебного генерирования конституционных ценностей⁷.

Вышеуказанные позиции авторитетных ученых свидетельствуют о различии в понимании того, что относится к конституционным ценностям. Наряду с Конституцией РФ и закрепленными в ней принципами к ценностям отнесены иные текстуально-конституционные феномены (нормы, аксиомы, презумпции). В качестве конституционных ценностей определены вытекающие из Конституции России положения, получившие обоснование в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Вместе с тем к кон-

ституционным ценностям отнесены система основных прав и свобод человека, институты народовластия, демократический режим и др.

Многообразие взглядов на то, какие положения Конституции РФ относятся к ценностям, свидетельствует, во-первых, о разных подходах в понимании феномена «конституционной ценности», а во-вторых, об отсутствии единых концептуальных основ в развитии отечественной конституционной науки применительно к обсуждаемой проблеме. Нередко обсуждение вопроса о конституционных ценностях сводится к приведению их перечня с указанием отдельных характеристик.

Отличительной чертой современного периода отечественной науки конституционного права является развитие конституционной аксиологии как научного направления. В работах отечественных ученых исследуются проблемы ценности Конституции России, содержание конституционных ценностей, их система, отражение и применение в практике Конституционного Суда РФ.

Рассматривая проблемы конституционных ценностей, В. Д. Зорькин подчеркнул, что в современном конституционном праве, в особенности после Второй мировой войны, нашло отражение интегративное понимание права, включающее в себя не только формально-догматические и социологические аспекты, но и аксиологические и телеологические проблемы права⁸.

Аксиология конституционализма, как ее определяет Г. А. Гаджиев, имеет прикладное значение, это своего рода «философские проблемы конституционного права». «Аксиология конституционализма занимается: 1) определением того, что есть конституционные ценности, каково их генетическое происхождение; 2) каково соотношение различных конституционных ценностей между собой»⁹.

⁴ Авакьян С. А. Указ. соч. С. 44–47.

⁵ Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 9, 16.

⁶ Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 23–25.

⁷ Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 16, 86.

⁸ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 3.

⁹ Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 16.

По мнению Н. С. Бондаря, конституционная аксиология, будучи новым направлением современного конституционализма, концентрирует и соединяет сложные, недостаточно исследованные, научно-теоретические проблемы с вопросами практической реализации конституционно-правовых ценностей¹⁰. Данная позиция акцентирует внимание на значимости и актуальности для практики конституционной аксиологии.

Указанное выше понимание российской конституционной аксиологии как научного направления имеет важное методологическое значение. Особо обращает на себя внимание положение о необходимости определения конституционных ценностей, их «генетического происхождения». При исследовании конкретных конституционных ценностей большое значение имеет раскрытие их особенностей, свойств; не менее важным, полагаем, является аспект отражения социальных явлений в ценностях.

Доверие как явление имманентно присуще природе человеческого сообщества любого вида. Оно «сопровождает» жизнь людей и воздействует на социальную организацию общества. Доверие наряду с другими феноменами (например, таким как справедливость) значительно определяет жизнь сообществ, наполняя ее предсказуемостью и стабильностью.

Как социальное явление доверие имеет собственную бытийную сущность. Она заключается в ценности доверия как положительного явления для человека, важного регулятора поведения людей и образуемых ими сообществ. «Ценности — специфические социальные характеристики объектов, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро и зло, прекрасное и безобразное и т.п.), заключенное в явлениях общественной жизни»¹¹. При этом специфические характеристики объектов, опре-

деляемые как ценности, не могут быть выявлены вне человеческой деятельности или сферы интересов человека¹². Ценность проявляется через отношения людей к объектам, которые важны и необходимы для личности, сообщества людей. В таких субъектно-объектных отношениях ценность проявляет себя как область интереса, свойство и цель. В этом заключается существо ценности.

Доверие как ценность обусловлено стремлением личностей к объективному благу, выражается ли это на уровне семьи, социальной группы, институтов гражданского общества, государства. Стремление к объективному благу посредством доверия заключается, во-первых, в готовности индивида положиться на другого, в достижении интереса (личного блага) в соответствии с действующими правилами (традициями); во-вторых, в действии в отношении другого субъекта (личности, коллектива, организации и т.д.) в ожидании адекватных (положительных) и предсказуемых реакций. Доверие может быть выражено односторонне (например, доверие к информации), в двусторонней форме (например, договоренность между людьми) либо в многосторонней форме (например, создание совместной организации).

Как феномен надындивидуальный доверие является порождением и условием межличностного общения в конкретном отношении. В этом аспекте доверие ценно для каждого субъекта — участника отношений. Субъективно-психологическое состояние доверия между конкретными личностями, между личностью и сообществом имеет сложное содержание, компонентами которого являются эмоции, чувства, умственные оценки и их воля: «...доверие рождается тогда, когда человек начинает учитывать практическую сторону жизни уважаемого человека, т.е. его волю, его волеуправление, самые творческие истоки его личного духа»¹³.

¹⁰ Бондарь Н. С. Указ. соч. С. 12.

¹¹ Кохановский В. П. Философия и методология науки : учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 460.

¹² См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1991. С. 512.

¹³ Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, доп. / под ред. и с биограф. очерком В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. С. 510.

Доверие в конкретных отношениях как индивидуальное переживание, психологический настрой субъекта проявляется как субъективная ценность, имеющая значение для участников отношений. Личность осуществляет действия с верой в то, что ответные действия будут адекватными со стороны того, кому доверяют. Наряду с эмоционально-чувственным доверие может быть основано на рациональном отношении личности к другому субъекту, основанном на уверенности в его предсказуемом и (или) результативном действии. В практической деятельности доверие проявляется в волевых действиях субъектов, исходящих из их веры и согласия в достижении значимого для них или иных субъектов результата (цели). Конкретно-межличностные доверительные отношения подтверждают ценность доверия как общего блага и лежат в основе общественного доверия.

Ценность доверия проявляет себя как объективный феномен человеческого общежития, в основе которого лежит открытость к межличностному общению. В этом аспекте доверие выступает общечеловеческой ценностью — «абсолютным благом». Оно относится к смысловым ценностям, таким как добро и справедливость. Важно подчеркнуть, что ценность доверия обладая свойством «абсолютного блага» есть явление социальное. Оно проявляется в социокультурных отношениях и опосредуется традициями, религиозными и иными правилами существующими в конкретных обществах. В силу социокультурных, цивилизационных отличий, оно имеет различное содержание в сходных отношениях. Например, в семейных отношениях доверие в исламской семье существенно отличается от европейской. В основе одной религиозные традиции, в другой — рациональность.

Ценность доверия в его регулятивном свойстве. В различных сообществах людей доверие не только оказывает влияние на формирование и развитие личности, но и определяет характер отношений в обществе. Состояние общественного доверия порождает устойчивость межличностных отношений в плане их позитивного вос-

приятия отношений. Сложившаяся «замирённая среда» влияет на установки личности, формирует мотивацию поступка на позитивную оценку и деятельность. «Замирённая среда» не есть всеобщая гармония отношений, она представляет собой состояние согласования интересов, снятие конфликтов через существующие механизмы межличностных отношений. В условиях «замирённой среды» как состояния общественного доверия, личность свободно проявляет свою волю, которая объективно стремится к поддержанию сложившегося порядка доверительных отношений. Личность подпитывает своей «энергией доверия» общественную среду. Доверие к другим становится частью сознания личности. Таким образом, «замирённая среда» как состояние общественного доверия определяет установку личностей на позитивный порядок отношений.

Ценность доверия как регулятора поведения имеет большое значение для различных социальных общностей и форм общения. Отличающиеся по своему социальному составу, степени внутренней сплоченности и активности эти общности по-разному используют потенциал доверия. Не одинаковым образом доверие проявляет себя, например, в этнической группе и профессиональном объединении. Однако вне зависимости от вида социальной общности доверие воздействует и с разной степенью скрепляет общности. «В условиях атомизации общества, усиления автономности его составляющих без доверия как способа обеспечения общественного единства, соборности не обойтись... доверие значимо для обеспечения общественной лояльности, а в конечном итоге — для общественной стабильности, общественного единства, солидарности, развитой слитности общества и власти»¹⁴.

Итак, содержание доверия заключается в ожидании субъектом отношений адекватных (положительных) и предсказуемых действий со стороны иного субъекта (субъектов), готовность вступать в эти отношения, результатом которых должно быть общественное благо, являющееся целью отношений. Доверие формируется на ос-

¹⁴ Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юрист, 2004. С. 36.

нове эмоциональных, чувственных и умственных оценок личности. Однако в своем итоге выражается через волевые действия субъекта (субъектов). Доверие есть проявление доброй воли. Социальная ценность доверия заключается в его регулятивном свойстве, определяющем поведение субъектов; доверие «настраивает» доверителя и доверяемого на взаимодействие в соответствии с ожидаемым поведением. Подчеркнем, доверие как ценность обусловлена стремлением личностей (людей) к объективному благу.

Доверие, рассматриваемое в социальном аспекте, предполагает отношения между субъектами, опосредуемые традициями, религиозными и иными нормами конкретных обществ. В силу цивилизационных отличий доверие имеет различное содержание в сходных отношениях. Отметим следующее: доверие является многомерным социальным явлением, в котором воплощаются индивидуальное и коллективное, ценностное и институциональное.

Социальное доверие характеризуется как один из видов общественного капитала, который представляет собой возможности, возникающие из наличия доверия в обществе или его отдельных частях. Общественный капитал отличается от иных форм человеческой деятельности. Он создается через религию, традиции, исторические обычаи¹⁵. В сфере политических и правовых отношений доверие складывается в условиях предсказуемых решений и действий институтов публичной власти в отношении граждан на основе стабильного права. Доверие обеспечивается посредством различных форм взаимодействия общественных институтов с органами публичной власти, включая правовые механизмы разрешения споров. В публично-правовой сфере доверие заключается в правомерном ожидании граждан, что органы публичной власти, должностные лица будут действовать на основе права в их интересах, обеспечивая, а в необходимых случаях защищая их права. В частноправовой сфере доверие является основой свободы действий между гражданами, их объединениями для достижения общих целей, решения частных и

общественных задач. Важным результатом доверия выступает «замиренная среда» как состояние общественного доверия.

В конституционном государстве отношения между гражданами и органами публичной власти соответствуют действующей конституции, которая содержит правовые принципы и нормы, направленные на обеспечение конституционного правопорядка, сочетающего свободу граждан и взаимную ответственность граждан и государства. Вместе с тем конституция должна отражать устои общества, не вступать в противоречие с национальными ценностями общества (народа). Это одно из начальных политико-правовых условий для создания конституционного правопорядка и отношений доверия.

Будучи социальной ценностью, доверие включено в систему ценностей, закрепленных в действующей Конституции РФ. Конституционные ценности имеют различные лежащие в их основе социальные явления (сущности), которые в Конституции России получают неодинаковое текстуально-формальное выражение.

В преамбуле закреплены: «многонациональный народ Российской Федерации» как особый субъект конституционных отношений, осуществивший учреждение конституционного строя; «общая судьба на своей земле» как явление общественного и государственного развития в исторической (прошлом, настоящем и будущем) проекции в рамках территории государства; «права и свободы человека» как феномены российского права и конституционная ценность; «гражданский мир и согласие» — основанные на доверии условие и цель общественного и государственного развития; «исторически сложившееся государственное единство» — ценность объединения в сложившейся государственной форме; «общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов» — признание важности принципов международного права как основы международного правопорядка; «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» — идеальные объекты («память предков, Отече-

¹⁵ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 134.

ство») и нравственные категории как часть права; «суверенная государственность России и незыблемость ее демократической основы» — неотъемлемое качество государства («суверенность») и конституционный режим; «благополучие и процветание России» — цель развития российского государства и общества, определяемая посредством социальных категорий; «ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» — ценность Родины как идеального объекта, подлежащего сохранению социальными общностями; «осознание себя частью мирового сообщества» — утверждение роли страны в международных отношениях. В содержательном плане в преамбуле определен особый субъект конституционных отношений — многонациональный народ Российской Федерации, от имени которого принимается Конституция. Преамбула устанавливает как абсолютные ценности («память предков, Отечество, Родину, Россию», «добро, справедливость»), имеющие безусловный характер, так и ценности, относимые к государственно-правовым (суверенитет, демократию, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, государственное единство и др.) и международно-правовым (общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов) явлениям. Через закрепленные в преамбуле ценности осуществляется самоидентификация многонационального народа как субъекта, учреждающего конституционный строй и стремящегося обеспечить «благополучие и процветание России». Преамбула содержит ответ на вопрос, кто мы, и какие ценности для нас важны.

В преамбуле конституируются особое условие и цель, выступающие основой государственного и общественного порядка и развития, — «гражданский мир и согласие». Речь идет о ценности доверия, складывающегося (существующего) как во взаимодействии граждан и государства, так и в рамках общественных, гражданских отношений. «Нормальное правосознание утверждает, — пишет И. А. Ильин, — что государство по своей идее есть живая система всеобщего доверия. Исторические государства должны постоянно стремиться к этому идеалу;

от достижения его зависит вся правовая жизнь народа и вся его политическая судьба. Есть необходимый минимум взаимного — общественного и политического — доверия: вне его государство не может существовать; есть крайний максимум отсутствия доверия, за которым государство начинает заживо разлагаться»¹⁶.

Перевод доверия из социального явления в конституционное положение означает не только формальное признание доверия как ценности, но и установление цели конституционного развития («гражданский мир и согласие»), имеющей важнейшее значение для утверждения нового конституционного строя. При этом следует отметить, что доверие как конституционная ценность лежит в основе иных постулируемых преамбулой ценностей (доверие в утверждение демократической основы, доверие к Родине, будущность которой состоит в благополучии и процветании, доверие к мировому сообществу и др.). Преамбула закрепляет веру в «добро и справедливость» как абсолютные конституционные ценности наряду с доверием. В последнем положении отражается доверие не к самим постулируемым ценностям (они абсолютны), а к учреждаемому конституционному устройству, деятельности публичной власти, взаимоотношениям власти и общества, взаимодействию институтов гражданского общества, которые должны быть справедливыми и основываться на доверии.

Доверие становится частью провозглашаемого конституционного правопорядка. Будучи отражением потребности государства и общества в создании конституционного правопорядка, доверие как ценность служит достижению закрепленных целей развития, выступает критерием оценки институтов публичной власти и гражданского общества, деятельности субъектов конституционных правоотношений, прежде всего органов публичной власти.

В ряде работ российских исследователей конституционные ценности определены в качестве принципов, идей, явлений, социально значимых обстоятельств, доктринальной конструкции, свода основополагающих ценностных императивов. В частности, по мнению О. А. Снежко, «под кон-

¹⁶ Ильин И. А. Указ. соч. С. 521.

ституционными ценностями следует понимать основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), лежащие в основе российской государственности»¹⁷.

С позиции Д. А. Авдеева конституционными ценностями «выступают идеи, явления или социально значимые обстоятельства, закрепляемые в последующем в конституции (или же приравняемых к ней иных правовых документах), выступающие в качестве ориентирующих положений, предопределяющих содержание норм текущего законодательства, в основе которого лежит приоритет конституционных ценностей при регулировании общественных отношений». К общечеловеческим ценностям, которые, по его мнению, «получили закрепление в подавляющем большинстве конституций в том или ином виде, относятся: правовая свобода, собственность, общественный правопорядок и государственная безопасность»¹⁸.

Более сложное определение конституционных ценностей представлено А. А. Кондрашевым: они «представляют собой общесоциальные принципы (догматы) с правовой коннотацией, закрепленные в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия»¹⁹.

Иная позиция выражена в работе А. А. Сухановой. По ее мнению, конституционные ценности — «это система закрепленных в конституционных нормах универсальных приоритетных установок политического, экономического, правового, социального, нравственного, духовного характера, выступающих нормативной и идейной базой для создания широкого ряда документов стратегического планирования всестороннего развития государства»²⁰.

По мнению Н. Е. Таевой, «конституционные ценности — это сложная конституционно-доктринальная, юридико-логическая и нормативная конструкция, возникающая как результат реализации аксиологической функции конституции»²¹.

Из приведенных позиций следует прежде всего, что определение конституционных ценностей осуществляется через принципы, установки, нормы, идеи, социально значимые обстоятельства, конституционно-доктринальные и нормативные конструкции. Тем самым nivелируется значение самой категории ценности.

По сути, отрицается объективный характер конституционных ценностей. Получается, что их состав зависит от усмотрений ученых, их предпочтений и установок. Такой подход приводит, например, к выводу о том, что к конституционным ценностям относятся права и свободы человека и гражданина, правовая государственность, единство экономического пространства и свобода экономической деятельности, равная защита форм собственности, идеологический и политический плюрализм, гражданство, демократия и народный суверенитет, государственный суверенитет Российской Федерации, федерализм, республиканская форма правления, разделение властей на законодательную,

¹⁷ Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 13.

¹⁸ Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 2 (22). С. 76–77.

¹⁹ Кондрашов А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 22.

²⁰ Суханова А. А. Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2023. С. 12–13.

²¹ Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 2–5.

исполнительную, судебную, светский характер государства, разграничение государственной власти и местного самоуправления. Так, в частности, по мнению А. А. Сухановой, «перечень конституционных ценностей не является исчерпывающим и может подлежать изменению в силу динамичного характера»²².

Вышеуказанный перечень позволяет заключить, что к конституционным ценностям отнесены принципы, конституционные определения характера государственности, государственного (политического) режима, правовые институты и др. Отсюда следует, что конституционные ценности не имеют самостоятельного содержания и формы выражения, поскольку являются принципами, нормами, установками и т.д. При этом нередко в приведенных выше мнениях не представлена правовая характеристика закрепленных в Конституции России ценностей. Такой подход не способствует раскрытию конституционных ценностей как самостоятельного явления.

Конституционные ценности имеют собственную правовую сущность, несводимую к идее или установке, принципу или норме. Они являются выражением самоидентификации многонационального народа Российской Федерации, учреждающего конституционный строй, и в силу этого выступают конституционными ценностями в абсолютном значении данного термина. В таких конституционных ценностях, как Отечество, добро, справедливость, доверие, гражданский мир, согласие, проявляются устои и закрепляются правовые ориентиры развития общества и государства. В них содержится то, что признается многонациональным народом России в качестве «абсолютного и безусловного». В конституционных ценностях находит отражение социальное и бытийное существование многонационального народа России на своей земле. Они обладают правовым свойством регулятивного воздействия на иные положения Конституции РФ, которые изложены в виде принципов,

норм, презумпций и т.п. и являются основой для правотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти.

Следует обратить внимание на то, что принятые в 2020 г. поправки к Конституции РФ в ряде новых статей и дополненных (обновленных) статей содержат положения, направленные на развитие конституционных ценностей, закрепленных в преамбуле. Это, например, положения ст. 67.1 о сохранении памяти предков, преемственности в развитии Российского государства, исторически сложившемся государственном единстве; положения ст. 75.1 о взаимном доверии государства и общества, сбалансированности прав и обязанностей, социальной солидарности; положение ст. 79.1 о принятии Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, недопущению вмешательства во внутренние дела государства. «Включение в Конституцию РФ новой статьи 67.1, — отмечают Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас, — служит развитию ценностного содержания российской Конституции, решает задачи, которые в 1993 г. в силу исторических причин не получили необходимого отражения в Основном законе»²³.

Закрепленные в преамбуле ценности являются основой должной конституционной мотивации органов государства, обеспечивающих «перевод» конституционных ценностей в нормотворческую и правоприменительную практику. Конституционный Суд РФ в ряде постановлений указывает на взаимосвязь основополагающих ценностей, установленных в преамбуле, с иными положениями Конституции РФ, которые должны учитываться законодателем и правоприменителем. Так, в постановлении от 24.03.2022 № 12-П Суд подчеркнул, что в качестве одной из основополагающих ценностей, объединяющих многонациональный народ Российской Федерации, Конституция России в преамбуле называет веру в добро и справедливость. Конкретные право-

²² Суханова А. А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 53.

²³ Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, Инфра-М, 2020. С. 204.

вые механизмы, созданные на основе конституционных положений, трансформируют общее требование справедливости, относящееся к духу Конституции РФ, в конституционно-правовой принцип, воплощенный в ее букве²⁴. Речь идет о провозглашенном в ст. 19 принципе равенства, который также служит проявлением справедливости.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ при характеристике отраженных в преамбуле ценностей использует категорию «дух», подчеркивая особость их положения в Конституции России. Это вполне обоснованно. Закрепленные в преамбуле ценности выражают различные по сути явления, отражающие устои общества и государства. Конституционные ценности имеют объективный характер и обладают свойством нормативности. Однако нормативность конституционных ценностей — явление особого рода. Это наиболее абстрактная модель регулирования общественных отношений, которая выступает критерием действий в рамках национальной правовой системы. Конституционные ценности, выраженные в преамбуле, образуют общий фундамент для последующих положений Конституции России.

Предусмотренные в преамбуле ценности являются базой для формирования конституционного правосознания граждан Российской Федерации, образующих ее многонациональный народ. Ценности служат основой для правовой мотивации в поведении граждан²⁵. Верно отмечено, что «в отличие от норм права особый характер воздействия конституционных ценностей на поведение участников общественных отношений обусловлен тем, что они: 1) рекомендуют, а не указывают на должное поведение; 2) выражают в качестве блага наиболее предпочтительный вариант для конкретного

субъекта; 3) определяют идентичность общества в конкретный исторический период его развития при условии согласованности различных ценностей конституционного уровня»²⁶.

Итак, в преамбуле Конституции РФ закреплены ценности многонационального народа, через которые осуществляется его самоидентификация как субъекта, учреждающего конституционный строй. Они обладают свойством интегративности. В силу того, что конституционные ценности выражают общественные представления о наиболее значимых явлениях социальной действительности и отражают устои национальной жизни общества и государства, они выполняют функцию смыслового ориентира для понимания и уяснения иных конституционных положений. Конституционные ценности, установленные в преамбуле, не только отражают национальную идентичность многонационального народа России, но и выражают цели национального развития. Особой целью являются «гражданский мир и согласие» как условие государственного и общественного порядка и развития, основанного на доверии. Признание ценности доверия имеет важнейшее значение для утверждения нового конституционного строя, деятельности органов публичной власти, взаимоотношений власти и общества, взаимодействия институтов гражданского общества. В формально-юридическом аспекте это предполагает создание на основе права институтов, процедур, средств защиты прав, которые должны основываться на доверии и быть эффективными. Таким образом, доверие как конституционная ценность выступает критерием оценки институтов публичной власти и гражданского общества, деятельности субъектов конституционных правоотношений, прежде всего органов публичной власти.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2022 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”, статьи 189.91 и пункта 31 статьи 189.96 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданки И. В. Рехиной // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2371.

²⁵ *Титова Е. В.* Правомерное поведение в российском конституционном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 16–17.

²⁶ См.: *Шустров Д. Г.* Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 15.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. — 2001. — № 4. — С. 44–47.
2. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2020. — Т. 6. — № 2 (22). — С. 73–91.
3. Аксиология российского конституционализма: история и современность / под ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. — СПб. : Из-во СПбГУ, 2012. — 329 с.
4. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». — Вып. 2. — М. : Юрист, 2013. — 176 с.
5. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 2. — С. 3–17.
6. Зорькин В. Д. Ценностный подход в правовом регулировании прав и свобод // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 3–14.
7. Ильин И. А. Теория права и государства. — Изд. 2-е, доп. / под ред. и с биографическим очерком В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2008. — 550 с.
8. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. — М. : Юрист, 2004. — 192 с.
9. Кондрашов А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 4 (33). — С. 21–29.
10. Кохановский В. П. Философия и методология науки : учебник для высших учебных заведений. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — 576 с.
11. Саликов М. С., Гончаров М. В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса. — 2020. — № 1. — С. 61–66.
12. Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. — 2005. — № 2 (51). — С. 7–14.
13. Суханова А. А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского университета. Серия «Право». — 2015. — № 23 (378). — С. 53–57.
14. Суханова А. А. Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2023. — 35 с.
15. Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 5. — С. 2–5.
16. Титова Е. В. Правомерное поведение в российском конституционном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Челябинск, 2022. — 48 с.
17. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М., 1991. — 719 с.
18. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и созидание благосостояния : антология // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 1999. — 640 с.
19. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». — М. : Норма, Инфра-М, 2020. — 240 с.
20. Шустров Д. Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года // Социально-политические науки. — 2015. — № 4. — С. 15–26.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Globalizatsiya, obshchie konstitutsionnye tsennosti i natsionalnoe regulirovanie // *Natsionalnye interesy*. — 2001. — № 4. — S. 44–47.
2. Avdeev D. A. Konstitutsionno-pravovye tsennosti: ponyatie, vidy i ierarkhiya // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. — 2020. — T. 6. — № 2 (22). — S. 73–91.
3. Aksiologiya rossiyskogo konstitutsionalizma: istoriya i sovremennost / pod red. S. I. Dudnika, I. D. Osipova. — SPb.: Iz-vo SPbGU, 2012. — 329 s.
4. Bondar N. S. Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya. Seriya «Biblioteka sudebnogo konstitutsionalizma». — Vyp. 2. — M.: Yurist, 2013. — 176 s.
5. Gadzhiev G. A. Konstitutsionno-pravovoe kontseptualnoe prostranstvo i ego tsennosti // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. — 2012. — № 2. — S. 3–17.
6. Zorkin V. D. Tsennostnyy podkhod v pravovom regulirovanii prav i svobod // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2008. — № 12. — S. 3–14.
7. Ilin I. A. Teoriya prava i gosudarstva. — Izd. 2-e, dop. / pod red. i s biograficheskim ocherkom V. A. Tomsinova. — M.: Zertsalo, 2008. — 550 s.
8. Kokotov A. N. Doverie. Nedoverie. Pravo. — M.: Yurist, 2004. — 192 s.
9. Kondrashov A. A. Konflikt konstitutsionnykh tsennostey v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. — 2018. — № 4 (33). — S. 21–29.
10. Kokhanovskiy V. P. Filosofiya i metodologiya nauki: uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy. — Rostov n/D: Feniks, 1999. — 576 s.
11. Salikov M. S., Goncharov M. V. Konstitutsionnye tsennosti na novom etape razvitiya Osnovnogo zakona Rossiyskoy Federatsii // *Vestnik Evropeysko-Aziatskogo pravovogo kongressa*. — 2020. — № 1. — S. 61–66.
12. Snezhko O. Pravovaya priroda konstitutsionnykh tsennostey sovremennoy Rossii // *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2005. — № 2 (51). — S. 7–14.
13. Sukhanova A. A. Konstitutsionnye tsennosti sovremennoy Rossii: ierarkhiya i konkurentsia // *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. — 2015. — № 23 (378). — S. 53–57.
14. Sukhanova A. A. Konstitutsionnye tsennosti kak osnova sodержaniya i realizatsii gosudarstvennykh programm Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2023. — 35 s.
15. Taeva N. E. Normy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii kak forma vyrazheniya sotsialnykh tsennostey // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2009. — № 5. — S. 2–5.
16. Titova E. V. Pravomernoe povedenie v rossiyskom konstitutsionnom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2022. — 48 s.
17. Filosofskiy slovar / pod red. I. T. Frolova. — M., 1991. — 719 s.
18. Fukuyama F. Doverie: sotsialnye dobrodeteli i sozidanie blagosostoyaniya: antologiya // *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya / pod red. V. L. Inozemtseva*. — M., 1999. — 640 s.
19. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Tematicheskii kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti». — M.: Norma, Infra-M, 2020. — 240 s.
20. Shustrov D. G. Aksiologiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii 1993 goda // *Sotsialno-politicheskie nauki*. — 2015. — № 4. — S. 15–26.

Внепроверочные мероприятия налогового контроля: проблемы и практика правоприменения

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового регулирования и правовой природы внепроверочных мероприятий налогового контроля. Акцентируется внимание на тенденции к сокращению назначения выездных налоговых проверок. Вместо них налоговые органы осуществляют внепроверочные контрольные мероприятия для установления налоговых правонарушений. Отмечается, что налоговое законодательство предоставляет широкие полномочия налоговым органам для осуществления мероприятий налогового контроля вне рамок налоговых проверок. Правоприменительная практика позволяет определить предпроверочный анализ в качестве мероприятия налогового контроля. В работе подчеркивается, что складывающаяся правоприменительная практика создает ряд существенных проблем, связанных с обеспечением баланса частных и публичных интересов в рамках налогового контроля, в частности с обеспечением права налогоплательщиков на защиту прав и законных интересов. По итогам анализа автор приходит к выводу, что внедрение риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорную деятельность налоговых органов привело к созданию внепроверочной формы налогового контроля.

Ключевые слова: законность; налоговый контроль; форма налогового контроля; внепроверочный налоговый контроль; налоговый орган; предпроверочный анализ; налоговая проверка; ненормативный правовой акт; риск-ориентированный подход.

Для цитирования: Сулейманов Р. М. Внепроверочные мероприятия налогового контроля: проблемы и практика правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 87–94. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.087-094.

Out-of-Audit Tax Control Measures: Problems and Law Enforcement Practice

Rustam M. Suleymanov, Postgraduate Student, Department of Financial Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s2021998@msal.edu.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of legal regulation and the legal nature of non-verification measures of tax control. The author focuses his attention on the tendency to reduce field tax audits. Instead, the tax authorities carry out off-audit control measures to identify tax offenses. It is noted that tax legislation provides broad powers to tax authorities for the purpose of implementing tax control measures beyond the framework of tax audits. Law enforcement practice allows defining pre-verification analysis as a tax control measure. The paper emphasizes that

© Сулейманов Р. М., 2025

* Сулейманов Рустам Махмад оглы, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s2021998@msal.edu.ru

the emerging law enforcement practice creates a number of significant problems related to balancing private and public interests within the framework of tax control, in particular, ensuring the right of taxpayers to protect the rights and legitimate interests. Based on the results of the analysis, the author concludes that the introduction of a risk-based approach to the control and supervisory activities of the tax authorities led to the creation of an out-of-audit form of tax control.

Keywords: legality; tax control; tax control form; out-of-audit tax control; tax authority; pre-validation analysis; tax audit; non-normative legal act; risk-based approach.

Cite as: Suleymanov RM. Out-of-Audit Tax Control Measures: Problems and Law Enforcement Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):87-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.087-094.

В период нестабильной геополитической ситуации увеличивается рост налогоплательщиков, применяющих схемы уклонения от уплаты налогов. В связи с этим для поддержания высокого уровня налоговой дисциплины приоритетной задачей государства становится модернизация налоговой политики, направленной на совершенствование контрольно-надзорной деятельности налоговых органов.

Одной из возможных мер являются создание механизмов налогового администрирования Федеральной налоговой службы РФ с использованием современных цифровых технологий и повышение качества проведения контрольных мероприятий путем использования более эффективных способов и средств анализа деятельности хозяйственных операций налогоплательщиков, например создание новой модели контрольно-надзорной деятельности с использованием риск-ориентированного подхода.

Необходимо отметить, что 30 мая 2007 г. ФНС России опубликовала приказ № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок». Издание данного приказа стало началом изменения всей концепции работы налоговых органов в рамках осуществления мероприятий налогового контроля. Вместо проведения непрерывных проверок в отношении всех налогоплательщиков налоговые органы стали применять риск-ориентированный подход, предварительно анализируя деятельность налогоплательщиков с использованием информационно-аналитических систем на предмет налоговых рисков,

свидетельствующих о возможных налоговых правонарушениях.

Данная тенденция во многом связана с совершенствованием материально-технической базы, применяемой в контрольно-надзорной деятельности. Так, в рамках предпроверочного анализа налоговый орган, используя современные программно-информационные комплексы и аналитические системы (например, «ВНП Отбор», «Досье рисков», «ВНП-процесс», СУР АСК НДС-3), осуществляет анализ данных финансовой и налоговой отчетности налогоплательщиков по ряду параметров (массовый адрес регистрации, низкая налоговая нагрузка, высокая доля вычетов НДС и т.д.). В случае несоответствия установленным параметрам начисляются баллы, которые свидетельствуют о возможных налоговых правонарушениях. По результатам предпроверочного анализа налогоплательщики, которые набрали наибольшее количество баллов, попадают в список объектов для выездной налоговой проверки.

В результате издания приказа от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ и внедрения риск-ориентированного подхода наблюдается тенденция к сокращению количества выездных налоговых проверок. Если в 2015 г. общее число выездных налоговых проверок составило 30 662, то в 2023 г. — 3 973¹. То есть налоговый орган уже до назначения выездной налоговой проверки имеет достаточно информации об операциях налогоплательщика, позволяющих оценить вероятность наличия налоговых правонарушений и объем возможных налоговых последствий.

¹ Данные о количестве выездных налоговых проверок // Аналитический портал ФНС России. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 21.01.2024).

В результате с сокращением числа проверок наблюдается увеличение размера налоговых доначислений на одну проверку (в 2023 г. — 62,6 млн руб.²).

Кроме того, изменился и подход налоговых органов к проведению налогового контроля. Выездная налоговая проверка требует больших трудозатрат и занимает длительное время. С момента назначения выездной налоговой проверки и до вынесения решения и поступления денежных средств в бюджет РФ проходит больше года, что неэффективно с точки зрения процессуальной экономии и собираемости налоговых платежей в бюджет. Поэтому теперь налоговые органы, собрав и проанализировав большой объем информации по налогоплательщику в рамках предпроверочного анализа, еще до назначения выездной налоговой проверки осуществляют точечные мероприятия налогового контроля вне рамок налоговой проверки с целью побудить налогоплательщика к «добровольному» уточнению налоговых обязательств по конкретным сделкам и операциям. Как результат, в 2020–2021 гг. налоговые поступления в бюджет в виде добровольных уточнений по итогам внепроверочных мероприятий налогового контроля превысили налоговые доначисления по результатам выездной налоговой проверки³.

Отметим, что предпроверочный анализ также применяется в контрольно-надзорной деятельности фискальных органов зарубежных стран. Так, Налоговая служба США внедрила риск-ориентированный подход вместо проведения непрерывных проверок всех крупнейших

налогоплательщиков и установила программу «соблюдения законодательства крупными корпорациями». Налоговая служба США путем использования данных из внутренних информационных систем выявляет нарушения налогового законодательства и отбирает крупнейших налогоплательщиков-организаций для проведения проверки⁴.

В настоящий момент предпроверочный анализ не закреплен в НК РФ в качестве формы налогового контроля. В связи с увеличением значимости предпроверочного анализа в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов актуален вопрос о его правовой природе.

Согласно первому подходу предпроверочный анализ представляет собой форму налогового контроля. Представители данной позиции, в том числе А. В. Красюков, Н. А. Козлов, утверждают, что «предпроверочный анализ — это самостоятельная форма наряду с камеральной и выездной налоговой проверкой»⁵, в ходе которой «осуществляется сбор и анализируется информация, которая используется после, в рамках выездной налоговой проверки»⁶. Также некоторые представители данного подхода полагают, что предпроверочный анализ выступает предварительной формой налогового контроля, главная цель которой — установление полноты и своевременности исполнения налоговой обязанности хозяйствующим субъектом за три года, предшествующие году проверки, поскольку особенностью предпроверочного анализа является углубленный анализ финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика⁷.

² Отчет ФНС России о результатах контрольной работы налоговых органов за девять месяцев 2023 г. // URL: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/2023/related_activities/statistics_and_analytics/forms/2nk/2nk011023.xlsx (дата обращения: 21.01.2024).

³ Статистика проведения мероприятий налогового контроля за 1 полугодие 2023 года // URL: <https://www.russiantaxandcustoms.com/news/nalogovoe-administrirovanie-i-spory/statistika-provedeniya-meropriyatiy-nalogovogo-kontrolya-za-1-polugodie-2023-goda/?ysclid=lrwh4b1ll617477962> (дата обращения: 18.01.2024).

⁴ Large Corporate Compliance Program // Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/>.

⁵ Красюков А. В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки // Финансовое право. 2018. № 1. С. 44.

⁶ Козлов Н. А. Защита прав налогоплательщика в ходе налогового контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 260.

⁷ Едророва В. Н., Подoliaкo М. Н. Проблемы Концепции планирования выездных налоговых проверок и пути их решения // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 9.

Согласно второму подходу предпроверочный анализ является инструментом аналитической работы налоговых органов по отбору налогоплательщиков для проведения проверок. На аналитический характер предпроверочного анализа прямо указывается во внутриведомственных актах налоговых органов, в частности в письме ФНС России от 26.12.2019 № ЕД-4-15/26827, в котором предусмотрено, что предпроверочный анализ представляет собой построение аналитических таблиц по показателям налоговых обязательств, налоговой отчетности, результатов налоговых проверок, которые используются в процессе отбора налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок.

В рамках валютного контроля предпроверочный анализ также рассматривается в качестве аналитического инструмента. Так, согласно приказу ФНС России, утвердившему Административный регламент валютного контроля, предпроверочный анализ — административное действие, по результатам которого составляется поручение о проведении проверки либо докладная записка о нецелесообразности проведения проверки в срок, не превышающий 30 рабочих дней с даты получения документов и (или) информации⁸.

Поскольку в науке налогового права до сих пор отсутствует единое понимание правовой природы предпроверочного анализа, важно рассмотреть понятие «формы налогового контроля», а также его разграничение с «мероприятиями налогового контроля».

Г. Г. Нестеров под формой налогового контроля понимает «регламентированный нормами налогового законодательства способ организации, осуществления и формального закрепления результатов мероприятий налогового контроля»⁹.

О. А. Ногина определяет форму налогового контроля как «регламентированный нормами налогового законодательства способ организации, осуществления и формального закрепления результатов мероприятий налогового контроля, представляющих собой единую совокупность действий уполномоченных органов по выполнению конкретной задачи налогового контроля»¹⁰.

Согласно позиции Л. А. Коротковой и Д. Е. Ковалевской, налоговый контроль осуществляется налоговыми органами в следующих формах:

- 1) налоговый учет организаций;
- 2) налоговые проверки;
- 3) налоговый контроль за расходами физических лиц¹¹.

На наш взгляд, «форма налогового контроля» и «мероприятия налогового контроля» не являются равнозначными. Отсутствие разграничения в НК РФ приводит к смешению двух связанных, но не тождественных понятий.

Во-первых, формы налогового контроля обладают самостоятельностью и четкой регламентацией. Конституционный Суд РФ также отмечал, что выявление налоговой задолженности осуществляется в рамках строго регламентированных процедур налогового контроля¹². В то же время мероприятия налогового контроля не обладают такой самостоятельностью и применяются в рамках реализации формы налогового контроля. Об этом, в частности, свидетельствует то, что они не могут подменять собой налоговую проверку. Например, Арбитражный суд г. Москвы в решении от 05.10.2020 по делу № А40-211149/18-115-4949 указал, что мероприятие налогового контроля в виде истребования документов вне рамок проверки не может подменять собой выездную или камеральную налоговые проверки, поскольку пункт 2 ст. 93.1

⁸ Приказ ФНС России от 26.08.2019 № ММВ-7-17/418@ (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ Нестеров Г. Г. Развитие механизмов налогового контроля в системе обеспечения экономической безопасности России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 8–9.

¹⁰ Ногина О. А. Налоговый контроль: вопросы теории : монография. СПб., 2002. С. 115.

¹¹ Короткова Л. А., Ковалевская Д. Е. О правах и обязанностях налогоплательщиков и налоговых органов // Налоговый вестник. 2003. № 6.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2333-О.

НК РФ предоставляет полномочия налоговому органу по истребованию документов только в отношении конкретной сделки и только в случае обоснованной необходимости.

Во-вторых, в рамках формы налогового контроля могут быть применены одновременно несколько мероприятий налогового контроля. Контроль за соблюдением законодательства реализуется налоговыми органами в пределах соответствующих полномочий и мероприятий налогового контроля, установленных НК РФ. Например, в рамках выездной налоговой проверки налоговый орган может назначить экспертизу, провести допрос свидетеля, осмотр помещений, истребовать документы у налогоплательщика и его контрагентов, использовать иные мероприятия, в том числе не указанные в НК РФ. То есть мероприятие налогового контроля является процессуальным и не единственным этапом в ходе осуществления проверки налогоплательщика, направленным на поиск обстоятельств, необходимых для проверки правильности исполнения налоговой обязанности налогоплательщиком. При этом окончание одного из мероприятий не приведет к прекращению выездной проверки.

Необходимо отметить, что цели предпроверочного анализа и налоговых проверок различны. Согласно п. 2 ст. 87 НК РФ целью налоговых проверок является контроль за соблюдением налогоплательщиком, плательщиком сборов, плательщиком страховых взносов или налоговым агентом законодательства о налогах и сборах. То есть налоговые проверки направлены на своевременное установление налоговых правонарушений, в том числе факта неуплаты налога, и в случае их выявления — на применение санкций и осуществление контроля за погашением возникшей налоговой задолженности недобросовестным налогоплательщиком, тогда как целью предпроверочного анализа является отбор налогоплательщиков для назначения и проведения проверки. То есть в отличие от выездной и камеральной налоговой проверки в рамках предпроверочного анализа налоговые органы не осуществляют проверку правильности состав-

ления налоговой отчетности и полноты уплаты налогов. Деятельность сотрудников налоговой службы ограничивается сбором информации, по итогам которого принимается решение о наличии либо об отсутствии оснований для назначения выездной налоговой проверки.

Предпроверочный анализ не может рассматриваться и как предварительная форма контроля. Предварительный контроль осуществляется до начала совершения хозяйственных операций, исчисления и уплаты налогов. К предварительной форме налогового контроля может относиться учет организаций и физических лиц. В рамках предпроверочного этапа анализируются уже совершенные финансовые операции налогоплательщика, отраженные в финансовой и налоговой отчетности.

Таким образом, предпроверочный анализ является мероприятием налогового контроля.

В то же время необходимо отметить, что НК РФ содержит открытый перечень мероприятий налогового контроля. Более того, действующее налоговое законодательство предоставляет налоговому органу широкие полномочия на проведение контрольных мероприятий вне рамок проведения налоговых проверок. Например, в случае обоснованной необходимости налоговый орган вправе направить требования о предоставлении документов (информации) по конкретной сделке. Также для целей проверки соблюдения налогового законодательства предусмотрена возможность вызова налогоплательщика на заседание рабочей комиссии для дачи пояснений. Более того, в правоприменительной практике налогоплательщики могут самостоятельно обратиться в налоговый орган для проведения рабочего совещания по вопросу правильности исчисления и уплаты налога по определенной операции.

Кроме того, суды признают правомерными действия налоговых органов по осуществлению отдельных мероприятий налогового контроля вне рамок выездной либо камеральной проверки, в том числе допросы свидетелей¹³, осмотры территорий¹⁴.

¹³ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 12.12.2022 № А40-6765/2022, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.04.2021 № А02-877/2020.

Из изложенного следует, что внедрение риск-ориентированного подхода привело к созданию новой модели контрольно-надзорной деятельности налоговых органов в виде внепроверочной формы налогового контроля.

С одной стороны, новая форма осуществления налогового контроля имеет преимущества. С точки зрения процессуальной экономии внепроверочная форма является более эффективным способом проведения контрольных мероприятий, т.к. позволяет оперативно осуществить проверку налогоплательщика и установить обстоятельства, свидетельствующие о совершении налогового правонарушения. С другой стороны, отсутствие строгого нормативного закрепления в НК РФ создает ряд проблем в правоприменительной практике. Поэтому целесообразно исследовать вопрос о законности проведения контрольных мероприятий налоговыми органами в рамках внепроверочной формы налогового контроля.

По мнению С. С. Алексеева, «понятие законность характеризует правовую действительность, взятую под углом зрения практического осуществления права, идейно-политических основ правовой системы, ее связи с основополагающими общественно-политическими институтами, с политическим режимом данного общества»¹⁵. Указанный автор отмечал, что принцип законности представляет собой идею о целесообразности и необходимости реально правомерного поведения всех участников общественных отношений, при котором не оставалось бы места для произвола, фактически достигалась всеобщность права, действительная реализация субъективных прав¹⁶.

Как справедливо отмечает Д. Н. Бахрах, понимание принципа законности единственно как строгого соблюдения предписаний законодательных актов и основанных на них предписаний иных правовых актов является односторонним, «закон, юридическая норма должна

соответствовать уровню экономики, организационной зрелости, культуры, морально-этическим нормам. Законность — это прежде всего наличие достаточного количества юридических норм высокого качества, а затем их строгое соблюдение всеми субъектами права»¹⁷.

Следует отметить, что с учетом специфики предмета каждой отрасли реализация принципа законности имеет свое преломление. Поскольку субъекты налоговых правоотношений (налогоплательщик и налоговый орган) не равны в объеме прав и обязанностей, основной задачей законности как принципа налогового права становится обеспечение баланса частных и публичных интересов. Необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях как сфере властной деятельности государства предполагает возможность проверки законности соответствующих решений, принимаемых в ходе контрольно-надзорных мероприятий налоговых органов¹⁸.

Принцип законности в налоговом контроле обеспечивается следующим.

1. Осуществление налогового контроля происходит в соответствующей процессуальной форме.
2. Налоговые органы обязаны осуществлять полномочия в соответствии с НК РФ.
3. Налогоплательщик имеет право на защиту собственных прав и интересов, которое реализуется путем участия в проведении мероприятий налогового контроля, обжалования решений, действий (бездействия) налоговых органов в досудебном и судебном порядке.

В настоящий момент утверждать о нормативном закреплении внепроверочной формы налогового контроля в полной мере нельзя. Отдельные положения НК РФ и правоприменительная практика предоставляют налоговому органу только полномочия по осуществлению контрольных мероприятий. Организационные, процедурные нормы, содержащие правила про-

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.05.2023 № А31-4528/2022.

¹⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. С. 217.

¹⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 219.

¹⁷ Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. М., 2001. С. 601.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 № 70-О.

ведения внепроверочного контроля и определяющие сроки и пределы осуществления внепроверочных мероприятий, а также нормы, разъясняющие права налогоплательщиков, в налоговом законодательстве не закреплены.

Полагаем, что деятельность органов государственной власти в рамках реализации контрольно-надзорных функций должна быть строго регламентирована и не допускать обременения прав, а также быть интегрированной в систему нормативно-правового регулирования. В противном случае отсутствие законодательного закрепления внепроверочной формы налогового контроля может привести к нарушению соблюдения баланса частных и публичных интересов. Об этом также свидетельствует то обстоятельство, что в настоящий момент в рамках внепроверочных мероприятий налогового контроля налогоплательщиками не может быть реализовано право на защиту в полной мере. Так, например, в правоприменительной практике сформулирован вывод, что проведение налоговым органом заседаний комиссии на основании пп. 4 п. 1 ст. 31 НК РФ является мероприятием налогового контроля. В то же время протокол комиссии, вынесенный по итогам внепроверочного мероприятия, носит лишь информационный характер, не обладает ненормативными свойствами и не порождает для налогоплательщика никаких правовых последствий, поэтому не может быть предметом судебного обжалования¹⁹. То есть суды отказывают заявителям по процессуальным основаниям, несмотря на то, что налоговым органом осуществлены контрольные мероприятия в отношении налогоплательщика в рамках внепроверочной формы налогового контроля.

Если требование по п. 2 ст. 93.1 НК РФ оспорить можно в силу четкого указания закона, то итоговое решение (предложения) по добро-

вольному уточнению налоговых обязательств по результатам внепроверочных мероприятий налогового контроля из-за отсутствия четкой регламентации в НК РФ оспорить нельзя.

На необходимость обеспечения права на судебную защиту и состязательности сторон в рамках налогового контроля обращал внимание Конституционный Суд РФ, который указывал, что осуществление органами государственной власти контрольно-надзорных функций требует нормативных оснований, организационных и процедурных правил проведения. В противном случае лицо не имеет реальной возможности для эффективной, в том числе судебной, защиты прав и законных интересов, в отношении оснований, характера и последствий действий и решений контролирующих органов²⁰.

Таким образом, правоприменительная практика исходит из того, что осуществление внепроверочного анализа является мероприятием налогового контроля. Кроме того, внедрение риск-ориентированного подхода, наличие широких полномочий налоговых органов по осуществлению отдельных мероприятий вне рамок проверок и сложившаяся правоприменительная практика привели к созданию внепроверочной формы налогового контроля. Поэтому формирование новой модели проведения налоговыми органами внепроверочных мероприятий налогового контроля требует включения в НК РФ соответствующих положений, которые станут гарантией реализации принципа законности и обеспечения баланса частных и публичных интересов налогоплательщиков. В связи с этим полагаем обоснованным внести дополнения в НК РФ и закрепить положения, устанавливающие 1) порядок осуществления внепроверочного контроля; 2) порядок обжалования акта, вынесенного по итогам процедур внепроверочного контроля.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.11.2021 № А23-9944/2020.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права. — М., 1981.
2. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. — М., 2001.
3. Едророва В. Н., Подолько М. Н. Проблемы Концепции планирования выездных налоговых проверок и пути их решения // Международный бухгалтерский учет. — 2013. — № 9.
4. Козлов Н. А. Защита прав налогоплательщика в ходе налогового контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020.
5. Короткова Л. А., Ковалевская Д. Е. О правах и обязанностях налогоплательщиков и налоговых органов // Налоговый вестник. — 2003. — № 6.
6. Красюков А. В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки // Финансовое право. — 2018. — № 1.
7. Нестеров Г. Г. Развитие механизмов налогового контроля в системе обеспечения экономической безопасности России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — М., 2009.
8. Ногина О. А. Налоговый контроль: вопросы теории : монография. — СПб., 2002.

Материал поступил в редакцию 20 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. — M., 1981.
2. Bakhrakh D. N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik. — M., 2001.
3. Edronova V. N., Podolyako M. N. Problemy Kontseptsii planirovaniya vyezdnykh nalogovykh proverok i puti ikh resheniya // Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uch. — 2013. — № 9.
4. Kozlov N. A. Zashchita prav nalogoplatelshchika v khode nalogovogo kontrolya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2020.
5. Korotkova L. A., Kovalevskaya D. E. O pravakh i obyazannostyakh nalogoplatelshchikov i nalogovykh organov // Nalogovyy vestnik. — 2003. — № 6.
6. Krasnyukov A. V. Predproverochnyy analiz kak novyy vid nalogovoy proverki // Finansovoe pravo. — 2018. — № 1.
7. Nesterov G. G. Razvitie mekhanizmov nalogovogo kontrolya v sisteme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. — M., 2009.
8. Nogina O. A. Nalogovyy kontrol: voprosy teorii: monografiya. — SPb., 2002.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.095-101

В. А. Аносов*

Об определении перечня электронных услуг для целей налога на добавленную стоимость

Аннотация. В статье на примере России и некоторых зарубежных стран рассматриваются способы определения оказываемых иностранными поставщиками услуг в электронной форме, которые подлежат обложению НДС: установление общей дефиниции услуг в электронной форме, закрепление их конкретного перечня, сочетание этих двух вариантов. В работе подробно анализируются применяемые в ряде стран конкретные перечни услуг, относимых к услугам в электронной форме (позитивные перечни), и перечни услуг, исключаемых из числа услуг в электронной форме (негативные перечни). По итогам исследования сделаны выводы о невозможности формирования исчерпывающего перечня услуг в электронной форме (в связи с их разнообразием, стремительным развитием технологий в области электронной торговли, потенциальным увеличением числа налоговых споров, несопоставимостью услуг в электронной форме в разных странах), а также о предпочтительности закрепления в законодательстве общей дефиниции электронных услуг и их открытого индикативного перечня.

Ключевые слова: НДС; налог; налогообложение; электронные услуги; цифровые услуги; услуги в электронной форме; позитивный перечень; негативный перечень; открытый перечень; закрытый перечень; электронная торговля; зарубежные страны.

Для цитирования: Аносов В. А. Об определении перечня электронных услуг для целей налога на добавленную стоимость // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 95–101. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.095-101.

On Determining the List of Electronic Services for Value Added Tax Purposes

Vladimir A. Anosov, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s0159433@edu.msal.ru

Abstract. Examining Russia's experience and the experience of some foreign countries, the paper considers ways to determine the services provided by foreign suppliers in electronic form that are subject to VAT, namely, establishing a common definition of services in electronic form, fixing their specific list, a combination of these two options. The paper analyzes in detail the specific lists of services classified as electronic services (positive lists) and lists of services excluded from the list of services in electronic form (negative lists) used in a number of countries. Based on the results of the study, the author concludes about the impossibility of forming an exhaustive list of services in electronic form (due to their diversity, the rapid development of technologies in the field of electronic commerce, the potential increase in the number of tax disputes, the disparity of services in electronic form in

© Аносов В. А., 2025

* Аносов Владимир Александрович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s0159433@edu.msal.ru

different countries), as well as the preference for consolidating the legislation a common definition of electronic services and their open indicative list.

Keywords: VAT; tax; taxation; electronic services; digital services; e-services; positive list; negative list; open list; closed list; e-commerce; foreign countries.

Cite as: Anosov VA. On Determining the List of Electronic Services for Value Added Tax Purposes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):95-101. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.095-101.

В абзаце 1 п. 1 ст. 174.2 НК РФ приведена общая дефиниция услуг в электронной форме (далее — электронные или цифровые услуги), а следом за ней, в абз. 2–15, перечислены конкретные услуги, признаваемые цифровыми. В силу формулировки, использованной законодателем в последнем предложении абз. 1, их перечень является закрытым¹. Из рассматриваемых положений закона можно сделать вывод, что для признания услуги электронной она должна одновременно соответствовать общему определению и быть поименована в указанном перечне. Также в п. 1 ст. 174.2 НК РФ приведен открытый перечень операций, не относимых к электронным услугам.

В зарубежных странах электронные услуги могут определяться путем 1) установления общей дефиниции, 2) закрепления конкретного

перечня услуг либо 3) сочетания этих двух подходов. Так, Норвегия пошла по первому пути, а Чили — по второму². В ЮАР с 2019 г. введена общая дефиниция электронных услуг, хотя ранее действовал их конкретный перечень³. В ЕС в настоящее время закреплено общее определение электронных услуг, а также имеются перечни услуг, относимых к ним (позитивный перечень) и исключаемых из них (негативный перечень)⁴. Однако позитивный перечень, в отличие от России, не является исчерпывающим и носит примерный (индикативный) характер. Негативный перечень также является открытым. Аналогичный подход применяется в Аргентине⁵.

Услуги, перечисляемые в позитивных перечнях в различных странах, достаточно разнообразны и обычно не группируются каким-либо образом. М. Р. Пинская приводит следующую

¹ Письмо Минфина России от 30.03.2021 № 03-07-08/22913 // СПС «КонсультантПлюс»; Лютова О. И. «На-лог на Google»: актуальные результаты и перспективы // Налоги. 2022. № 5. С. 36–40.

² VAT digital toolkit for Latin America and the Caribbean. Paris : OECD/WBG/CIAT/IDB, 2021. URL: <https://www.oecd.org/tax/consumption/vat-digital-toolkit-for-latin-america-and-the-caribbean.htm> (дата обращения: 14.01.2024). P. 285–286; Brondolo J., Konza M. Administering the Value-Added Tax on Imported Digital Services and Low-Value Imported Goods // International Monetary Fund : an official website. May 21, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/TNM/Issues/2021/05/21/Administering-the-Value-Added-Tax-on-Imported-Digital-Services-and-Low-Value-Imported-Goods-50332> (дата обращения: 21.01.2024). P. 7.

³ Kabwe R., Zyl S. P. van. Value-added tax in the digital economy: a fresh look at the South African dispensation // Obiter. 2021. Vol. 42. No. 3. 2021. URL: <https://obiter.mandela.ac.za/article/view/12899> (дата обращения: 31.03.2024). P. 501.

⁴ Article 7, Annex I, Council Implementing Regulation (EU) No. 282/2011 of 15 March 2011 laying down implementing measures for Directive 2006/112/EC on the common system of value added tax (recast) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02011R0282-20220701> (дата обращения: 19.01.2024); Article 58, Annex II, Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax: with amendments as of 03.06.2022 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02006L0112-20240101> (дата обращения: 14.01.2021).

⁵ Annacondia F., Alarcón L. VAT on Digital Services and B2C Transactions: Experiences in the Latin American and Caribbean Region // International VAT Monitor. July/August 2021. URL: https://www.ibfd.org/sites/default/files/2022-01/Latin%20America_Caribbean%20-%20VAT%20on%20Digital%20Services%20and%20B2C%20Transactions%20Experiences%20in%20the%20Latin%20American%20and%20Caribbean%20Region%20-%20IBFD.pdf (дата обращения: 28.01.2024). P. 190; Mancinelli A. N. Argentina introduces VAT on digital services //

классификацию российских электронных услуг: 1) услуги рекламно-продвиженческого характера (в частности, рекламные услуги и услуги по предоставлению возможностей для установления партнерских отношений между покупателями и продавцами); 2) услуги по работе с информацией в сети Интернет (в частности, предоставление прав на использование программ для ЭВМ, баз данных; хранение и последующая обработка информации, предоставление вычислительной мощности для размещения информации); 3) сопроводительные услуги по работе в сети Интернет (например, услуги присутствия в сети, сопровождение электронных ресурсов, обеспечение доступа к ним, услуги по администрированию информационных систем, предоставление доменных имен)⁶. Из классификации объектов электронной коммерции Д. А. Митина можно вывести следующие виды электронных услуг, имеющих значение с точки зрения НДС: 1) реализацию цифровых (виртуальных) товаров и 2) оказание услуг в цифровом пространстве. Последние он подразделяет на следующие виды: 1) технические цифровые услуги, появление которых стало возможным благодаря цифровым технологиям в сети Интернет (например, услуги хостинга, ведение статистики в сети Интернет); 2) аналогичные физическим цифровые услуги, которые существовали ранее, но в результате развития технологий изменили форму (в частности, удаленный доступ к компьютерным программам, книгам, трансляция

теле- и радиоканалов через сеть Интернет), а также 3) поисковые услуги (услуги поисковых платформ в сети Интернет)⁷.

Большой практический интерес представляет классификация автоматизированных цифровых услуг в Типовой конвенции ООН⁸, в которой выделяются 1) услуги онлайн-рекламы; 2) реализация (supply) пользовательских данных третьим лицам (например, собранной поставщиком информации о привычках своих пользователей, их расходах, местонахождении, интересах); 3) услуги онлайн поисковых систем; 4) услуги посреднических онлайн-платформ (обеспечивающих взаимодействие пользователей для размещения информации о продаже, найме, рекламе, демонстрации и т.п. конкретных товаров, услуг, сгенерированного пользователями контента и других объектов (не включая собственное имущество владельца платформы)); 5) услуги социальных медиаплатформ (обеспечивают взаимодействие между пользователями или получение пользователями доступа к сгенерированному другими пользователями контенту); 6) услуги цифрового контента (автоматизированное предоставление контента в цифровой форме: программного обеспечения, музыки, игр, книг и т.п.); 7) предоставление доступа к онлайн-играм (в рамках которых пользователи взаимодействуют друг с другом в одной игровой среде, услуги включают внутриигровые покупки)⁹; 8) услуги облачных вычислений (стандартизированный сетевой доступ

DLA Piper : a website. September 24, 2018. URL: <https://www.latamlawblog.com/2018/09/argentina-introduces-vat-on-digital-services/#more-4506> (дата обращения: 21.01.2024).

⁶ Налог на добавленную стоимость в секторе электронной коммерции : монография / М. Р. Пинская, Н. С. Милоголов, А. В. Тихонова, Д. А. Митин ; под ред. М. Р. Пинской. М. : Прометей, 2019. С. 61.

⁷ Митин Д. А. Развитие налогового администрирования электронной коммерции в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. М., 2021. С. 20, 21.

⁸ П. 5, 6 ст. 12В Типовой конвенции ООН (United Nations Model Double Taxation Convention Between Developed and Developing Countries 2021. United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2022. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210001007> (дата обращения: 21.01.2024)) ; п. 57–58 комментариев к ст. 12В Типовой конвенции.

В Конвенции рассматриваются автоматизированные цифровые услуги для целей применения прямых налогов. В связи с тем, что их определение и перечень сходны с электронными услугами для целей НДС, Типовая конвенция ООН приводится в рамках настоящей работы.

⁹ В данную категорию не включаются игры для одного игрока (могут быть квалифицированы в качестве услуг цифрового контента) или игры, распространяемые на материальных носителях.

по требованию к IT-ресурсам, включая сервисы SaaS¹⁰, IaaS¹¹, PaaS¹²).

Многообразие существующих электронных услуг в мире может быть проиллюстрировано на примере позитивных перечней России, Аргентины, ЕС, ЮАР¹³. Для удобства сопоставления сходные услуги из разных стран, а также из Типовой конвенции ООН объединены в группы с учетом рассмотренных подходов к классификации электронных услуг.

Услуги посреднических платформ. В эту группу могут быть включены аналогичные услуги, указанные в Типовой конвенции ООН. Из услуг, поименованных в позитивных перечнях Аргентины, ЮАР и ЕС, к ним относятся услуги онлайн-магазинов (т.е. предоставление возможности размещать информацию о товарах и услугах на интернет-сайтах). При этом в ЕС уточняется, что стороны сделки уведомляются о ее совершении электронным письмом. В России также имеются сходные услуги двух видов, которые могут быть отнесены к данной группе: размещение информации о реализации и приобретении товаров и услуг либо других объектов прав в сети Интернет, а также предоставление возможностей для заключения сделок (в частности, предоставление торговой площадки, действующей в автоматизированном режиме с уведомлением сторон о совершении сделки автоматическим электронным сообщением). Сюда же следует включить аукционные услуги, предусмотренные в Аргентине и ЮАР.

Компьютерные услуги. В эту группу можно отнести часть услуг облачных вычислений (стандартизированный сетевой доступ по требованию к IT-ресурсам, включая сервисы IaaS, PaaS, услуги хранения, миграции, сетевые услуги, веб-хостинг) и услуги онлайн поисковых систем по Типовой конвенции ООН (предоставление доступа к поисковым системам или поисковых технологий для внедрения на веб-сайтах). Из услуг, выделяемых в Аргентине и ЕС, к рассматриваемой категории относится поставка веб-сайтов и их хостинг, а

в России — предоставление доменных имен. Хостинг веб-сайтов также имеется в России и ЮАР. Кроме того, сюда включаются удаленное автоматическое администрирование (Россия, Аргентина, ЕС) и автоматическая техническая поддержка (Аргентина, ЕС, ЮАР), обработка и (или) хранение данных (во всех рассматриваемых странах). В России также выделяется предоставление вычислительной мощности, позволяющей разместить данные в информационной системе. Представляется, что в данную группу можно включить и услуги по обеспечению присутствия в сети Интернет, ведению статистики на веб-сайтах, а также использованию инструментов поиска в сети Интернет (Россия, ЕС).

Предоставление цифровых товаров и информации. В рамках данной категории могут быть выделены следующие подгруппы.

1. Предоставление программного обеспечения.

Из Типовой конвенции ООН в данную подгруппу включается часть услуг облачных вычислений (а именно предоставление программного обеспечения по модели SaaS), а также предоставление программного обеспечения в рамках услуг цифрового контента. Рассматриваемые услуги выделяются во всех анализируемых странах. При этом в некоторых из них прямо упоминаются удаленный доступ к программному обеспечению (Россия), доступ к программному обеспечению (ЕС) или модель SaaS (Аргентина). Также отдельно выделяют обновления программного обеспечения (Россия, Аргентина, ЕС). Необходимо обратить внимание на то, что в ЮАР в качестве примера электронных услуг упоминаются приложения, загружаемые на мобильные устройства, а также предназначенные для оказания услуг совместного потребления (например, услуги такси и наем жилья). Представляется, что в эту же группу могут быть отнесены услуги по загрузке драйверов, установке фильтров или файрволов на веб-сайтах (ЕС).

2. Предоставление иных цифровых товаров и информации.

¹⁰ SaaS — Software as a Service (программное обеспечение как услуга).

¹¹ IaaS — Infrastructure as a Service (инфраструктура как услуга).

¹² PaaS — Platform as a Service (платформа как услуга).

¹³ Value-Added Tax. Frequently Asked Questions. Supplies of Electronic Services / Legal Counsel // South African Revenue Service : an official website. URL: <https://www.sars.gov.za/types-of-tax/value-added-tax/> (дата обращения: 20.01.2024). P. 11.

Из Типовой конвенции ООН к данной группе может быть отнесена часть услуг цифрового контента (кроме предоставления программного обеспечения, но включая предоставление баз данных и компьютерных игр¹⁴, вне зависимости от того, распространяется ли такой контент путем потоковой передачи данных, предоставления доступа или возможности загрузки, предоставляется ли он разово, на определенный период или на постоянной основе¹⁵), а также предоставление доступа к онлайн-играм. Предоставление цифровых товаров в виде компьютерных игр, электронных игр, музыки, изображений, аудиовизуального контента и т.п. встречается во всех анализируемых странах. Из электронных услуг в ЮАР в эту группу можно включить предоставление тем рабочего стола (выделены и в ЕС), скринсейверов¹⁶, а также трансляции в режиме реального времени (live streaming performance). Также в эту группу следует отнести услуги в ЕС по предоставлению онлайн-новостей, информации о дорожном движении и прогноза погоды, автоматической генерации информации в ответ на ввод данных потребителем (например, обновляемые в реальном времени биржевые сводки); прием радио- и телепрограмм (в том числе распространяемых через радио- или телевизионные сети), если пользователь имеет возможность выбрать конкретный момент программы для прослушивания или просмотра. Из услуг, перечисленных в НК РФ, в рассматриваемую группу входят автоматизированные услуги по поиску данных, их отбору и сортировке (те же сводки фондовой биржи и автоматизированный перевод в режиме реального времени).

Услуги социальных медиаплатформ. К данной группе прежде всего следует отнести аналогичные услуги из Типовой конвенции ООН (например, услуги социальных сетей, микроблогов, сайтов знакомств, платформ для онлайн-звонков и передачи сообщений). Из услуг, упоминаемых в отдельных странах, в эту группу включаются услуги веб-блогов (ЮАР, ЕС, Аргентина),

онлайн-клубов и сайтов знакомств (Аргентина), а также доступ к социальным сетям (ЮАР). В России подобные услуги не выделяются.

Автоматические услуги. В России, Аргентине и ЕС выделяются услуги, оказываемые компьютерной техникой автоматически¹⁷. В России и ЕС при этом отмечается, что такие услуги предоставляются в ответ на данные, вводимые пользователем (покупателем).

Рекламные услуги. Согласно Типовой конвенции ООН данные услуги включают размещение рекламных объявлений, в том числе на устройствах Интернета вещей, мониторинг рекламы и ее эффективности. Рекламные услуги выделяются в позитивных перечнях во всех анализируемых странах. При этом обособленно отмечается предоставление рекламного пространства (Россия, ЕС), в том числе рекламных баннеров (ЕС).

Услуги по обучению. Данные услуги упоминаются во всех странах, кроме России. Услуги по дистанционному обучению рассматриваются в качестве электронных, если участие человека в их оказании ограничено и если сеть Интернет не является лишь средством коммуникации между преподавателем и обучающимся (ЕС). К таким услугам относятся вебкасты, курсы и вебинары, за исключением образовательных услуг, регулируемых на основании законодательства властями в стране экспорта (ЮАР). Также в эту группу можно включить тесты или задания, выполняемые или проверяемые автоматизированно (Аргентина); рабочие тетради, которые заполняются онлайн и проверяются без участия человека (ЕС).

Предоставление пользовательских данных. Эти услуги выделяются только в Типовой конвенции ООН. Они отсутствуют в позитивных перечнях отдельных стран.

Иные услуги. В эту группу включаются специфические услуги, не вошедшие в другие группы и выделяемые только в конкретных странах. Например, в России — это поиск и предоставление информации о потенциальных покупателях, а в ЮАР — онлайн-услуги по бронированию и внутригрупповые услуги (если не соблюдаются

¹⁴ Игры могут быть отнесены и к предоставлению программного обеспечения.

¹⁵ П. 58(f) комментариев к ст. 12В Типовой конвенции ООН.

¹⁶ Если они не представляют собой программное обеспечение.

¹⁷ В случае автоматических услуг человек полностью устраняется из процесса их оказания. В случае автоматизированных услуг участие человека в той или иной степени сохраняется.

условия для освобождения от НДС). В ЕС имеются услуги по предоставлению пакетов интернет-услуг (включают услуги доступа к сети Интернет и иные, например доступ к контент-страницам с новостями или прогнозом погоды, онлайн-дебатам).

По итогам анализа позитивных перечней электронных услуг в различных странах можно сделать следующие выводы. С одной стороны, в данных перечнях основные группы электронных услуг примерно совпадают. С другой стороны, в каждой стране выделены специфические электронные услуги, что связано, видимо, с особенностями коммерческой деятельности и практикой правоприменения. Так, наиболее обширный позитивный перечень предусмотрен в ЕС: он содержит множество услуг, прямо не поименованных в других странах (в частности, предоставление информации о дорожном движении, прием радио- и телепрограмм, транслируемых через радио- или телевизионную сеть). В ЮАР среди таких услуг предоставление программного обеспечения для оказания услуг совместного потребления, внутригрупповые услуги (если не применяется освобождение от НДС). Также необходимо отметить отнесение в ЮАР к электронным некоторым финансовым услугам, таких как быстрые денежные переводы¹⁸. В России выделены, например, услуги по предоставлению доменных имен, по поиску информации о потенциальных покупателях. При этом в ЮАР и Аргентине не указываются услуги по обеспечению присутствия в сети, а в России — по обучению.

Негативный перечень в ЕС включает услуги, которые оказываются не в сети Интернет (например, услуги юристов и специалистов по финансам, консультирующих по электронной почте, ремонт компьютерного оборудования офлайн, рекламные услуги в газетах и на телевидении), поставку материальных объектов (товаров, заказываемых онлайн; материальных носителей информации или цифровых товаров на материальных носителях). Кроме того, из числа электронных услуг в ЕС исключены телекоммуникационные и широковещательные услуги, онлайн-бронирование билетов на культурные, спортивные, научные и тому подобные меро-

приятия, проводимые офлайн, а также онлайн-бронирование жилья, автомобилей и ряд других услуг. В ЮАР из числа электронных исключаются отдельные финансовые услуги, телекоммуникационные услуги, онлайн-реализация материальных товаров, неавтоматизированные услуги поддержки по телефону, те же юридические консультации или подготовка архитектурных чертежей, которые направляются заказчику по электронной почте. Отдельно нужно отметить, что по внутригрупповым услугам предоставляется освобождение от НДС, если локальная компания — покупатель услуг является их потребителем¹⁹.

Таким образом, можно констатировать значительное разнообразие конкретных видов электронных услуг в мире и, пожалуй, невозможность формирования их единого исчерпывающего перечня. Точно так же можно найти бесчисленное количество примеров услуг, исключаемых из числа электронных. Кроме того, технологии в области электронной торговли стремительно развиваются, а значит, единожды определенный перечень услуг, признаваемых электронными, будет требовать постоянного пересмотра. Необходимо отметить, что в случае закрепления в законодательстве конкретного перечня электронных услуг налогоплательщики и налоговые органы будут вынуждены проводить детальный технический анализ каждой оказываемой электронной услуги, что очевидно может привести к увеличению числа споров между ними (особенно если локальное законодательство интерпретируется иностранными лицами). Наконец, нужно учитывать и неизбежную несопоставимость перечней электронных услуг в разных странах, что может повлечь их двойное обложение либо, напротив, необложение НДС.

Исходя из изложенного, с целью совершенствования порядка определения подлежащих обложению НДС электронных услуг целесообразно отойти в НК РФ от ограничения их общей дефиниции какими-либо конкретными видами услуг и относить к цифровым любые услуги, соответствующие общему определению. При этом также логично наряду с общей дефиницией услуг в электронной форме сохранить индикативные позитивный и негативный перечни.

¹⁸ Value-Added Tax. P. 21.

¹⁹ Value-Added Tax. P. 8, 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лютова О. И. «Налог на Google»: актуальные результаты и перспективы // *Налоги*. — 2022. — № 5. — С. 36–40.
2. Митин Д. А. Развитие налогового администрирования электронной коммерции в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. — М., 2021. — 220 с.
3. Налог на добавленную стоимость в секторе электронной коммерции : монография / М. Р. Пинская, Н. С. Милоголов, А. В. Тихонова, Д. А. Митин ; под ред. М. Р. Пинской. — М. : Прометей, 2019. — 280 с.
4. *Annacondia F., Alarcón L.* VAT on Digital Services and B2C Transactions: Experiences in the Latin American and Caribbean Region // *International VAT Monitor*. — July/August, 2021. — URL: https://www.ibfd.org/sites/default/files/2022-01/Latin%20America_Caribbean%20-%20VAT%20on%20Digital%20Services%20and%20B2C%20Transactions%20Experiences%20in%20the%20Latin%20American%20and%20Caribbean%20Region%20-%20IBFD.pdf (дата обращения: 28.01.2024).
5. *Brondolo J., Konza M.* Administering the Value-Added Tax on Imported Digital Services and Low-Value Imported Goods // *International Monetary Fund : an official website*. — May 21, 2021. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/TNM/Issues/2021/05/21/Administering-the-Value-Added-Tax-on-Imported-Digital-Services-and-Low-Value-Imported-Goods-50332> (дата обращения: 21.01.2024).
6. *Kabwe R., Zyl S.P. van.* Value-added tax in the digital economy: a fresh look at the South African dispensation // *Obiter*. — 2021. — Vol. 42. — No. 3. — P. 499–528. — URL: <https://obiter.mandela.ac.za/article/view/12899> (дата обращения: 31.03.2024).
7. *Mancinelli A. N.* Argentina introduces VAT on digital services // *DLA Piper : a website*. — September 24, 2018. — URL: <https://www.latamlawblog.com/2018/09/argentina-introduces-vat-on-digital-services/#more-4506> (дата обращения: 21.01.2024).

Материал поступил в редакцию 3 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Lyutova O. I. «Nalog na Google»: aktualnye rezultaty i perspektivy // *Nalogi*. — 2022. — № 5. — S. 36–40.
2. Mitin D. A. Razvitie nalogovogo administrirovaniya elektronnoy kommertsii v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.10. — M., 2021. — 220 s.
3. Nalog na dobavlennoyuyu stoimost v sektore elektronnoy kommertsii: monografiya / M. R. Pinskaya, N. S. Milogolov, A. V. Tikhonova, D. A. Mitin; pod red. M. R. Pinskoy. — M.: Prometey, 2019. — 280 s.
4. *Annacondia F., Alarcón L.* VAT on Digital Services and B2C Transactions: Experiences in the Latin American and Caribbean Region // *International VAT Monitor*. — July/August, 2021. — URL: https://www.ibfd.org/sites/default/files/2022-01/Latin%20America_Caribbean%20-%20VAT%20on%20Digital%20Services%20and%20B2C%20Transactions%20Experiences%20in%20the%20Latin%20American%20and%20Caribbean%20Region%20-%20IBFD.pdf (data obrashcheniya: 28.01.2024).
5. *Brondolo J., Konza M.* Administering the Value-Added Tax on Imported Digital Services and Low-Value Imported Goods // *International Monetary Fund: an official website*. — May 21, 2021. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/TNM/Issues/2021/05/21/Administering-the-Value-Added-Tax-on-Imported-Digital-Services-and-Low-Value-Imported-Goods-50332> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
6. *Kabwe R., Zyl S.P. van.* Value-added tax in the digital economy: a fresh look at the South African dispensation // *Obiter*. — 2021. — Vol. 42. — No. 3. — P. 499–528. — URL: <https://obiter.mandela.ac.za/article/view/12899> (data obrashcheniya: 31.03.2024).
7. *Mancinelli A. N.* Argentina introduces VAT on digital services // *DLA Piper: a website*. — September 24, 2018. — URL: <https://www.latamlawblog.com/2018/09/argentina-introduces-vat-on-digital-services/#more-4506> (data obrashcheniya: 21.01.2024).

Правовые аспекты обеспечения и возмещения расходов на достойные похороны, проведение ритуалов и соблюдение обычаев, связанных со смертью

Аннотация. В статье проводится анализ правовых норм и теоретических источников, определяющих понятие «достойные похороны». Автор обращает внимание на то, что «достойные похороны» — это многогранная оценочная категория. Критерии оценки «достойности» похорон зависят не столько от стоимости расходов на их проведение, социального статуса и материального положения, которые занимал умерший при жизни, сколько от различных социальных, религиозных, этических, психологических и других факторов, не имеющих денежного выражения. Гражданин может при жизни выразить волю относительно того, как должны пройти его похороны, и (или) выделить определенную сумму денег на них, которая должна быть исключена из наследственной массы. По мнению автора, для целей обеспечения реализации выраженной гражданином при жизни воли и сохранности выделенных им на свои похороны денежных средств необходимо использовать возможности нотариата, в частности нотариальное оформление распоряжения гражданина о проведении его похорон (как самостоятельный документ) и депозит нотариуса.

Ключевые слова: достойные похороны; достойное отношение к телу лица после его смерти; погребение; расходы на погребение (похороны); выражение воли гражданина о его похоронах; депозит нотариуса.

Для цитирования: Новопашина У. С. Правовые аспекты обеспечения и возмещения расходов на достойные похороны, проведение ритуалов и соблюдение обычаев, связанных со смертью // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 102–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.102-113.

© Новопашина У. С., 2025

* Новопашина Ульяна Семеновна, член исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, преподаватель юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель директора НОЦ «Центр нотариального права “Путь к закону”» юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, нотариус города Москвы
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Российская Федерация, 11999
mail@novopashina.ru

Legal Aspects of Enforcing and Reimbursing the Costs of Dignified Funerals, Rituals and Observance of Customs Related to Death

Ulyana S. Novopashina, Member of the Executive Committee, Moscow Branch, Association of Lawyers of Russia; Lecturer, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Deputy Director, «Path to the Law» Center for Notarial Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Notary of Moscow, Moscow, Russian Federation
mail@novopashina.ru

Abstract. The paper analyzes the legal norms and theoretical sources that define the concept of «a decent burial». The author draws attention to the fact that a decent burial is a multifaceted evaluation category. The criteria for assessing the «decency» of a burial depend not so much on the costs, social status and financial situation that the deceased had during his lifetime, but on various social, religious, ethical, psychological and other factors that have no monetary expression. During his lifetime, an individual can express his will regarding how his burial should be held, and (or) allocate a certain amount of money for the ritual that should be excluded from the hereditary estate. According to the author, in order to ensure the enforcement of the will expressed by an individual during his lifetime and to ensure the safety of the funds allocated by him for his burial, it is necessary to use the options provided for by a notary, in particular, notarization of an individual's order to hold his burial (as an independent document) and a notary's deposit.

Keywords: decent burial; dignified treatment of the body of the individual after his death; interment; burial expenses; expressing an individual's will for his burial; notary deposit.

Cite as: Novopashina US. Legal Aspects of Enforcing and Reimbursing the Costs of Dignified Funerals, Rituals and Observance of Customs Related to Death. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):102-113. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.102-113.

Человек, как и всё живое, однажды рождается и однажды умирает. И это последнее событие, как правило, связано с похоронами умершего. Исключение составляют случаи смерти человека при обстоятельствах, при которых тело не найдено или не может быть найдено (гибель при сейсмических, вулканических и метеорологических катастрофах, гибель в концлагерях и т.п.). При этом, несмотря на то что тело умершего так или иначе окажется в земле или воде, говорить о похоронах не приходится.

Похороны — это определенная церемония, связанная с погребением (захоронением) тела умершего человека, нередко сопровождающаяся обрядами и ритуалами, которые веками складывались у разных народов, в различных культурах и религиях.

Как одна из составляющих общественной жизни, похороны имеют важное значение и, соответственно, подлежат в определенной мере правовому регулированию.

Однако до настоящего времени вопросы о том, что понимается под похоронами (1), какие похороны следует считать «достойными» (2) и кто должен определять, какие похороны будут «достойными» в отношении конкретного человека (3), в полной мере законодателем не решены.

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

1. Понятие «похороны». Основным нормативным правовым актом, регулирующим правоотношения, связанные с похоронами, является Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»¹ (далее — Закон о погребении), в котором, однако, понятие «похороны» не содержится, а употребляется понятие «погребение».

Согласно ст. 3 Закона о погребении *погребение* определяется как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями, традициями, не противоречащими санитарным и иным

¹ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

требованиям, путем предания тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду).

Стоит отметить, что захоронение в воду применяется только в отношении военнослужащих-моряков. По общему правилу тела погибших (умерших) на корабле должны быть погребены на берегу, только при невозможности соблюдения этого правила тела предаются морю (тело зашивается в парусину, к ногам прикрепляется груз). О погребении в море, широте, долготе места погребения делается запись в вахтенном журнале. В мирное время погребение в море погибших (умерших) военнослужащих производится с разрешения командующего флотом (п. 891–892 Корабельного устава ВМФ²).

Понятия «похороны» и «погребение» имеют разные значения. Если похороны — это ритуал, обряд погребения, то само погребение — это действие по помещению тела умершего в определенное место («последнее пристанище»), будь то место в земле, склепе, специальной стене, воде. Погребение происходит на похоронах, поэтому похороны — понятие более широкое, чем погребение.

Похороны представляют собой не просто церемонию — религиозную или светскую, — а церемонию проводов умершего человека, прощания с ним, которая может сопровождаться собранием семьи, друзей («поминки»), а также общественным мероприятием в честь умершего³.

В настоящее время определение понятия «похороны» в Законе о погребении, в других

законах (в том числе в ГК РФ) и подзаконных нормативных правовых актах не приводится, оно приводится в ряде национальных стандартов (ГОСТов).

Например, в соответствии с п. 3.1 утвержденного для добровольного применения национального стандарта РФ ГОСТ Р 54611-2011 «Услуги бытовые. Услуги по организации и проведению похорон. Общие требования»⁴ *похоронами признается церемония включающая в себя подготовку к прощанию, обряд прощания, захоронение останков или урны с прахом и поминовение после захоронения.*

Там же приводится и классификация похорон (п. 4.1). По обрядовому признаку (по похоронному ритуалу) похороны подразделяются: на общегражданские похороны с включением элементов государственных, военных, религиозных обрядов; гражданские похороны без включения военных элементов, религиозных обрядов; воинские похороны; похороны по государственному протоколу; похороны по деловому протоколу; похороны по религиозному обряду (православному, католическому, мусульманскому, иудейскому и т.д.). В зависимости от обстоятельств смерти похороны проводят индивидуально для каждого умершего или одновременно для группы умерших.

Как указано выше, понятия «похороны» и «погребение» используются и в ГК РФ, но лишь применительно к возмещению расходов на их проведение.

Так, в ст. 1174 ГК РФ содержатся нормы о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, расходов на охрану наследства и

² Корабельный устав Военно-Морского Флота (утв. Указом Президента РФ от 31.07.2022 № 511) // СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5698.

³ Истории известны случаи, когда общественные мероприятия, связанные с похоронами умершего, проводились не только в его честь, но и для других целей, например для пропаганды. Так, во время Гражданской войны в России похороны революционеров, проходившие в соответствии с негласным канонем «красных» похорон, включали в себя гражданскую панихиду, которая представляла собой траурный митинг с рассказами о подвигах этого человека во имя Революции. См., например: Соколова А. Похоронные обряды до революции, после нее и сейчас: как и зачем мы всё это делаем // URL: https://pikabu.ru/story/pokhoronnyie_obryadyi_do_revolyutsii_posle_nee_i_seychas_kak_i_zachem_myi_vse_yeto_delaem_8730695?ysclid=lox2vqcqkw577367251 (дата обращения: 19.06.2024).

⁴ Утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 08.12.2011 № 746-ст // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902366185?marker> (дата обращения: 19.06.2024).

управления им⁵. В состав таких расходов входят и расходы на *достойные похороны* наследодателя, включая необходимые расходы на оплату места погребения. Для осуществления расходов на *достойные похороны* наследодателя могут быть использованы любые принадлежавшие ему денежные средства, в том числе находящиеся во вкладах или на счетах в банках.

Получить денежные средства, необходимые для *похорон* наследодателя, можно в любое время при предъявлении документов, подтверждающих такие расходы. В соответствии со ст. 69 Основ законодательства РФ о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1⁶) нотариус по месту открытия наследства до принятия наследства наследниками, а если оно не принято, то до выдачи государству свидетельства о праве на наследство, дает распоряжение об оплате за счет наследственного имущества расходов *на его похороны, на обустройство места захоронения*. Таким образом, для реализации права на возмещение расходов необходимо обратиться к нотариусу, который ведет наследственное дело.

Однако *размер средств, выдаваемых банком на похороны* наследнику или указанному в постановлении нотариуса лицу, *которые исключаются из наследственной массы*, на настоящий момент не может превышать 100 тыс. руб.

Но можно ли «достойные похороны» организовать на указанную в ст. 1174 ГК РФ сумму?

И сводится ли в принципе понятие «достойные похороны» к некой финансовой составляющей?

2. «Достойные похороны». В толковых словарях понятие «достойный» трактуется как «заслуживающий, стоящий», «вполне соответствующий, справедливый», «уважаемый, почтенный»⁷.

Можно ли, исходя из перечисленных значений слова «достойный», критерием понятия «достойные похороны» считать стоимость похорон? Означает ли это, что достойные похороны — это *дорогие* похороны?

Св. Августин⁸ говорил, что «обряд похорон, *пышность* проводов — всё это скорее утешение живых, чем помощь умершим». Появление и расцвет дорогих, роскошных похоронных ритуалов в Европе связаны с эпохой Возрождения, во время которой появилась возможность продемонстрировать богатство и положение в обществе (за счет дорогостоящей похоронной церемонии, специальной одежды, дорогих памятников и склепов, поминальных обедов и др.). Постепенно пришла мода на черную траурную одежду, стали складываться протоколы похорон определенной категории граждан (высших лиц государства, аристократов и др.), а мечта простого люда сводилась к тому, чтобы их похороны могли соперничать с похоронами более состоятельных людей или даже с похоронами в высшем обществе⁹. В XX–XXI вв. роскошные похороны в Европе и США стали чуть ли не нормой жизни¹⁰.

⁵ Стоит отметить, что разные обстоятельства смерти диктуют различные условия и обязанности разных лиц по несению затрат на погребение. Гражданский кодекс РФ содержит две статьи, которые относятся к разным его разделам, но регулируют один вопрос — распределение расходов, связанных с похоронами и погребением умершего (ст. 1174 — при наследовании, ст. 1094 — при причинении вреда). Так, в случае причинения вреда, лица, ответственные за вред, вызванный смертью потерпевшего, обязаны возместить необходимые расходы на погребение лицу, понесшему эти расходы (ст. 1094 ГК РФ). Когда же речь идет о наследовании, то расходы касаются похорон (ст. 1174 ГК РФ).

⁶ URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003670?section=status>.

⁷ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. Т. 1. М., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/05/us178406.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 19.06.2024).

⁸ Аврелий Августин Иппонийский (13 ноября 354 — 28 августа 430), также известный как Блаженный Августин, — богослов, философ и епископ Гипона Царского в Нумилии, римской провинции в Северной Африке.

⁹ История похоронного ритуала в Европе // URL: <https://musei-smerti.ru/istoriya-pohoronnogo-rituala-v-evrope/> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁰ Например, на похороны Майкла Джексона был потрачен 1 млн долл., Маргарет Тэтчер — 1,8 млн долл., сэра Уинстона Черчилля — 4,2 млн долл., принцессы Дианы — 11,8 млн долл., Папы Иоанна Павла II —

В России практика роскошных похорон развивалась не так стремительно, как в Европе, а в советский период истории страны дорогие похороны близких были доступны лишь небольшой категории граждан, и только в 90-е гг. XX в. появилась «мода» на роскошные памятники в полный рост из дорогих материалов, гробы из красного дерева или дорогих металлов и др.

Можно ли считать, что «достойные похороны» — это очень дорогие похороны?

По нашему мнению, «достойные похороны», конечно же, стоят денег, но в то же время «достойные похороны» — это все-таки не помпезные похороны с демонстрацией финансовых возможностей умершего и близких ему людей (*иначе придется сделать вывод, что все остальные похороны не являются «достойными»*).

Однако в научной литературе можно встретить и иную точку зрения. Так, например, по мнению Л. И. Кулицкой, «действующее законодательство в содержание понятия “достойные похороны” вкладывает смысл “дорогие похороны”. “Дорогие” — с точки зрения их стоимости»¹¹.

Но может ли указанная в ст. 1174 ГК РФ сумма (100 тыс. руб.) служить материальным критерием для отнесения похорон к категории «достойных»? По нашему мнению, нет, так как данная сумма может оказаться слишком малой для конкретных похорон, а может быть и завышена.

Может быть «достойность похорон» определяется их сопровождением *особыми* поче-

стями, подчеркивающими социальный статус умершего?

Например, во всех странах мира с особыми почестями и в соответствии с *особым государственным протоколом* проводят похороны главы государства или царствующей особы, чтобы подчеркнуть не только траур и уважение к ушедшему, но и непрерывность власти и институтов государства, его стабильность.

В таких случаях объявляется национальный траур, склоняются знамена, приспускаются флаги. По правилам похоронного обряда на крышку гроба помещают форменный головной убор, орденские ленты и другие регалии; гроб покрывают государственным флагом; исполняется государственный гимн; гроб с покойным транспортируется на артиллерийском лафете, похороны сопровождаются почетным караулом, эскортом; производится орудийный салют¹².

С особыми почестями хоронят и военнослужащих. Причем традиция хоронить воинов с особыми почестями своими корнями уходит в глубокую древность. Чтобы подчеркнуть высокий статус воинов, их хоронили в драгоценных доспехах, в окружении оружия, предметов роскоши. Да и в настоящее время погребение погибшего (умершего) военнослужащего совершается в парадной военной форме в соответствии с его воинским званием (лишь при желании близких родственников — в гражданской одежде)¹³.

Кроме того, похороны военнослужащих сопровождаются почетным эскортом, почетным

11,9 млн долл., Джона Кеннеди — 15 млн долл., Ким Чен Ира — 40 млн долл., Рональда Рейгана — 400 млн долл. См.: Городская служба по вопросам похоронного дела (г. Москва) // URL: <https://ritual.ru/poleznaya-informacia/articles/10-samykh-dorogikh-pokhoron-v-istorii/> (дата обращения: 20.06.2024).

¹¹ Кулицкая Л. И. Сколько стоят «достойные похороны»? Проблемы правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 6. С. 41–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skolko-stoyat-dostoinnye-pohorony-problemy-pravovogo-regulirovaniya?ysclid=loyqc5elff144606550> (дата обращения: 20.06.2024).

¹² Особенности похорон, государственный протокол // URL: <https://mosritservice.ru/stati/osobennosti-pokhoron-gosudarstvennyy-protokol/> (дата обращения: 20.06.2024).

¹³ Приказ Министра обороны РФ от 12.04.2023 № 210 «Об определении Порядка погребения погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, граждан, уволенных с военной службы, ветеранов военной службы, участников и инвалидов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, оплаты услуг по погребению, а также изготовления и установки надгробных сооружений (надгробий)» // URL: <http://>

караулом у гроба, военным оркестром. Для перевозки гроба с телом покойного выделяется автомобиль, а в особых случаях — лафет орудия; крышка гроба укрывается полотнищем Государственного флага РФ; на крышке гроба прикрепляется головной убор, а при погребении офицеров (мичманов) ВМФ, кроме того, скрещенные кортик и ножны. Перед опусканием гроба производится салют тремя залпами холостыми патронами, в отдельных случаях по особому указанию может производиться артиллерийский салют¹⁴. С первым залпом салюта военный оркестр начинает исполнять гимн «Коль славен...», написанный в 1794 г. композитором Д. Бортнянским на стихи М. Хераскова¹⁵.

В отдельных случаях с воинскими почестями могут быть похоронены видные политические деятели, деятели науки и культуры¹⁶.

Конечно, определенных *особых* почестей могут быть удостоены не только лидеры государств и военнослужащие, но и политические, религиозные деятели, знаменитые ученые, внесшие большой вклад в науку, другие лица.

Но не будет ли это означать, что скромные похороны рабочего или инженера, о смерти которых не будет объявлено на всю страну и весь мир, не будут «достойными»?

Ответ однозначный: отсутствие особых почестей во время похорон вовсе не означает, что они не «достойные».

3. Воля умершего как критерий «достойных похорон». Есть еще один критерий определения понятия «достойные похороны» — это *воля самого умершего* на случай его похорон,

выраженная им при жизни, или воля его родственников и иных близких лиц.

В соответствии со ст. 5 Закона о погребении лицо может выразить в *устной (!)* форме в присутствии свидетелей или в письменной форме *волеизъявление* о достойном отношении к его телу после смерти, месте погребения, обычаях, традициях, распорядиться о кремации. Можно дать указание о доверии исполнить данное волеизъявление тому или иному лицу.

Следует обратить особое внимание на возможность устной формы волеизъявления. При этом очевидно, что в таких случаях могут возникать серьезные разногласия между лицами, которые по-разному поняли волю умершего, и доказательств, чья информация актуальнее и вернее, получить практически невозможно.

В связи с этим особо хотелось бы подчеркнуть *приоритет волеизъявления умершего, выраженного в письменной форме в завещании*.

Статья 1119 ГК РФ о свободе завещания позволяет включить в него не только распоряжения в отношении имущества наследодателя, но и иные распоряжения, в число которых может входить и выражение воли лица о его похоронах (как о самом погребении, так и о похоронах в целом).

Поэтому именно завещание должно быть основным доказательством воли умершего, выраженной им при жизни, в отношении порядка проведения его похорон¹⁷.

В настоящее время под завещанием, как правило, понимается документ, составленный гражданином в установленной законом форме,

publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304270015?ysclid=loysimcsxscy348987456 (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁴ Устав гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495) // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. I). Ст. 5749.

¹⁵ «Коль славен наш Господь в Сионе» // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коль_славен_наш_Господь_в_Сионе (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁶ Например, 8 апреля 2023 г. на Новодевичьем кладбище в Москве с воинскими почестями был похоронен лидер ЛДПР В. В. Жириновский как имевший звание полковника запаса.

¹⁷ Проблемой является тот факт, что доступ к тексту завещания, как правило, возможен только после смерти лица, составившего такое распоряжение, когда процесс похорон, как правило, уже завершен; поэтому воля, выраженная лицом в завещании, может быть не исполнена. Можно говорить о необходимости включать в такие распоряжения указания об исполнителях завещания (душеприказчиках) и привлекать их в момент составления завещания для того, чтобы эти лица знали о назначении их душеприказчиками

в котором он дает распоряжения о своем имуществе на случай смерти.

Однако так было не всегда. Например, в дореволюционный период истории России не менее важной была и духовная составляющая. Обдумывая свои последние слова, наши предки старались оставить в завещаниях часть своей души. Возможно, именно поэтому к слову «завещание» было принято добавлять слово «духовное». В завещаниях давались распоряжения не только в отношении имущества и места погребения, но и в отношении правил, которым должны были следовать потомки согласно воле завещателя.

Например, императрица Екатерина II Алексеевна в своем завещании указала следующее: «Буде я умру в Царском Селе, то положить меня на Софийском городском кладбище. Буде в городе святого Петра — в Невском монастыре в соборной или погребальной церкви. Буде в Пелле, то перевезти водой в Невской монастырь. Буде в Москве — в Донском монастыре или на ближнем городском кладбище. Буде в Петергофе — в Троицко-Сергеевской пустыне. Буде в ином месте — на ближнем кладбище. Носить гроб кавалергардам, а не иному кому. Положить тело мое в белой одежде, на голове венец золотой, на котором означить имя мое. Носить траур полгода, а не более, а что менее того, то лучше. После первых шести недель рас-

крыть паки все народные увеселения. По погребении разрешить венчание, — брак и музыку»¹⁸.

Одновременно императрица написала «нравственное завещание» для будущих поколений: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не веряясь им без разбора, отыскивайте истинное достоинство, хоть оно было на краю света... Никогда не позволяйте льстецам осаждать вас: давайте почувствовать, что вы не любите ни похвал, ни низостей. Оказывайте доверие лишь тем, кто имеет мужество при случае вам поперечить и кто предпочитает ваше доброе имя вашей милости. Будьте мягки, человеколюбивы, доступны, сострадательны и щедры...»¹⁹.

На основании этого важно еще раз подчеркнуть, что в настоящий момент *именно* в завещании можно определить волю лица на достойные похороны.

Судебная практика применительно к вопросу о «достойных похоронах» также, как правило, исходит из того, что главным ориентиром должна служить *воля умершего*, а социальный статус и материальное положение умершего определяющими для решения вопроса о его достойных похоронах не являются²⁰.

Во многих судебных решениях утверждается, что «ни действующее гражданское законодательство, ни законодательство о погребении и похоронном деле не определяют критерии определения *достойных* похорон, в связи с чем

и дали свое согласие на это. Согласие лица быть исполнителем завещания выражается в его собственноручной надписи на завещании, а если исполнителем завещания назначается юридическое лицо — в собственноручной надписи лица, которое в силу закона вправе действовать от имени такого юридического лица без доверенности, либо в заявлении, приложенном к завещанию, либо в заявлении, поданном нотариусу в течение месяца со дня открытия наследства (ст. 1134 ГК РФ). Однако наследодатель вправе указать конкретных лиц в качестве душеприказчиков и без их извещения. В таком случае такие исполнители завещания могут узнать о воле завещателя назначить их душеприказчиками, как и о воле завещателя на организацию его похорон, гораздо позже погребения тела или его кремации. Именно так и происходит в большинстве случаев, поскольку завещатели при жизни, как правило, не сообщают близким и родным о такого рода волеизъявлениях, сделанных в завещаниях.

¹⁸ Гусляров Е. Когда я умру... Десять завещаний, в которых авторы пытались оставить часть своей души // URL: <https://rodina-history.ru/2016/07/28/rodina-zaveshchaniya.html> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁹ Гусляров Е. Указ. соч.

²⁰ См., например: решение Устиновского районного суда г. Ижевска Удмурдской Республики от 16.05.2017 по делу № 2-832/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/285407.html?ysclid=lox32lnxt7901622044> (дата обращения: 10.11.2023).

решение этого вопроса входит в компетенцию лиц, осуществляющих похороны, с учетом их отношения к умершему, а также с учетом отношения близких к памяти об умершем»²¹.

В научной литературе при рассмотрении вопроса о «достойности похорон» чаще всего обращается внимание именно на волю самого умершего, выраженную им при жизни, или волю тех лиц, которые организуют похороны.

Так, по мнению А. В. Поликарпова, «достойные похороны — это погребение умершего в соответствии с его последней волей. Если же он не сообщил заранее о том, каким образом должен быть погребен, то достойными похоронами следует считать похороны, проведенные по обычаям народа, к которому относится усопший, и согласно вероисповеданию покойного»²².

Как указывает Л. И. Кулицкая, «достойные похороны — это такие похороны, которые соответствуют представлениям живого человека, его пожеланиям, выраженным им при жизни, относительно размера расходов, которые будут произведены при захоронении умершего и потреблении ритуальных услуг, а также это сам перечень ритуальных услуг и порядок их предоставления. И конечно, в зависимости от различных обстоятельств — пола, расы, возраста, вероисповедания, имущественного, социального положения лица, а также в зависимости от иных обстоятельств понимание “достойных похорон” у разных людей будет разным. Различным будет вид и перечень желаемых ритуальных услуг»²³.

Такой же позиции придерживаются и практики.

Например, по мнению консультантов одной ритуальной компании, термин «достойность» означает «внутреннее отношение лица, взявшего на себя обязанности по погребению, и участников похорон к процессу похорон, соразмерное чувству исполненного морального или внутреннего долга перед умершим. Рублями не измеряется»²⁴.

Действительно, воля лица должна превалировать над всеми остальными критериями «достойных похорон».

Стоит отметить, что выражение такой воли сейчас достаточно распространено в Европе. Так, папа римский Франциск публично заявил, что после его смерти принятый ритуал похорон главы Римско-католической церкви изменится, похороны не станут уже такими пышными, как ранее, и что он хотел бы обычное прощание, «достойное простого христианина», и погребение в папской базилике Санта-Мария-Маджоре²⁵.

Как в Европе, так и в России стала распространяться практика не только детального планирования похорон, но и их репетиции.

В любом случае важно понимать, что все люди имеют разный достаток, разный социальный статус, разные профессии и т.п.

Человек на момент смерти может, например, находиться в сложной жизненной ситуации или отбывать уголовное наказание.

В соответствии с приказом Минюста от 23.06.2005 № 93 «Об утверждении Инструкции о порядке погребения лиц, умерших в период отбывания уголовного наказания и содержа-

²¹ См., например: апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 10.06.2015 № 33-19033/15 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/423362825?ysclid=loy85ul78l750570056> (дата обращения: 13.11.2015); апелляционное определение СК по гражданским делам Волгоградского областного суда от 30.03.2016 № 33-4594/2016 // URL: <https://base.garant.ru/141313867/> (дата обращения: 13.11.2023); апелляционное определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 25.08.2016 № 33-10738/2016 // URL: <https://base.garant.ru/143587816/> (дата обращения: 13.11.2023).

²² Поликарпов А. В. Возмещение расходов на похороны // URL: <https://els24.com/article/107-vozmeshchenie-raskhodov-na-pokhorony/?ysclid=loyg5qq26w509809292> (дата обращения: 19.06.2024).

²³ Кулицкая Л. И. Указ. соч.

²⁴ URL: <https://prof-ritual.ru/vopros-otvet/dajte-kommentarij-termina-dostojnye-pohorony-iz-st-1174-gk-rf/?ysclid=loyhe2in4v91466360> (дата обращения: 13.11.2023).

²⁵ Как пройдут похороны Папы Римского // URL: <https://www.5-tv.ru/news/476005/eto-budet-poslednij-raz-papa-rimskij-rasskazal-kak-projdut-ego-pohorony/> (дата обращения: 20.06.2024).

ния под стражей в учреждениях ФСИН России»²⁶ погребение таких лиц осуществляется с *учетом их волеизъявления* (п. 4). Если тело такого умершего не будет востребовано, то погребение будет осуществлять администрация учреждения, в котором он находился в момент смерти, за счет средств, выделенных по смете территориальным органам ФСИН России на содержание специального контингента, на местных кладбищах в специально отведенном месте (п. 9–11). На месте погребения устанавливается табличка с фамилией, именем, отчеством, датой рождения и смерти (п. 12).

Кроме того, Закон о погребении устанавливает гарантии погребения лиц, не имеющих родственников либо законных представителей, умерших на улице и на дому и т.п. В таких случаях погребение осуществляется на специально определенных участках общественных кладбищ (ст. 12).

Регулируется и погребение лиц, смерть которых наступила в результате пресечения их террористической акции (ст. 14.1 Закона о погребении). Погребение осуществляется в порядке, определенном постановлением Правительства РФ от 20.03.2003 № 164 «Об утверждении Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта»²⁷. Тела таких лиц для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что *«достойные похороны» — это похороны, при которых погребение, а также соответствующие ритуалы и обряды совершаются с уважением по отношению к телу умершего, а также соблюдены его воля и распоряжения на случай похорон, выраженные им при жизни, если такое волеизъявление было им сделано.*

4. Расходы на достойные похороны как часть наследства. «Стандарты» и воля наследодателя. «Право» на достойные похороны и его реализация. Кроме того, важно рассмотреть вопрос, какими правовыми средствами

можно не только гарантировать организацию реально достойных, *отвечающих воле лица* похорон и обеспечить достойные похороны, а также вопрос, как обеспечить использование наследниками или другими лицами обособленной гражданином при жизни денежной суммы именно на его похороны, а не на какие-либо иные цели.

Как было замечено ранее, свобода завещания (ст. 1119 ГК РФ) предоставляет завещателю возможность не только распорядиться своим имуществом, но и включить в завещание любые иные распоряжения. Одним из таких распоряжений является завещательное возложение (ст. 1139 ГК РФ).

Завещатель может в завещании возложить на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону обязанность совершить какое-либо действие имущественного или неимущественного характера, в том числе *действие по погребению наследодателя в соответствии с его волей*. Конечно, такая обязанность может быть возложена на *исполнителя завещания (душеприказчика)* (ст. 1134 ГК РФ) при условии выделения в завещании части наследственного имущества для исполнения завещательного возложения, причем исполнителем завещания может быть гражданин (независимо от того, является ли он наследником) или юридическое лицо.

Такой инструмент действительно позволяет выделить некую сумму денег, которая будет выдана определенному лицу на конкретные (определенные в завещании) действия по погребению. Но когда получит эти деньги указанное в завещании лицо? И всегда ли оно может реально выполнить определенные в завещании действия?

Действительно, исполнение некоторых действий по погребению наследодателя в соответствии с его волей объективно возможно не всегда. Например, исполнение волеизъявления гражданина о погребении на конкретном месте рядом с ранее умершими гарантируется только при наличии на указанном месте погребения

²⁶ Российская газета. 2005. 19 июля. № 155.

²⁷ Российская газета. 2003. 25 марта. № 55.

свободного участка земли или могилы ранее умершего близкого родственника либо ранее умершего супруга, иногда требуется значительная оплата за место погребения и т.п. В иных случаях возможность исполнения волеизъявления умершего о погребении его тела или праха на указанном им месте погребения определяется специализированной службой по вопросам похоронного дела, с учетом места смерти, наличия на указанном им месте погребения свободного участка земли, а также с учетом заслуг умершего перед обществом и государством и т.д.

И, как отмечалось ранее, законом гарантируется выдача наследникам, душеприказчику или иным лицам, понесшим расходы на похороны гражданина, до истечения шестимесячного срока только 100 тыс. руб. со счета умершего. Однако такая сумма не гарантирует возмещения всех расходов, связанных не только с похоронами, но и даже с погребением. Особого срока для выдачи указанной в завещательном возложении суммы нет, и ее можно будет получить только по истечении общего срока оформления наследственных прав.

Так за счет чьих средств будет исполняться воля умершего завещателя? Лицо, указанное как получатель средств по завещательному распоряжению, может не иметь или быть не готовым вносить свои средства и потом обращаться к наследникам с требованием их выплаты (возмещения). Да и сама выплата возможна только в случае, если денежные средства будут у наследодателя на момент смерти. И при этом мы еще не рассматриваем вопрос об требованиях обязательных наследников на имущество²⁸.

Если же предположить, что для обеспечения достойных похорон допустимо использовать нормы, определяющие возможность передачи денежных средств посредством завещательного отказа в соответствии со ст. 1137 ГК РФ, то, кроме указанных аналогичных вопросов, связанных с применением завещательного

возложения (сроки, условия и т.д.), в данном случае возникают и вопросы о цели использования таких средств. Нет никакой гарантии, что лицо, которое будет указано как лицо, имеющее право на получение завещательного отказа, действительно выполнит волю завещателя, так как распоряжение о завещательном отказе и о действиях по погребению вообще не будут юридически связаны.

Таким образом, приходим к выводу: несмотря на то что гражданин может сам накопить и определить, какую сумму следует потратить на его похороны, и выделить (обособить) ее, указав это в завещательном возложении, а также определить порядок действий по погребению в завещании, на сегодняшний момент законодатель не дает, по сути, никакой возможности реализовать предусмотренное законом право на действительно достойные похороны и исполнить заявленную при жизни волю умершего.

В связи с этим считаем, что необходимо внести в законодательство изменение, согласно которому если гражданин оставил письменное распоряжение о том, какую сумму следует потратить на его похороны, то именно эта сумма, а не 100 тыс. руб. должна исключаться из наследственной массы и подлежать выдаче лицам, указанным в определяющем такой процесс документе, в любое время с момента смерти.

Причем, по нашему мнению, целесообразно ввести в практику оформление специальных распоряжений на случай смерти, которые являлись бы самостоятельным документом, — **распоряжений по похоронам** (далее также — распоряжение).

Такие распоряжения, на наш взгляд, должны содержать положения о месте захоронения, способе погребения, определять обрядовые действия по захоронению тела (останков) составителя распоряжения после его смерти в соответствии с обычаями и традициями.

Например, важными могут являться указания в отношении соблюдения религиозных обрядов

²⁸ В соответствии с п. 2 ст. 1149 ГК РФ при недостаточности незавещанной части имущества право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из той части имущества, которая завещана. И вопрос про исключение из объектов таких требований части наследства, определенной в завещательном возложении, законодателем не решен.

(православных, католических, мусульманских, иудейских и т.д.). Соответствующие распоряжения (о необходимости организации собрания членов семьи и друзей («поминки»), проведения общественных мероприятий в честь умершего; об установке памятника и (или) оградки, памятной доски) также могут предусматривать осуществление иных связанных со смертью действий.

В таком документе необходимо определять размер денежных средств, обеспечивающих материальную составляющую таких распоряжений, а также указывать лиц, которые такие распоряжения должны совершить и (или) контролировать их совершение.

По нашему мнению, такие лица — **распорядители похорон** — должны не просто быть заявлены в соответствующих распоряжениях, а участвовать в их составлении. Они должны давать согласие на то, чтобы их исполнять в случае смерти составителя распоряжения. Разумно предусмотреть и подназначение дополнительного лица (распорядителя похорон). При этом в распоряжении важно указывать не только данные такого лица, позволяющие установить личность, но и информацию для оперативной связи с ним (телефон, адреса в социальных сетях, электронную почту и т.п.)

А в целях учета таких распоряжений, соответственно, необходимо ввести такую же систему, как и в отношении завещаний, т.е. такие распоряжения должны вноситься в отдельную базу, которая была бы доступна не только нотариусам, но и сотрудникам ритуальных служб и иных организаций.

При констатации факта смерти доступ к системе таких распоряжений должны иметь похоронные службы в обязательном порядке, *но исключительно* для констатации факта наличия таких распоряжений. Оформление таких распоряжений может быть организовано в особом нотариальном порядке: доступ нотариуса к базе распоряжений по похоронам может быть осуществлен на основании свидетельства о смерти, представленного любым лицом, получившим такой документ в установленном порядке и принявшим на себя организацию похорон. В случае отсутствия в распоряжении по похоронам сведений о таком лице как распорядителе похорон

нотариус уведомляет указанное в распоряжении лицо самостоятельно и незамедлительно для осуществления действий по организации похорон и материальном обеспечении такого процесса.

Что касается финансовой составляющей, то это наиболее сложный вопрос, требующий дополнительной специальной проработки (расчетов), так как у каждого лица свой уровень благосостояния, возможностей и понимания расходов, в том числе и на достойные похороны. У любого лица есть право (возможность) заработать любую сумму, а значит, и право ее расходовать на себя, не оставляя ни рубля наследникам. Но тут возникает сложный вопрос с обязательными наследниками и супружеской долей, кредиторами. И на него сложно ответить однозначно.

Но, думается, что в данном случае можно воспользоваться таким инструментом, как депозит нотариуса, так как принятие на депозит только личных средств депонента исключает в дальнейшем вопрос о супружеской доле, а выделение из наследственной массы распоряжением по похоронам, сделанным при жизни распорядителя, определенной суммы исключает и вопрос об обязательной доле (доле обязательных наследников).

Такой подход, считаем, не должен подвергнуться серьезной критике, так как в практике уже были и до сих пор есть примеры, когда денежные суммы, размещенные в ПАО «Сбербанк», были исключены из состава наследства при жизни наследодателя путем размещения этих сумм на счетах в Сбербанке до 2002 г. и оформления завещательного распоряжения. Такие средства и на сегодняшний день не входят в состав наследства умершего и не наследуются, а передаются в особом порядке лицам, определенным в завещательном распоряжении, составленном исключительно в этом банке.

Нотариус в данном случае выступит гарантом всего процесса организации и материального обеспечения похорон, а деньги выдаст именно тому лицу, которое определил сам завещатель, и выдаст незамедлительно.

Конечно, не исключен риск присвоения денег, расходования не в соответствии с распоряжением. Но выбор лица — воля того, кто такое

распоряжение дает, и его право ошибиться или быть обманутым.

Однако такое обособление средств позволит избежать или снизить количество споров и разногласий между наследниками по поводу

распределения расходов на похороны наследодателя. При этом нотариат может выступить надежным гарантом того, что воля наследодателя, выраженная в завещании и распоряжении по похоронам, будет исполнена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гусляров Е. Когда я умру... Десять завещаний, в которых авторы пытались оставить часть своей души // URL: <https://rodina-history.ru/2016/07/28/rodina-zaveshchaniya.html> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Кулицкая Л. И. Сколько стоят «достойные похороны»? Проблемы правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 6. С. 41–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skolko-stoyat-dostoinnye-pohorony-problemy-pravovogo-regulirovaniya?ysclid=loyqc5elff144606550> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Поликарпов А. В. Возмещение расходов на похороны // URL: <https://els24.com/article/107-vozmeshchenie-raskhodov-na-pokhorony?ysclid=loyg5qq26w509809292> (дата обращения: 19.06.2024).
4. Соколова А. Похоронные обряды до революции, после нее и сейчас: как и зачем мы всё это делаем // URL: https://pikabu.ru/story/pokhoronnyie-obryadyi-do-revolyutsii-posle-nee-i-seychas-kak-i-zachem-myi-vse-yeto-delaem_8730695?ysclid=lox2vqczkw577367251 (дата обращения: 19.06.2024).

Материал поступил в редакцию 20 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Guslyarov E. Kogda ya umru... Desyat zaveshchaniy, v kotorykh avtory pytalis ostavit chast svoey dushi // URL: <https://rodina-history.ru/2016/07/28/rodina-zaveshchaniya.html> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
2. Kulitskaya L. I. Skolko stoyat «dostoinnye pokhorony»? Problemy pravovogo regulirovaniya // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2015. № 6. S. 41–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skolko-stoyat-dostoinnye-pohorony-problemy-pravovogo-regulirovaniya?ysclid=loyqc5elff144606550> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
3. Polikarpov A. V. Vozmeshchenie raskhodov na pokhorony // URL: <https://els24.com/article/107-vozmeshchenie-raskhodov-na-pokhorony?ysclid=loyg5qq26w509809292> (data obrashcheniya: 19.06.2024).
4. Sokolova A. Pokhoronnyie obryady do revolyutsii, posle nee i seychas: kak i zachem my vse eto delaem // URL: https://pikabu.ru/story/pokhoronnyie-obryadyi-do-revolyutsii-posle-nee-i-seychas-kak-i-zachem-myi-vse-yeto-delaem_8730695?ysclid=lox2vqczkw577367251 (data obrashcheniya: 19.06.2024).

С. В. Зимнева*,
М. Ф. Лукьяненко**

О возможности применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ к мировому соглашению: «двойное» освобождение от ответственности или обеспечение баланса интересов сторон

Аннотация. В статье анализируется возможность применения к мировому соглашению, утвержденному арбитражным судом, ст. 333 ГК РФ. Мировое соглашение может выступать как процессуальный способ реализации права стороны договора на освобождение контрагента от ответственности и одновременно содержать меры ответственности на случай нарушения его условий. С учетом сделочной природы мирового соглашения включение в него условия об уплате неустойки за нарушение сроков графика платежей является обоснованным. Анализ судебной практики по вопросу применения ст. 333 ГК РФ к нарушению стороной условий мирового соглашения указывает на ее разнородность. Отмечается различие взглядов в научной литературе на норму ст. 333 ГК РФ, позволяющей суду снизить размер неустойки. Применение к уже заключенному мировому соглашению, содержащему освобождение от ответственности должника за нарушение сроков оплаты поставленного товара, выполненных работ или оказанных услуг, ст. 333 ГК РФ о снижении неустойки позволило авторам сделать вывод о «двойном» освобождении от ответственности. Мировое соглашение — это согласованное волеизъявление его сторон, поэтому у арбитражного суда нет права фактически изменять условия мирового соглашения. Условия мирового соглашения могут быть изменены лишь по результатам обжалования того судебного акта, которым оно было утверждено.

Ключевые слова: мировое соглашение; неустойка; сделка; освобождение от ответственности; баланс интересов сторон; гражданско-правовая ответственность; примирительные процедуры; судебный акт; волеизъявление; свобода договора.

Для цитирования: Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф. О возможности применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ к мировому соглашению: «двойное» освобождение от ответственности или обеспечение баланса интересов сторон // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 114–123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.114-123.

© Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф., 2025

* Зимнева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета
Володарского ул., д. 6, г. Тюмень, Российская Федерация, 625003
swk1@yandex.ru

** Лукьяненко Марина Федоровна, доктор юридических наук, профессор, судья Арбитражного суда Западно-Сибирского округа
Ленина ул., д. 74, г. Тюмень, Российская Федерация, 625000
diplom7@mail.ru

On the Possibility of Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a Settlement Agreement: «Double» Exemption from Liability or Ensuring a Balance of Interests of the Parties

Svetlana V. Zimneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation
swk1@yandex.ru

Marina F. Lukyanenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Commercial (Arbitrazh Procedure) Court, West Siberian District, Tyumen, Russian Federation
diplom7@mail.ru

Abstract. The article analyzes the possibility of application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a settlement agreement approved by a commercial (arbitrazh procedure) court. A settlement agreement may act as a procedural method of implementing the right of a party to an agreement to exempt the counterparty from liability and at the same time contains liability measures in the event of a violation of its terms. Taking into account the transactional nature of the settlement agreement, the inclusion of a condition on the payment of a penalty for failure to comply with the payment schedule is justified. An analysis of judicial practice on application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a party's violation of the terms of a settlement agreement indicates its heterogeneity. There is a difference of opinion in the scientific literature on the norm of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, which allows the court to reduce the amount of the penalty. The application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation on the reduction of penalties to an already concluded settlement agreement, which contained an exemption from liability of the debtor for failure to pay on time for delivered goods, completed work or rendered services, allowed the authors to conclude that there was a «double» exemption from liability. A settlement agreement is an agreed expression of the will of its parties; therefore, the commercial (arbitrazh procedure) court does not have the right to actually change the terms of the settlement agreement. The terms of the settlement agreement may be changed only as a result of an appeal of the judicial act by which it was approved.

Keywords: settlement agreement; penalty; transaction; exemption from liability; balance of interests of the parties; civil liability; conciliation procedures; judicial act; expression of will; freedom of contract.

Cite as: Zimneva SV, Lukyanenko MF. On the Possibility of Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a Settlement Agreement: «Double» Exemption from Liability or Ensuring a Balance of Interests of the Parties. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):114-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.114-123.

Мировое соглашение в экономических спорах — это один из способов разрешения спора и урегулирования конфликта между сторонами. Оно позволяет сторонам сохранить деловые отношения и избежать длительных и затратных судебных разбирательств. Отметим, что показатели количества заключенных мировых соглашений между сторонами как примирительной процедуры в судах не снижаются, а увеличиваются. По данным Агентства правовой информации, число

заключенных мировых соглашений по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в 2020 г. составило 28 023, в 2021 г. — 29 684, в 2022 г. — 30 547¹.

По всей видимости, актуальность такого способа мирного урегулирования спора обусловлена рядом преимуществ, прежде всего экономией средств по несению судебных расходов, времени, которое могло бы потребоваться на проведение судебного разбирательства. Кроме того, у сторон имеется возможность сохранения

¹ Судебная статистика РФ // URL: <https://stat.ани-нпсcc.рф/stats/arb/t/41/s/1> (дата обращения: 25.06.2024).

деловых отношений, так как заключение мирового соглашения позволяет сторонам избежать негативного влияния судебного процесса на их взаимоотношения. Важным аспектом является то, что мировое соглашение предоставляет сторонам право самостоятельно по договоренности определить условия урегулирования спора, что может быть более выгодным для них, чем решение, принятое судом. В целом заключение мирового соглашения в арбитражном процессе — не только актуальный, но и эффективный способ разрешения спора, ориентированный на интересы сторон и призванный обеспечить баланс интересов кредитора и должника.

Добавим также, что заключение мирового соглашения бизнес-партнерами реализует общеизвестный принцип свободы договора. В условиях рыночной экономики субъекты предпринимательства свободны в выборе своих партнеров, условий сотрудничества, могут устанавливать условия договора по своему усмотрению, главное, чтобы они не противоречили законодательству и не нарушали права и интересы третьих лиц. Как правило, в мировое соглашение включаются условия о порядке, сроках исполнения обязательств сторонами, о компенсации убытков или расходов. Следовательно, стороны могут заключить гражданско-правовую сделку с условием освобождения от ответственности, причем на любом этапе судебного разбирательства.

Отметим, что под освобождением от гражданско-правовой ответственности понимается ненаступление ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств². Освобождение от ответственности представляет собой гражданско-правовой ин-

ститут, где кредитор не применяет к нарушителю такие меры гражданско-правовой ответственности, как взыскание убытков, неустойка, компенсация морального вреда и другие, которые, как известно, направлены на восстановление нарушенных прав и возмещение ущерба, а также на предупреждение подобных нарушений в будущем. Таким образом, мировое соглашение может выступать как процессуальный способ реализации права стороны договора на освобождение контрагента от ответственности. Данный вывод подтверждает анализ судебной практики, где суды утверждали мировые соглашения, содержащие условия об освобождении должника от уплаты неустойки³, процентов за пользование чужими денежными средствами⁴.

Показательно, что в мировое соглашение, содержащее условие об освобождении от ответственности должника, стороны, как правило, включают условие о том, что в случае невыполнения условий мирового соглашения полностью или в части должник обязан уплатить неустойку в согласованном сторонами размере, в частности за нарушение сроков графика платежей.

Мировое соглашение в современной науке рассматривается как соглашение, имеющее двойственную природу: материальную и процессуальную⁵. Это означает, что соглашение одновременно является процедурой для урегулирования спора и окончательным соглашением между сторонами, устанавливающим порядок его разрешения. Впрочем, ранее в юридической литературе относительно правовой природы мирового соглашения высказывались различные суждения. Одни ученые рассматривали его материальную природу, указывая на перво-

² Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф. Освобождение от ответственности участников государственных закупок: баланс интересов сторон // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 128.

³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 28.05.2020 по делу № А40-22088/20-85-163 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.05.2020 по делу № А56-3724/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Рожкова М. А. Мировое соглашение в арбитражном суде // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 9. С. 105.

гражданско-правовой сделки⁶. Другие исследователи, наоборот, ключевым моментом считали процессуальное действие в мировом соглашении⁷. Следует согласиться с М. А. Рожковой, что мировое соглашение представляет собой некий сплав гражданско-правовой сделки и процессуальных действий, предусмотренных законом⁸, при этом только утвержденное судом мировое соглашение создает правовые последствия.

Поддерживая данную правовую позицию, отметим, что прежде всего мировое соглашение — это сделка. Как одна из фундаментальных категорий в гражданском праве, сделка является основанием для возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. В процессуальной сфере сделка в большинстве случаев выступает предметом судебной деятельности при рассмотрении возникшего из нее спора⁹.

Следует отметить, что как заключение, так и содержание мирового соглашения зависит от воли сторон, при этом волеизъявление отражает внутреннюю волю сторон сделки. Воля каждой стороны мирового соглашения выражается в согласовании условий и направлена на прекращение спора. По справедливому мнению Д. Б. Абушенко, «сонаправленные волеизъявления» сторон присущи мировому соглашению¹⁰.

Заметим, что, согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 № 50¹¹, мировое соглашение является сделкой, следовательно, к нему подлежат применению не только нормы гражданского права о договорах, но и нормы процессуального права. Таким образом, внесена ясность в отношении существовавшей ранее научной дискуссии о правовой природе мирового соглашения: материальной или процессуальной.

С учетом сделочной природы мирового соглашения, из вышеизложенного следует вывод о том, что включение в него неустойки на случай неисполнения согласованных условий представляется обоснованным. Хотя в свое время возникал вопрос о возможности включения в мировое соглашение неустойки за его неисполнение. В некоторых работах установление ответственности за нарушение условий мирового соглашения признавалось недопустимым ввиду того, что исполнение мирового соглашения уже обеспечивается государственным принуждением¹². Были и другие исследования, где рассматривалась возможность включения в мировое соглашение условий о применении мер гражданско-правовой ответственности¹³, в том числе как следствие реализации принципа свободы договора¹⁴.

⁶ Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 147.

⁷ Пешкова О. А. Мировое соглашение как правовая категория // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 72.

⁸ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 105.

⁹ Михайлова Е. В. Указ. соч. С. 145.

¹⁰ Абушенко Д. Б. Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 95.

¹¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

¹² Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под общ. ред. М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. С. 520.

¹³ Кочергин К. В. Ответственность за неисполнение условий мирового соглашения // Исполнительное право. 2015. № 1. С. 13.

¹⁴ Завидовская Е. С. Процессуальные пределы свободы заключения мирового соглашения в арбитражном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 1. С. 79.

Практика подтвердила правильность позиции, согласно которой устанавливаемая сторонами мирового соглашения ответственность за его неисполнение в виде неустойки возможна. В пункте 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7¹⁵ констатируется, что если должник не исполняет денежное обязательство, предусмотренное утвержденным судом мировым соглашением, то это является основанием для применения установленной в нем неустойки.

Подписанное мировое соглашение, как сделка, передается на проверку суду, который дает оценку заключенной между сторонами сделки: соответствует ли она закону, не нарушаются ли интересы третьих лиц. Понятие и условия заключения мирового соглашения закреплены в гл. 15 АПК РФ, регулирующей примирительные процедуры. При этом арбитражный суд может только предложить сторонам спора исключить из мирового соглашения те условия, которые противоречат закону или нарушают права других лиц, не меняя и не исключая другие условия, согласованные сторонами (ч. 8 ст. 141 АПК РФ).

Следует согласиться с воззрением Т. М. Яблочкова на мировое соглашение как на акт, заново определяющий правовое положение сторон по отношению друг к другу¹⁶.

С момента утверждения мирового соглашения судом оно влечет для сторон правовые последствия, соответственно, если должник не исполняет условия соглашения, у кредитора возникает право на привлечение его к ответственности, в том числе на взыскание установленного в нем размера неустойки. Логично предположить, что, предусматривая в мировом соглашении размер неустойки за его неисполнение, сто-

роны осознают, что неустойка является мерой ответственности и будет применена в случае нарушения условий соглашения. В литературе верно отмечается, что правопорядок отводит неустойке роль не только гарантии исполнения обязательства, но и упрощенной компенсации потерь кредитора¹⁷.

Попутно укажем на неоднозначность вопроса о том, можно ли взыскать неустойку, предусмотренную мировым соглашением, путем обращения в суд с самостоятельным иском либо такая неустойка подлежит взысканию в рамках принудительного исполнения. Судебная практика по данной категории дел является неоднородной. Одни суды исходят из того, что неустойка, предусмотренная мировым соглашением, подлежит взысканию без предъявления самостоятельного иска, поскольку суд лишь ретранслирует текст мирового соглашения в исполнительный лист, а судебный пристав в рамках исполнительного производства определяет сумму долга и взыскивает неустойку в случае просрочки его уплаты¹⁸. Другая позиция состоит в том, что сторона мирового соглашения вправе предъявить требование о взыскании неустойки путем подачи самостоятельного иска¹⁹.

Нередки случаи, когда должник при взыскании с него в судебном порядке неустойки в рамках искового производства заявляет ходатайство о применении ст. 333 ГК РФ и просит снизить размер неустойки, ссылаясь в его обоснование на какие-то обстоятельства. В связи с этим представляет интерес вопрос о возможности снижения размера неустойки за несвоевременное исполнение должником условия мирового соглашения, как правило, по уплате долга, размер которой не только согласован

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

¹⁶ Яблочков Т. М. Суд правый, милостивый (К. Р. 15 октября 1914 г., д. Волощенко) // Юридический вестник. Кн. 10 (2). С. 223.

¹⁷ Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. М. : Статут, 2020. С. 172.

¹⁸ Постановление АС Северо-Западного округа от 21.09.2017 по делу № А56-53405/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23.08.2010 по делу № А56-11874/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

сторонами мирового соглашения, но и утвержден судом.

Заметим, что судебная практика по вопросу о применении ст. 333 ГК РФ к нарушению стороной условий мирового соглашения не отличается единообразием. В одних случаях суды положительно решают данный вопрос и не видят препятствий для ее применения, установив, что неустойка чрезмерна и не соответствует последствиям нарушения обязательства²⁰. В других случаях суды указывают на невозможность применения ст. 333 ГК РФ, обосновывая свою позицию тем, что мировое соглашение утверждено судом, соответственно, размер неустойки не подлежит изменению²¹.

Сама статья 333 ГК РФ о праве суда на снижение размера неустойки вызвала споры среди ученых.

Большинство исследователей отмечают, что неустойка, включая в себя некий карательный элемент, в то же время не должна являться средством получения формального юридически оправданного, но экономически необоснованного обогащения²². Применение положений ст. 333 ГК РФ одни ученые связывают со злоупотреблением одной из сторон обязательства своей сильной переговорной позицией, соответственно, применение ст. 333 ГК РФ рассматривают через призму несправедливого условия²³, другие полагают, что снижение неустойки есть защитный механизм от получения необоснованной выгоды²⁴ либо частный случай отказа судом в защите принадлежащего кредитору права в определенной части²⁵.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 даны разъяснения касательно

уменьшения неустойки (ст. 333 ГК РФ) в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства. Главное правило, которое должен учитывать суд: стороны договора не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения.

С учетом того, что, заключая мировое соглашение, должник уже, как правило, освобождается от ответственности за нарушение сроков оплаты по договору, дополнительное снижение судом размера неустойки за неисполнение должником условий мирового соглашения позволяет говорить о «двойном» освобождении от ответственности, пусть не полностью, но в части.

Представляется, что установление сторонами неустойки в мировом соглашении за его неисполнение соответствует предположению сторон соглашения о том, что из-за нарушения обязательства одной стороной у другой стороны могут возникнуть негативные последствия. При этом размер неустойки стороны определяют по своему усмотрению, руководствуясь опытом, экономической ситуацией, предположением имущественных потерь, которые могут возникнуть в связи с неисполнением контрагентом обязательства, в частности по оплате долга в согласованные сторонами мирового соглашения сроки.

Напомним, что задачей судопроизводства при примирении сторон является содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному регулированию споров. Поэтому любое вмешательство со стороны суда противоречит не только задачам арбитражного судопроизводства, но и смыслу мирового соглашения как примирительной процедуры.

²⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.09.2021 № 09АП-50511/2021 по делу № А40-90736/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.04.2022 № Ф05-3267/2022 по делу № А40-90185/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кочергин К. В. Указ. соч. С. 13.

²³ Мягкова О. И. Несправедливые договорные условия в российском гражданском праве // Российский юридический журнал. 2017. № 2 (113). С. 99–111.

²⁴ Соломина Н. Г. Несправедливые условия в контексте реализации защитных средств сторон предпринимательского договора // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 18.

²⁵ Соломин С. К. К вопросу о сущности злоупотребления гражданскими правами // Право и экономика. 2017. № 6 (352). С. 17.

Полагаем, что при наличии заключенного и утвержденного арбитражным судом мирового соглашения последующее изменение судом его условий (условия о размере ответственности, определенной сторонами при его заключении) ставит под сомнение значимость такого соглашения и его особенность как инструмента, направленного на прекращение возникшего между сторонами правового конфликта на взаимоприемлемых условиях.

Подойдем к рассмотрению вопроса с другой стороны.

Как верно отмечают некоторые ученые, уменьшение (снижение) явно несоразмерной неустойки является одним из способов достижения баланса интересов сторон²⁶.

Следует отметить, что, разрешая вопрос о снижении неустойки по ст. 333 ГК РФ, суды зачастую обосновывают свое решение тем, что сниженный размер неустойки обеспечивает баланс интересов сторон²⁷. При этом суды называют необходимость соблюдения баланса интересов сторон самостоятельным принципом гражданско-правовых отношений²⁸.

Вопрос баланса интересов сторон в настоящее время широко обсуждается в юридической доктрине. Еще основоположник юриспруденции интересов Р. Иеринг обозначал цель права как уравнивание интересов в обществе, нахождение компромисса между ними²⁹. В Концепции развития гражданского законодательства³⁰ изменения, которые планировалось внести в ГК РФ, обосновывались целью обеспечения

реализации справедливого баланса интересов сторон, более взвешенного баланса интересов участников оборота.

Современные авторы выражают общую сущность баланса интересов как «установление порядка, обеспечивающего согласование интересов различных субъектов и режим благоприятствования для их реализации путем определения правового механизма взаимного удовлетворения интересов и решения взаимных противоречий и конфликтов»³¹. Другие ученые приходят к выводу о том, что баланс интересов в гражданском праве — это «характеристика правоотношения, находящегося в состоянии сотрудничества»³². Многие ученые исходят из самостоятельности принципа баланса интересов сторон в гражданском праве³³. Этот принцип подразумевает стремление к справедливости при разрешении споров, требует от каждой из сторон учитывать интересы другой стороны, а также искать решения, которые были бы выгодны всем участникам правоотношений.

Существующие позиции ученых указывают на то, что баланс интересов — средство, при котором учитываются и соблюдаются интересы всех сторон, участвующих в определенном процессе или отношениях. Это способствует разрешению конфликтов, нахождению компромисса, удовлетворяющего всех участников.

В юридической литературе приводится верное суждение о важности соблюдения при балансе интересов состояния соразмерности прав и обязанностей сторон, обеспечения сторонам

²⁶ Сарбаш С. В. Указ. соч. С. 174.

²⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.09.2021 № 09АП-50511/2021 по делу № А40-90736/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.03.2015 № Ф06-21022/2013 по делу № А57-16132/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1.

³⁰ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

³¹ Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 10.

³² Пьянкова А. Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах : монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2014.

³³ Пьянкова А. Ф. Указ. соч.

равных возможностей для реализации своих законных интересов³⁴. Действительно, при поиске баланса интересов необходимо принимать во внимание интересы каждой стороны, а также возможные последствия для сторон в случае отказа от мирового соглашения или продолжения спора. Мировое соглашение должно быть результатом согласия обеих сторон, построенным на их желании найти компромиссное решение спора.

Не вдаваясь в самостоятельное исследование принципа баланса интересов, так как это предмет отдельного исследования, укажем, что учет интересов сторон является важным аспектом мирового соглашения в арбитражном процессе. В. В. Ершов справедливо утверждал, что индивидуальное регулирование является «компенсаторным» юридическим средством, призванным осуществлять «внутреннее саморегулирование» в дополнение к «внешнему» регулированию общественных отношений³⁵.

Мировое соглашение позволяет сторонам прекратить спор на определенных, согласованных кредитором и должником условиях. Предполагается, что установленный компромисс основан на разумном балансе интересов сторон, поскольку подразумевает выгодные условия и добровольное исполнение, которое может быть обеспечено включением в мировое соглашение неустойки за нарушение его условий. Исходя из правовой природы неустойки, таковая, с одной стороны, призвана стимулировать должника к надлежащему исполнению мирового соглашения, а с другой — гарантирует соблюдение интересов кредитора, связанных с получением соответствующей компенсации за просрочку исполнения должником. При таких обстоятельствах действия должника, заявляющего о снижении неустойки, нарушают достигнутый баланс, свидетельствуют о злоупотреблении правом. Кроме того, изменение условий мирового соглашения

о размере неустойки по инициативе одной стороны (должника) в нарушение волеизъявления другой стороны (кредитора) недопустимо, поскольку реализация такого интереса должника вступает в коллизию с исполнительной силой утвержденного судом мирового соглашения. Именно в целях соблюдения баланса интересов сторон обязательства снижение судом неустойки не должно влечь убытки для кредитора и вести недобросовестного должника к экономической выгоде в виде пользования денежными средствами по заниженной ставке процентов³⁶.

В связи с указанным представляется, что при применении судом ст. 333 ГК РФ к взыскиваемой с должника неустойке за нарушение сроков исполнения мирового соглашения будет нарушен баланс интересов сторон, достигнутый посредством заключения мирового соглашения на взаимоприемлемых условиях. Кроме того, незначительность периода просрочки и высокий размер неустойки не влияют на условия мирового соглашения, которое должно оставаться неизменным после утверждения его судом.

Думается, что суд не может изменять размер согласованной сторонами мирового соглашения неустойки. При заключении мирового соглашения стороны свободны в определении его условий, и после его утверждения судом вносить какие-либо изменения в его условия, на наш взгляд, недопустимо. Это объясняется тем, что мировое соглашение не только является гражданско-правовой сделкой, но и приобретает новое качество — качество судебного акта. Отсюда следует вывод: условия мирового соглашения могут быть изменены лишь по результатам обжалования того судебного акта, которым оно было утверждено.

Таким образом, полагаем, что условие мирового соглашения о размере неустойки, согласованное сторонами на случай его ненадлежащего исполнения должником и утвержденное

³⁴ Богданова Е. Е., Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 137.

³⁵ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. 2013. № 2. С. 15.

³⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 № 4-КГ19-48, 2-5812/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

судом, не может быть изменено последующим судебным актом по иску кредитора о взыскании с должника неустойки путем снижения судом ее размера на основании ст. 333 ГК РФ. В противном случае, во-первых, опровергается окончательный характер разрешения спора путем заключения мирового соглашения, во-вторых, такая практика свидетельствует о противоречии

исполнительной силы судебного акта об утверждении мирового соглашения. Что касается баланса интересов сторон, то он может быть обеспечен именно при заключении мирового соглашения, в процессе согласования сторонами условия о конкретном размере неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий мирового соглашения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абушенко Д. Б. Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 6. — С. 92–116.
2. Богданова Е. Е., Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2019. — № 1. — С. 135–146.
3. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. — 2013. — № 2. — С. 8–17.
4. Завидовская Е. С. Процессуальные пределы свободы заключения мирового соглашения в арбитражном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2017. — № 1. — С. 72–80.
5. Зимнева С. В., Лукьяненко М. Ф. Освобождение от ответственности участников государственных закупок: баланс интересов сторон // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 122–137.
6. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. — СПб., 1881. — 412 с.
7. Киракосян С. А. Принцип равенства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2009. — 26 с.
8. Кочергин К. В. Ответственность за неисполнение условий мирового соглашения // Исполнительное право. — 2015. — № 1. — С. 6–14.
9. Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 144–151.
10. Мягкова О. И. Несправедливые договорные условия в российском гражданском праве // Российский юридический журнал. — 2017. — № 2 (113). — С. 99–111.
11. Пешкова О. А. Мировое соглашение как правовая категория // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 2. — С. 68–73.
12. Пьянкова А. Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах : монография. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2014. — 244 с.
13. Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение / под общ. ред. М. А. Рожковой. — М. : Статут, 2008. — 525 с.
14. Рожкова М. А. Мировое соглашение в арбитражном суде // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2003. — № 9. — С. 101–113.
15. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. — М. : Статут, 2020. — 436 с.
16. Соломин С. К. К вопросу о сущности злоупотребления гражданскими правами // Право и экономика. — 2017. — № 6 (352). — С. 15–22.
17. Соломина Н. Г. Несправедливые условия в контексте реализации защитных средств сторон предпринимательского договора // Вестник арбитражной практики. — 2023. — № 2. — С. 14–19.

18. Яблочков Т. М. Суд правый, милостивый (К. Р. 15 октября 1914 г., д. Волощенко) // Юридический вестник. — М., 1915. — Кн. 10 (2). — С. 200–224.

Материал поступил в редакцию 10 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abushenko D. B. Protsessualno-pravovye posledstviya neutverzhdenogo mirovogo soglashiya v iskovom proizvodstve: opyt analiza po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 6. — S. 92–116.
2. Bogdanova E. E., Pyankova A. F. Balans interesov kak metod tsivilisticheskogo issledovaniya // Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy. — 2019. — № 1. — S. 135–146.
3. Ershov V. V. Pravovoe i individualnoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy kak parnye kategorii // Rossiyskiy sudya. — 2013. — № 2. — S. 8–17.
4. Zavidovskaya E. S. Protsessualnye predely svobody zaklyucheniya mirovogo soglashiya v arbitrazhnom protsesse // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2017. — № 1. — S. 72–80.
5. Zimneva S. V., Lukyanenko M. F. Osvobozhdenie ot otvetstvennosti uchastnikov gosudarstvennykh zakupok: balans interesov storon // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. — 2023. — T. 9. — № 4. — S. 122–137.
6. Iering R. Tsel v prave. T. 1. — SPb., 1881. — 412 s.
7. Kirakosyan S. A. Printsip ravenstva v rossiyskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2009. — 26 s.
8. Kochergin K. V. Otvetstvennost za neispolnenie usloviy mirovogo soglashiya // Iсполнителное право. — 2015. — № 1. — S. 6–14.
9. Mikhaylova E. V. K probleme pravovoy prirody «protssesualnykh soglashiya» // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 2. — S. 144–151.
10. Myagkova O. I. Nespravedlivye dogovornye usloviya v rossiyskom grazhdanskom prave // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2017. — № 2 (113). — S. 99–111.
11. Peshkova O. A. Mirovye soglashiya kak pravovaya kategoriya // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2018. — № 2. — S. 68–73.
12. Pyankova A. F. Obespechenie balansa interesov v grazhdansko-pravovykh dogovorakh: monografiya. — Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet, 2014. — 244 s.
13. Rozhkova M. A., Eliseev N. G., Skvortsov O. Yu. Dogovornoe pravo: soglashiya o podsudnosti, mezhdunarodnoy podsudnosti, primiritel'noy protsedure, arbitrazhnoe (treteyskoe) i mirovye soglashiya / pod obshch. red. M. A. Rozhkovoy. — M.: Statut, 2008. — 525 s.
14. Rozhkova M. A. Mirovye soglashiya v arbitrazhnom sude // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. — 2003. — № 9. — S. 101–113.
15. Sarbash S. V. Elementarnaya dogmatika obyazatelstv: ucheb. posobie. — M.: Statut, 2020. — 436 s.
16. Solomin S. K. K voprosu o sushchnosti zloupotrebleniya grazhdanskimi pravami // Pravo i ekonomika. — 2017. — № 6 (352). — S. 15–22.
17. Solomina N. G. Nespravedlivye usloviya v kontekste realizatsii zashchitnykh sredstv storon predprinimatelskogo dogovora // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2023. — № 2. — S. 14–19.
18. Yablochkov T. M. Sud pravyy, milostivyy (K. R. 15 oktyabrya 1914 g., d. Voloshchenko) // Yuridicheskiy vestnik. — M., 1915. — Кн. 10 (2). — S. 200–224.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.124-132

С. В. Иванченко*

Соотношение принципов диспозитивности и судебного руководства процессом при разрешении вопроса о взыскании длящейся неустойки

Аннотация. Статья посвящена исследованию баланса реализации принципов диспозитивности и судебного руководства процессом на примере взыскания неустойки (пеней) и процентов за пользование чужими денежными средствами. Рассматривается проблематика реализации принципов процессуальной эффективности и процессуальной экономии, возникающая при соблюдении требований к осуществлению принципа состязательности, необходимость в которой возникает при проявлении диспозитивности взыскателя. Сделан вывод о том, что в силу природы неустойки отсутствует прямая необходимость указания взыскателем на длящийся характер неустойки, поскольку требование о начислении неустойки (процентов за пользование чужими денежными средствами) по день фактического исполнения обязательства вытекает из природы данного института и договорных конструкций, принятых в деловом обороте. Обоснована необходимость обязательного взыскания судом длящейся неустойки с указанием на это в резолютивной части решения, если иное не установлено законом, договором либо если об ином не заявлено взыскателем. Сделан вывод о необходимости увеличения степени реализации принципа судебного руководства процессом при разрешении вопроса о назначении длящейся неустойки с целью процессуальной экономии и повышения эффективности при отправлении правосудия.

Ключевые слова: диспозитивность; неустойка; пени; штраф; взыскатель; должник; проценты; судебное руководство процессом; состязательность; процессуальная активность.

Для цитирования: Иванченко С. В. Соотношение принципов диспозитивности и судебного руководства процессом при разрешении вопроса о взыскании длящейся неустойки // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 124–132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.124-132.

© Иванченко С. В., 2025

* Иванченко Станислав Викторович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Академика Вернадского просп., д. 4, г. Симферополь, Российская Федерация, 295007
st_ivanchenko@mail.ru

Relationship between the Principles of Discretion and Judicial Supervision of the Procedure when Resolving Issues of Failure-to-Pay Penalty Collection

Stanislav V. Ivanchenko, Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
st_ivanchenko@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the balance between the implementation of the principles of discretion and judicial supervision of the procedure based on the case of the collection of penalties (fines) and interest for the use of other people's money. The paper examines the problems of implementing the principles of procedural effectiveness and procedural efficiency that arise when observing the requirements for the implementation of the principle of competition, the need for which arises when the claimant's discretion is demonstrated. It is concluded that due to the nature of the penalty, there is no direct need for the claimant to indicate the continuing nature of the penalty, since the requirement to accrue the penalty (interest for the use of other people's money) until the day of actual fulfillment of the obligation follows from the nature of this institution and the contractual structures accepted in business. The necessity of mandatory collection of a failure-to-pay penalty by the court with an indication of this in the operative part of the decision, unless otherwise provided by law, by contract, or unless otherwise stated by the claimant, is also substantiated. The conclusion is made about the need to increase the degree of implementation of the principle of judicial supervision of the procedure when resolving the issue of assigning a failure-to-pay penalty for the purpose of procedural efficiency and increasing the efficiency of the administration of justice.

Keywords: discretion; penalty; interest for default; fine; claimant; debtor; interest; judicial supervision of the procedure; adversarial nature; procedural activity.

Cite as: Ivanchenko SV. Relationship between the Principles of Discretion and Judicial Supervision of the Procedure when Resolving Issues of Failure-to-Pay Penalty Collection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):124-132. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.124-132.

Институт неустойки призван обеспечивать охрану прав и законных интересов участников правоотношений в том смысле, что заставляет их произвести оценку своего намерения относительно реализации своих обязательств; неустойка влияет на выбор такими участниками модели поведения в пользу поведения добросовестного, при этом неустойка, в случае если право все-таки будет нарушено, а обязательство не исполнено, должна служить соразмерной компенсацией за нарушение права. Исходя из смысла определения, представленного в нормах ГК РФ, очевидным представляется, что вариативность предложенных оснований к возникновению права начисления неустойки ограничена применением закона либо указанием на возможность такого начисления при наступлении соответствующих обстоятельств в

договоре. Возможная альтернатива неустойке (пеням), помимо прочего, предложена законодателем в норме, содержащейся в п. 1 ст. 395 ГК РФ, устанавливающей возможность начисления процентов на неправомерно удерживаемые денежные средства. В пункте 3 указанной статьи закреплено положение о том, что «проценты за пользование чужими средствами взимаются по день уплаты суммы этих средств кредитору»¹. В пункте 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»² содержится положение, разъясняющее право истца просить о взыскании неустойки по день фактического исполнения обязательства; так, указывается, что, «присуждая неустойку, суд по требованию истца... указывает

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.06.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² СПС «КонсультантПлюс».

сумму неустойки, исчисленную на дату вынесения решения и подлежащую взысканию, а также то, что такое взыскание производится до момента фактического исполнения обязательства». Можно говорить о том, что Верховный Суд РФ устранил имеющийся пробел в норме ГК РФ относительно возможности доначисления неустойки уже после совершения процессуально значимого действия в виде заявления иска без применения института увеличения исковых требований. При подаче заявления о взыскании долга в случае указания в просительной части искового заявления на взыскание суммы неустойки к заявлению прилагается расчет такой неустойки (пеней) в виде отдельного документа либо этот расчет приводится непосредственно в тексте заявления. Такой расчет обычно производится на дату подачи искового заявления, соответственно, неустойка рассчитывается с начала периода, когда условие о ней вступает в силу, по день подачи искового заявления. При этом заявитель вправе включить в исковое заявление, например, формулировку «с начислением неустойки по день фактического исполнения обязательства» либо же впоследствии подать заявление об уточнении исковых требований в части их увеличения на сумму неустойки по день фактического исполнения обязательства. В случае если заявителем не будет указано на начисление суммы неустойки по день исполнения обязательства, неустойка будет взыскана исключительно за тот период и в той сумме, которые определил заявитель. Разрешение вопроса о длящейся неустойке, следовательно, выносится на рассмотрение суда посредством выражения в просьбе к суду волеизъявления заявителя, поскольку если заявитель не укажет на необходимость взыскания длящейся неустойки, то суд взыщет неустойку исключительно в том объеме и тем способом, на которые указал заявитель, притом что в договоре по общему правилу неустойка не ограничена каким-либо периодом. Таким образом, необходимость указания на осуществление взыскания неустойки по день фактической оплаты долга (исполнения

обязательства) в исковом заявлении приводит к ситуации, когда реализация нормы о неустойке ставится в зависимость от властно-распорядительных действий суда и диспозитивных действий взыскателя, от которого требуется прямое указание на длящийся характер неустойки. Однако указание в договоре на начисление неустойки за каждый день просрочки исполнения обязательства свидетельствует об изначальной воле сторон, направленной на длящийся характер такого начисления, которое завершается только прекращением обязательства путем исполнения. Трудно представить себе ситуацию, при которой поставщик и покупатель в договоре поставки сформулируют условие о неустойке, например, следующим образом: «Неустойка начисляется в размере X % от стоимости неоплаченного в срок товара за каждый день просрочки оплаты товара, начиная со дня, следующего за последним днем оплаты товара, и до дня подачи поставщиком иска о взыскании стоимости неоплаченного товара». Такая формулировка выглядит абсурдно, тем не менее необходимость указания в исковом заявлении на взыскание неустойки «по день...», «на момент...» и т.д., то есть выражения намерения через реализацию диспозитивности с той целью, чтобы подтвердить свою волю на взыскание длящейся неустойки, на наш взгляд, также абсурдна и нецелесообразна. Однако, если исключить необходимость ограничения периода расчета неустойки указанием конечной взыскиваемой суммы и срока расчета неустойки, возникает неопределенность относительно цены иска и, следовательно, размера оплачиваемой государственной пошлины. Высокая степень реализации принципа диспозитивности при разрешении вопроса о начислении длящейся неустойки, которая выражается в том числе в определении периода ее начисления, исключительно взыскателем приводит к тому, что, когда взыскатель заявляет об увеличении исковых требований при перерасчете неустойки, суды вынуждены откладывать судебные заседания с целью реализации принципа состязательности³, что, в свою очередь, приводит к

³ См., например: решение Арбитражного суда Республики Крым от 10.12.2019 по делу № А83-10373/2019 // КАД «Мой Арбитр». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/daea4355-4c80-464a-b79e-03fae260521d> (дата об-

снижению уровня реализации принципов процессуальной экономии и процессуальной эффективности. Кроме того, имеют место случаи, когда взыскатели, после того как разрешен вопрос о взыскании суммы основного долга и неустойки, исчисленной на момент предъявления иска либо на более позднюю дату, заявляют новые требования относительно взыскания доначисленной длящейся неустойки за более поздние периоды, возбуждая новые производства. Всё это создает ненужную нагрузку на суды, снижает процессуальную эффективность и приводит к лишним затратам участников судопроизводства.

Возможным выходом представляется закрепление в гражданском законодательстве нормы, которая установила бы, что неустойка подлежит взысканию по день исполнения обязательства должником перед кредитором, если законом, иными правовыми актами, договором не установлен для ее начисления более короткий срок, а равно если на такой срок не укажет кредитор. Равным образом судам в рамках реализации принципа судейского руководства процессом следует выяснять волю заявителя относительно необходимости взыскания длящейся неустойки, если взыскатель не просил суд о ее взыскании. Установление воли взыскателя в ходе производства полагаем достаточным условием для того, чтобы суд в решении указал на взыскание неустойки по день исполнения основного обязательства. Обязанность рассчитать неустойку в рамках конкретного периода при подаче искового заявления у кредитора остается, но исключительно для определения размера государственной пошлины. Возможно также определить увеличение исковых требований в части доначисления неустойки (если заявитель сразу

не указал на длящийся характер ее начисления при предъявлении требований) в качестве технической процедуры, не влекущей необходимости отложения судебного разбирательства, представления позиции второй стороны (кроме случаев, когда ранее, в ходе судебного разбирательства, должником был представлен обоснованный контррасчет неустойки, из которого следует некорректность начисления неустойки взыскателем).

Интересна в целях последующего рассуждения позиция Б. М. Гонгало, который различает «неустойку как способ обеспечения исполнения обязательства и взыскание неустойки как меру ответственности»⁴ и отмечает, ссылаясь на основные положения учения о способах защиты гражданских прав, что такие способы защиты «необходимо подразделять на меры государственно-принудительного порядка... и на меры защиты в узком смысле слова, не обладающие признаками гражданско-правовой ответственности»⁵. Б. М. Гонгало предлагает меру ответственности именовать взысканием неустойки, а способ обеспечения исполнения — просто неустойкой⁶, что соответствует положениям ст. 329 ГК РФ. Критерием разграничения в данном случае будет функция неустойки. Д. И. Гришин, в свою очередь, указывает, что «неустойка... призвана обеспечивать нормальное (надлежащее) исполнение обязательств; как только надлежащего исполнения не последовало, неустойка переходит в новое свое качество — становится ответственностью»⁷. Г. И. Меликов утверждает, что «неустойка — это акцессорная возможность возникновения субъективного права требовать денежную сумму, оговоренную на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения

ращения: 24.05.2024) ; решение Арбитражного суда Республики Крым от 07.07.2022 по делу № А83-11545/2021 // КАД «Мой Арбитр». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/772084cd-b202-4bd5-a865-db41b4d9a210> (дата обращения: 24.05.2024) ; решение Арбитражного суда Республики Крым от 24.08.2024 по делу № А83-26940/2022 // КАД «Мой Арбитр». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2cf4991a-94ed-45cc-943d471c401e035f6> (дата обращения: 24.05.2024).

⁴ Гонгало Б. М. Гражданско-правовое регулирование обеспечения обязательств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 11.

⁵ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. С. 262.

⁶ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. С. 262.

⁷ Гришин Д. А. Неустойка: теория, практика, законодательство. М. : Статут, 2005. С. 51.

обязательства должником. Возможность возникновения субъективных прав является “прообразом права”, который находится в акцессорной связи следования и прекращения с главным обязательством⁸. Суд не разрешает вопрос об установлении обстоятельств, препятствующих начислению неустойки по день фактической оплаты, однако такая обязанность, как нам представляется, должна быть возложена на суд в условиях, в которых длящийся характер неустойки полагается как наличествующий без выяснения воли сторон.

Изложенное выше закономерно рождает вопрос, насколько правильной с точки зрения полноценной реализации принципов процессуального права является прямая зависимость от диспозитивных действий взыскателя установления судом требования о взыскании длящейся неустойки, притом что материальные правоотношения предполагают, что такой длящийся характер есть имманентное свойство института неустойки. Допустимо ли, исходя из существа неустойки, предположить возможность сторон предусмотреть в договоре условие о начислении неустойки (пеней) по день фактической оплаты долга, исполнения обязательства? При таком положении условие о неустойке дублировало бы само себя, порождая плеоназм, бессмысленную дефинитивную конструкцию, определяющую саму себя, ведь осуществление начисления неустойки производится до момента устранения тех обстоятельств, которые послужили ее возникновению, это и отличает неустойку от иных акцессорных обязательств и компенсаций за нарушение основного обязательства.

Однако требование об указании на начисление неустойки в твердой сумме при подаче искового заявления лишает (в отсутствие иных диспозитивных действий) взыскателя права получить удовлетворение своих требований в части возрастающей неустойки. Неустойка (пени) в материальных правоотношениях соот-

ветствует своему легальному определению и не зависит, в отсутствие оговорок, от волеизъявления сторон: неустойка начисляется автоматически за каждую единицу времени, которой исчисляется период просрочки (по общему правилу — календарный либо рабочий день), как и проценты за пользование чужими денежными средствами в порядке ст. 395 ГК РФ, которые являются, как утверждает В. В. Семенihin, «частным случаем законной неустойки»⁹. Однако, когда материальные правоотношения переходят в плоскость процессуальных, неустойка и проценты не должны терять свойства возрастания в силу обстоятельств, служащих причиной их возникновения. В статье 331 ГК РФ законодатель предусмотрел, что «соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме независимо от формы основного обязательства». Верховный Суд РФ указывает на право кредитора заявлять требование о начислении неустойки по день фактического исполнения обязательства. Следовательно, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 неустойка (пени) до момента реализации права кредитора на заявление ее взыскания по день фактического исполнения обязательства приравнивается, с определенными оговорками, к штрафу, что со всей очевидностью приводит к искажению установленной ранее действительной воли сторон, имевшей место при совершении сделки.

Допустимо предположить, что при направлении претензии кредитором предполагается добросовестное исполнение его требований в срок, достаточный для исполнения должником обязательства, поэтому неустойка определена твердой суммой на день направления претензии и, соответственно, на день получения такой претензии должником (без учета сроков, требуемых на направление и получение претензии). Переходя же из материальных правоотношений в процессуальные, стороны переходят из пространства полной диспозитивности

⁸ Меликов Г. И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. С. 51.

⁹ Семенihin В. В. Правовые основы обеспечения исполнения обязательств кредитором // Бухгалтер и закон. 2012. № 4. С. 28.

в пространство, ограничивающее их диспозитивность судебной властью, процессуальным руководством и активностью суда. Но связывать начисление неустойки или процентов по день фактического исполнения обязательства с тем обстоятельством, что в ходе судопроизводства диспозитивности сторон противопоставляется процессуальная активность суда, по меньшей мере нелогично, поскольку взыскание неустойки или процентов за пользование чужими денежными средствами поставлено в зависимость от наличия выраженной волеи взыскателя, а не от действий суда. Суд при разрешении вопроса о взыскании неустойки (процентов) лишь отмечает наличие воли взыскателя, но не устанавливает наличие обстоятельств, препятствующих взысканию неустойки (процентов) по день фактического исполнения обязательства.

Несмотря на наличие в ст. 395 ГК РФ прямого указания на то, что проценты начисляются по день исполнения обязательства, суды тем не менее начисляют такие проценты в твердой сумме (рассчитанной на день подачи искового заявления, на день вынесения судебного решения), если взыскатель не просил о взыскании длящейся неустойки. Соответственно, при начислении процентов за пользование чужими средствами возникает аналогичная случаю с неустойкой (пенями) ситуация, при которой реализация длительности начисления процентов также требует волеизъявления кредитора. Норма права, значит, перестает действовать после перехода материальных правоотношений в процессуальные, из императивной нормы она превращается в диспозитивную. Несмотря на указание ГК РФ на длящийся характер начисления процентов по ст. 395, суды используют аналогию и приравнивают порядок начисления процентов к порядку начисления неустойки (пеней), применяя положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7. Возникает коллизия: суд не вправе присуждать то, что не указано в исковом заявлении, суд вправе удовлетворить, отказать в удовлетворении, удовлетворить частично искимые требования, исходя из объема заявленных требований, но суд не может отказывать в том, что стороной по делу не просилось, удовлетворять то, о чем сторона по делу

не заявляла. Однако длящееся начисление процентов прямо предусмотрено законом, а длящийся характер начисления неустойки (пеней) следует из ее существа. Как отмечалось выше, кредитор, направляя претензию, презюмирует добросовестность должника в части сроков исполнения обязательства, поэтому неустойка начисляется на день направления претензии. Но неисполнение требования должником, подача кредитором искового заявления уже не дают кредитору возможности помыслить добросовестность должника, и становится невозможно определить с той или иной степенью точности крайний срок исполнения обязательства, к тому же суд разрешает вопрос о наличии или об отсутствии нарушенного права, что вообще не дает возможности однозначно определить право взыскателя на такую неустойку. Определить дату неустойки датой вынесения решения судом первой инстанции либо вступлением его в законную силу также не представляется обоснованным, поскольку даже если предположить добросовестность должника в части исполнения обязательства в день вынесения решения суда, вступления такого решения в законную силу, должник (ответчик) обладает правом апелляционного обжалования, что, в свою очередь, также не позволяет установить конкретный срок исполнения обязательства. Из этого следует, что определение неустойки (пеней) конкретной датой превращает пени в штраф, неустойка из одного качества переходит в другое.

Любопытным представляется и то обстоятельство, что суды, присуждая неустойку по день фактического исполнения обязательства, разделяют период начисления такой неустойки на два срока. Первый срок — с начала возникновения обязанности по уплате такой неустойки по день подачи искового заявления или вынесения решения суда, второй период — со следующего дня после вынесения решения суда по день фактического исполнения обязательства. С практической точки зрения такое изложение резолютивной части может иметь определенное значение, например при исполнении судебного решения это позволит отнести сумму исполнения либо к обычному, либо к особому исполнительному производству. Тем не менее,

если истец просил взыскать сумму неустойки по день фактической оплаты, изложив просительную часть искового заявления в части неустойки как «взыскать сумму неустойки (пеней) по день фактической оплаты, неустойка на день подачи настоящего заявления составляет X», суд присуждает несколько отличное от просимого, притом что, удовлетворив требования взыскателя, суд указывает «удовлетворить требования в полном объеме», но ведь взыскателем не заявлялось требование о взыскании суммы неустойки в размере штрафа с начислением неустойки по день фактического исполнения, например «взыскать неустойку с “дд. мм. гг.” по “дд. мм. гг.” в размере X, с начислением пени по день фактической оплаты долга». В приведенном случае та неустойка, которая будет начислена со следующего дня после вынесения судом решения, примет характер астрента, который представляет собой «компенсационную выплату за задержку исполнения судебного решения, которая выплачивается непосредственно тому лицу, в пользу которого принято это судебное решение»¹⁰. То есть суд вместо неустойки, о которой просил взыскатель, которую стороны предусмотрели в договоре и на использование которой указывает закон, фактически присуждает штраф и астрент. Стоит отметить, что итоговых различий между той или иной формулировкой нет, это не скажется ни на правах, ни на обязанностях сторон, ни на сумме взыскиваемого, принципиально не изменит ни порядка ее исчисления, ни порядка ее взыскания. Однако важна здесь не итоговая формулировка, а то, требует ли начисление и взыскание неустойки (пеней) по день оплаты долга дополнительного волеизъявления кредитора (первый акт волеизъявления — это договорное условие, второй — это подача иска), то есть указания фактического состава неустойки, либо (в случае с процентами за пользование денежными средствами) проявления диспозитивности взыскателя в процессе, с учетом уже имеющегося

прямого указания закона и наличия соответствующего договорного условия. Неустойка (пени) выполняет, помимо обеспечительных, еще и стимулирующие функции. Так, А. К. Карапетов отмечает: «...если в договорных обязательствах предусмотрена неустойка в виде уплаты пени, то должник в случае нарушения обязательства будет стремиться скорейшим образом погасить долг и уплатить пеню, которая с истечением времени будет только увеличиваться... Допустим, что в договоре предусмотрена неустойка в виде твердого штрафа, тогда в случае нарушения обязательства кредитор может взыскать этот штраф независимо от дальнейшего поведения должника, в связи с чем стимулирующее значение неустойки может быть потеряно»¹¹. Соответственно, природа неустойки (пеней), состоит, кроме прочего, в стимулировании исполнения обязательства, в то время как неустойка, представленная штрафом, — это мера ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение. В приведенных выше ситуациях можно до определенной степени говорить о том, что при отсутствии заявления взыскателя о подлежащей неустойке пени подменяются штрафом, который выполняет несколько иные функции.

Последний аргумент в оправдание необходимости указания кредитором в рамках судопроизводства на подлежащий характер начисления неустойки — это указание твердой суммы для исчисления суммы исковых требований и оплаты государственной пошлины за рассмотрение дела судом. Но такую сумму можно определить и заявляя требование о взыскании неустойки или процентов по день фактической оплаты, например введя в просительную часть искового заявления фразу «взыскать неустойку в сумме X, с начислением неустойки по день фактического исполнения обязательства». Однако это не разрешает вопроса о природе необходимости заявления требования о взыскании подлежащей неустойки (процентов), ведь тем не

¹⁰ Останина Е. А., Тараданов Р. А. Проблемы и перспективы рецепции института астрента (*astreinte*) российской правовой системой // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 6. С. 118.

¹¹ Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М. : Статут, 2006. С. 42.

менее стороне по делу необходимо заявлять такое требование.

Итак, представляется оптимальным, чтобы суды при разрешении вопроса о начислении неустойки самостоятельно решали вопрос о начислении длящейся неустойки (процентов) в силу прямого указания законодательства и существования неустойки, а также исходя из непосредственного толкования договорных условий. Важным является и установление действительной воли взыскателя относительно взыскания длящейся неустойки (пеней). Наличие заявленного требования о взыскании неустойки по день фактической оплаты не должно определять взыскание такой длящейся неустойки, поскольку длящийся характер неустойки, процентов следует из их существования и закреплён законодательно. Закрепление отмеченной выше нормативной формулировки в ГК РФ о неустойке позволило бы избежать различных по своему характеру толкований возможности начисления длящейся неустойки по день фактической оплаты долга, исполнения обязательства. Кроме того, представляется целесообразным указание Пленумом Верховного

Суда РФ на то, что начисление неустойки (пеней) производится по день фактического исполнения обязательства, если кредитором не заявлено иное, а не на право истца требовать взыскания неустойки по день фактического исполнения. Поскольку в институте неустойки (пеней) уже имманентно заложен ее длящийся характер, длящийся вплоть до исполнения обязательства. Данное утверждение равно применимо к взысканию процентов за пользование чужими средствами. Наличие зависимости взыскания длящейся неустойки от реализации взыскателем диспозитивных действий есть пренебрежение его изначальной волей, которая была заложена в договоре, устанавливающем неустойку (пени), что создает необходимость формирования сложного фактического состава длящейся неустойки. Практика судопроизводства должна соответствовать законодательству и презюмировать начисление неустойки и процентов за пользование чужими средствами по день фактического исполнения обязательства, если законом или договором не предусмотрено иное и если об ином не заявлено самим взыскателем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гонгало Б. М. Гражданско-правовое регулирование обеспечения обязательств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1998. — 311 с.
2. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. — М. : Статут, 2004. — 461 с.
3. Гришин Д. А. Неустойка: теория, практика, законодательство. — М. : Статут, 2005. — 172 с.
4. Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. — М. : Статут, 2006. — 286 с.
5. Красавчиков О. А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права : избранные труды : в 2 т. Т. 2. — М. : Статут, 2005. — С. 255–268.
6. Меликов Г. И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2019. — 295 с.
7. Останина Е. А., Тараданов Р. А. Проблемы и перспективы рецепции института астренте (astreinte) российской правовой системой // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 6. — С. 118–129.
8. Семенihin В. В. Правовые основы обеспечения исполнения обязательств кредитором // Бухгалтер и закон. — 2012. — № 4. — С. 28–30.

Материал поступил в редакцию 25 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gongalo B. M. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obespecheniya obyazatelstv: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1998. — 311 s.
2. Gongalo B. M. Uchenie ob obespechenii obyazatelstv. — M.: Statut, 2004. — 461 s.
3. Grishin D. A. Neustoyka: teoriya, praktika, zakonodatelstvo. — M.: Statut, 2005. — 172 s.
4. Karapetov A. G. Neustoyka kak sredstvo zashchity prav kreditora v rossiyskom i zarubezhnom prave. — M.: Statut, 2006. — 286 s.
5. Krasavchikov O. A. Otvetstvennost, mery zashchity i sanktsii v sovetskom grazhdanskom prave // Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbrannye trudy: v 2 t. T. 2. — M.: Statut, 2005. — S. 255–268.
6. Melikov G. I. Neustoyka: problemy pravovoy prirody i ispolzovaniya v dogovornykh otnosheniyakh v svete reformy grazhdanskogo zakonodatelstva: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2019. — 295 s.
7. Ostanina E. A., Taradanov R. A. Problemy i perspektivy retseptsii instituta astrenta (astreinte) rossiyskoy pravovoy sistemoy // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. — 2013. — № 6. — S. 118–129.
8. Semenikhin V. V. Pravovye osnovy obespecheniya ispolneniya obyazatelstv kreditorom // Bukhgalter i zakon. — 2012. — № 4. — S. 28–30.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.133-148

А. А. Карпова*

Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования

Аннотация. Статья посвящена правовым проблемам и особенностям исчисления периода подозрительности применительно к п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Несмотря на то что институт конкурсного оспаривания — популярный объект научных изысканий и правоприменительного совершенствования, один из аспектов темы остается фактически без внимания и касается подходов к исчислению периода оспаривания сделок должника. Между тем изменение настроек правового регулирования по, казалось бы, малозаметному аспекту могло бы разрешить ряд сопутствующих проблем в заявленной сфере. Автор изучает положения законодательства РФ, правоприменительные особенности определения периода оспаривания сделок, исторический контекст, зарубежный опыт, а также актуальную практику Судебной коллегии Верховного Суда РФ по экономическим спорам по поставленному вопросу, выявляет серьезный дисбаланс между правовой нормой и практикой ее применения, а также предлагает пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); подозрительные сделки; период подозрительности; фраздаторные сделки; признание оспоримой сделки недействительной; конкурсное оспаривание; вне-конкурсное оспаривание.

Для цитирования: Карпова А. А. Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 133–148. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.133-148.

© Карпова А. А., 2025

* Карпова Анастасия Алексеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
anastasia.a.karpova@gmail.com

Procedural Accentuation of the Procedure for Calculating the Period for Challenging Suspicious Transactions, its Law Enforcement Evolution and the Need to Change Legal Regulation

Anastasia A. Karpova, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Arbitrazh Procedure, Advocacy and Notary Services, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
anastasia.a.karpova@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to legal issues and peculiarities of calculating the period of suspicion in relation to paragraph 2 of Article 61.2 of the Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)». Despite the fact that the institution of competitive challenge is a popular subject matter of scientific research and law enforcement improvement, one aspect of the topic remains virtually unaddressed and concerns approaches to calculating the period for challenging the debtor's transactions. Meanwhile, changing the settings of legal regulation on a seemingly inconspicuous aspect could resolve a number of related problems in the declared area. The author studies the provisions of the Russian Federation legislation, law enforcement features of determining the period for challenging transactions, the historical context, foreign experience, as well as the current practice of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation for economic disputes on the issue raised, identifies a serious imbalance between the legal norm and the practice of its application, and suggests ways to solve the identified problems.

Keywords: insolvency (bankruptcy); suspicious transactions; period of suspicion; fraudulent transactions; recognition of a voidable contract as invalid; competitive challenge; non-competitive challenge.

Cite as: Karpova AA. Procedural Accentuation of the Procedure for Calculating the Period for Challenging Suspicious Transactions, its Law Enforcement Evolution and the Need to Change Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):133-148. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.133-148.

Постановка проблемы

Одним из условий успешного оспаривания подозрительной сделки в деле о несостоятельности (банкротстве), согласно п. 1 и 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее — Закон о банкротстве), является ее совершение в рамках определенного периода, именуемого периодом подозрительности. Он исчисляется с даты принятия заявления о признании должника банкротом и составляет в его ретроспективной части для неравноценных сделок (п. 1 ст. 61.2) один год, а для сделок, совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2), — три года (либо после принятия заявления о несостоятельно-

сти (банкротстве)). В рамках статьи речь пойдет только о ретроспективной части искомого периода.

Как видим, любая из вышеуказанных сделок может быть оспорена по специальным основаниям законодательства о несостоятельности (банкротстве) только тогда, когда она находится в пределах этого срока, который определяется с учетом даты наступления состава процессуальных юридических фактов (возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве))². Так, сама вероятность признания подозрительной сделки недействительной поставлена в зависимость от срока, определяемого нормами арбитражного процессуального закона.

Сделки, предусмотренные положениями ст. 61.2 Закона о банкротстве, являются оспо-

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² С. А. Карелина полагает, что «необходимо различать два процессуальных действия, а именно: во-первых, это поступление заявления о признании должника банкротом в арбитражный суд, во-вторых, принятие заявления о признании должника банкротом... датой принятия заявления о признании должника банк-

римыми. Однако, если сделка не находится в пределах периода подозрительности, но, по сути, отвечает всем иным требованиям, необходимым для признания ее недействительной по нормам п. 1 или 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в удовлетворении заявления о признании ее недействительной на основании положений одного из соответствующих пунктов ст. 61.2 Закона о банкротстве будет отказано.

Получается, что недействительность оспори-мой сделки поставлена в зависимость от условия ее нахождения во временном диапазоне, исчисляемом в соответствии с нормами процессуального права³.

Важно, что указанный процессуальный состав представляет собой совокупность юридических процессуальных действий (подача лицом (должником или кредитором) заявления о несостоятельности (банкротстве) и принятие арбитражным судом данного заявления), а это значит, что, ввиду его производности от воли заинтересованных лиц, на него можно влиять (изменять дату наступления). Например, недобросовестный должник, преследующий цель сокрытия каких-то сделок от правосудия, вполне может представить в арбитражный суд неполноценное заявление о своем банкротстве. Соответственно, арбитражный суд оставит данное заявление без движения, при этом указанный срок оставления без движения может продлеваться, впоследствии заявление может быть возвращено и повторно подано должником через небольшой промежуток времени. Если заявление было подано кредитором, а недобросовестный должник не в полной мере

успел скрыть все свои подозрительные сделки, требование кредитора может быть погашено, а производство по делу прекращено и т.д.⁴

Возникает вопрос, а как, собственно, быть с оспоримыми сделками, оказавшимися в подобной «серой зоне», сфабрикованной недобросовестным лицом посредством использования процессуально-правового инструментария, то есть условно в периоде времени, на который было оставлено заявление недобросовестного должника о своей несостоятельности (банкротстве) без движения, либо в периоде между одним или несколькими поданными и принятыми к производству заявлениями о признании должника банкротом и прекращенными производствами по делу о несостоятельности (банкротстве). Формально, если исходить из императивности положений норм п. 1–2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части срока, определяющего период подозрительности, такие оспоримые сделки останутся в статусе действительных (при отсутствии иных оснований для признания сделок недействительными).

По сути, тумблер, переводящий действительность сделки в недействительность, находится в настоящее время под влиянием должников, добросовестность многих из которых за прошедшие десятилетия развития конкурсного права в России под вопросом.

Так, в одном из обособленных споров в рамках дела № А55-17180/20 (постановление АС Поволжского округа от 21.11.2023) финансовому управляющему было отказано в признании оспоримой сделки недействительной, в полном объеме отвечающей положениям

ротом следует считать дату вынесения определения об этом» (Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4).

³ Небезынтересно писал о соотношении права кредитора требовать опровержения сделки должника и факта объявления несостоятельности В. Эндеман: «Право требовать уничтожения силы совершенных должником действий приобретает открытием конкурсного производства, но оно не вытекает непосредственно из существа объявления несостоятельности, объявление несостоятельности является только поводом к опровержению, которое основывается на причинах, предшествующих этому моменту» (цит. по: Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань : Типография Императорского университета, 1898. С. 268).

⁴ Указанные проблемы уже анализировались другими авторами; см., например: Кузлугуртова А. Ш. Искусственное изменение периода подозрительности по делам о банкротстве в практике Верховного Суда РФ // Вестник арбитражной практики. 2021. № 5. С. 41–45.

п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в связи с тем что сделка не попала в период подозрительности, в то время как первоначально заявление должника о своем банкротстве было оставлено без движения, и сделка могла бы быть включена в период подозрительности при условии принятия заявления должника в пятидневный срок со дня его подачи. В частности, заявление о банкротстве было подано должником 7 июля 2020 г., однако не содержало всех необходимых приложений, арбитражным судом продлевался срок оставления заявления без движения (в связи с просьбой должника-заявителя), в итоге оно было принято к рассмотрению, а дело о несостоятельности (банкротстве) возбуждено только в 28 сентября 2020 г. При правильном же оформлении заявления со стороны должника изначально оно было бы принято арбитражным судом к производству 14 июля 2020 г. и оспариваемая сделка от 20 июля 2017 г. находилась бы в зоне видимости периода подозрительности. Примечательно, что, в соответствии с российской системой оспаривания, существовавшей до вступления в силу Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ и введения в Закон о банкротстве главы III.1 «Оспаривание сделок должника», предусматривалось, что период оспаривания преференциальных и корпоративных сделок исчислялся ретроспективно именно с даты подачи заявления о несостоятельности (п. 4, 5 ст. 103 Закона о банкротстве в прежней редакции).

Соответственно, если исчислять период подозрительности с даты подачи заявления о банкротстве должника, сделка из вышеуказанного примера будет признана недействительной, а если исчислять тот же период с даты возбуждения производства по делу — в признании сделки недействительной будет отказано. В имущественном выражении речь шла о реализованном супругой должника совместном имуществе по семикратно заниженной цене в

пользу аффилированного лица, то есть масштаб экономически выраженных последствий для кредиторов должника в разнице подсчета периода очевиден.

В данном случае процессуальный состав возбуждения производства по делу — реперная точка исчисления ретроспективного срока — играет роль нормативного условия недействительности сделки. Столь жесткая акцентуация и привязка вопроса недействительности сделки к сроку, исчисляемому в соответствии с процессуальным законодательством, видится неоправданной.

Далее следует предпринять попытку доказать, что подобная процессуальная формализация самого механизма конкурсного оспаривания фраздаторных сделок является неверной и смещение акцентов в этом, казалось бы, незначительном вопросе может повлечь за собой благоприятные изменения.

Ситуация, сложившаяся в правоприменении п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве

Невозможно ошибиться, если утверждать, что основная тенденция в настоящее время состоит в том, что лица, оспаривающие подозрительные сделки, оставшиеся за границами периода подозрительности, указывают в заявлении о недействительности дополнительно очень популярную у практикующих юристов связку норм ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ.

Но и это не является перспективным выходом из сложившейся ситуации, поскольку до настоящего времени развитой судебной практики по реальному оспариванию сделок по основаниям ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ с разъяснением на конкретных примерах, как разграничить составы недействительности п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и ст. 10, 168 (п. 2) ГК РФ в рамках конкурсного оспаривания, не имеется⁶.

Среди авторитетных ученых-цивилистов с давних пор идет дискуссия о соотношении норм

⁵ СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). Ст. 2153.

⁶ О редких примерах судебных актов, в которых недействительные сделки в рамках несостоятельности (банкротства) могут быть признаны ничтожными по ст. 10, 168 ГК РФ, см.: *Лотфуллин Р. К.* Оспаривание сделок при банкротстве. М., 2019. С. 147.

ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ и ст. 61.2 (п. 2) Закона о банкротстве⁷.

Как указывает А. В. Егоров, Пленум ВАС РФ, разъясняя в п. 4 постановления от 23.12.2010 № 63⁸ о том, что наличие специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных в Законе о банкротстве, само по себе не препятствует квалификации сделки как ничтожной по общегражданским основаниям (ст. 10 и 168 ГК РФ), «имел в виду собственный подход, выработанный в 2009 г. в отношении прежней редакции Закона о банкротстве», которого придерживался вплоть до завершения своей деятельности. «Например, 11 февраля 2014 г. Президиум ВАС РФ отменил судебные акты по делу № А19-2903/2010 Арбитражного суда Иркутской области и отправил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, применив связку ст. 10 и 168 ГК РФ в отношении сделок в ущерб кредиторам. Однако в практике Верховного Суда РФ в последнее время набирает силу тенденция, согласно которой для признания подозрительных сделок ничтожными по ст. 10 и 168 ГК РФ нужно установить какие-то дополнительные, сверхзначительные нарушения, чем просто намерение причинить ущерб кредиторам»⁹.

По мнению Е. Д. Суворова, сделка в ущерб интересам кредиторов — разновидность злоупотребления правом¹⁰.

В. Ю. Калугин отмечает, что «сегодня в судебной практике регулярно возникают ситуации, когда лица, оспаривающие сделку, ссылаются

исключительно на общие основания ее оспаривания, но при этом в качестве фактических обстоятельств обычно приводят доводы, характерные для оспаривания сделки по специальным основаниям»; подчеркивает, что гражданское законодательство не содержит каких-то разъяснений касательно того, как именно разрешить сложившуюся коллизию общих и специальных норм. Ответ на данный вопрос отсутствует и в разъяснениях высших судов. Однако, по мнению автора, «применение для оспаривания сделок в деле о банкротстве общих положений ст. 10, 168 ГК РФ противоречит законодательству и общим положениям о недействительности сделок»¹¹.

Действительно, при обращении к судебной практике увидим, что чаще всего, если подозрительная сделка не попала в период подозрительности, в удовлетворении требования о признании сделки недействительной по заявленной конфигурации норм ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ отказывают посредством устоявшейся фразы: *квалификация сделки, причиняющей вред, по ст. 10 и 168 ГК РФ возможна только в случае выхода обстоятельств ее совершения за рамки признаков подозрительной сделки, а заявитель таковых доводов не представил*. Эта фраза неоднократно встречается в определениях судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам¹².

В определении от 06.03.2019 № 305-ЭС18-22069 по делу № А40-17431/2016 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ

⁷ Например, данный вопрос обсуждался на научно-практической конференции 18 декабря 2019 г. «Оспаривание сделок при банкротстве», организованной онлайн-школой для юристов «Лекториум». См.: URL: <https://civilistclub.ru/events/tproduct/225909811-144875924366-18-dekabrya-2019-osparivanie-sdelok-pri> (дата обращения: 27.05.2024).

⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

⁹ Егоров А. В. Подозрительные сделки в банкротстве и до него // URL: <https://lexorium.com/news/podozritelnye-sdelki-v-bankrotstve-i-do-nego.html> (дата обращения: 27.05.2024).

¹⁰ Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 440.

¹¹ Калугин В. Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 110–112.

¹² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2023 № 305-ЭС22-20515 по делу № А40-118601/2020 ; определение Судебной коллегии по эконо-

непосредственно указывает на причины сформированной позиции: «оспаривание сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ по тем же основаниям, что и в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспариваемых сделок, и периода подозрительности, что явно не соответствует воле законодателя».

Соответственно, по логике правоприменителя, фраздаторная сделка в рамках конкурсного оспаривания должна быть восприимчива к правовому регулированию строго по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве из-за риска обхода норм о сроках исковой давности и периоде подозрительности.

При этом какого-то разнообразия кейсов, позволяющих уяснить, какие именно признаки сделки дают основания признать ее недействительной по основаниям ст. 10 и 168 ГК РФ, в последние годы не наблюдается, то есть какие именно обстоятельства совершения сделки выходят за рамки признаков ее подозрительности, остается, как правило, неизвестным.

Так, Р. К. Лотфуллин обоснованно указывает, что ни законодательством, ни судебной практикой не установлено какого-либо универсального и объективного критерия, позволяющего суду при рассмотрении любых обособленных споров вне зависимости от фактических обстоятельств дела производить бесспорное и однозначное разграничение состава недействительности сделки по ст. 10 ГК РФ и недействительности сделки по ст. 61.2 Закона о банкротстве¹³.

Складывается печальная ситуация, когда арбитражный управляющий (конкурсный кредитор) в попытке признать откровенно фраздаторную сделку из «серой зоны» недействительной, обращается к гражданско-правовым

основам ст. 10 и 168 ГК РФ, но это не приводит к положительному результату.

Соответственно, при наличии такого строгого разграничения специальных и основных составов недействительности не менее важна правоприменительная лояльность толкования нормы о периоде подозрительности с учетом каждого конкретного дела и его особенностей, то есть необходима дискреция в рассматриваемом вопросе, что позволит решить проблему правовой неопределенности недействительных сделок, не включенных в период подозрительности формально, но отвечающих всем иным условиям признания их недействительными по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Исторический контекст

Рассуждая о соотношении интересов кредиторов должника и третьих лиц, которые приобрели его имущество, Г. Ф. Шершеневич полагал самой сложной именно эту задачу — «согласовать интересы различных претендентов на имущество несостоятельного должника с интересами общественного кредита»¹⁴, что подразумевало под собой также необходимость определения правильной даты, от которой можно рассчитать период оспаривания сделок должника.

При этом он признавал неверным исчисление периода оспаривания от прекращения платежей до открытия конкурсного производства (как это было распространено в законодательствах того времени), поскольку «этот промежуток времени представляется крайне неравномерным. Объявление о несостоятельности может следовать непосредственно за прекращением платежей, на расстоянии двух,

мическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2023 № 305-ЭС21-8027(7) по делу № А40-225341/2019 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.11.2023 № 306-ЭС23-14897 по делу № А65-24538/2020.

За прошедшие годы накопился огромный пласт судебных постановлений по данному вопросу (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009 ; определения Верховного Суда РФ от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034 ; от 29.04.2016 № 304-ЭС15-20061 ; от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886).

¹³ Лотфуллин Р. К. Указ. соч. С. 146.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 262.

трех дней. Оно может отдаляться от него значительным пространством времени в несколько месяцев и несколько лет». На этом основании Г. Ф. Шершеневич отмечал стремление законодательств «заключить в известные границы тот период деятельности несостоятельного должника, когда его действия становятся подозрительными и способными к опровержению»¹⁵.

Нельзя остаться равнодушным к описанию Г. Ф. Шершеневичем особенностей регулирования данного вопроса в английском праве: «обратное действие несостоятельности начинается не с момента ее объявления, а со времени события, признанного законом за выражение несостоятельности, если только оно произошло не далее чем за три месяца до наступления просьбы об открытии конкурсного производства, считая от этого времени назад на два года, закон признает недействительными отчуждения, произведенные несостоятельным должником». Применительно к сделкам, совершенным с умыслом причинить вред кредиторам, ущерб, с учетом осведомленности третьего лица об их цели, Г. Ф. Шершеневич указывал, что «они не могут пользоваться такими ограничениями»¹⁶. Для ряда отчуждений был установлен 10-летний период опровержения¹⁷.

Здесь можно отметить прекрасное воплощение идеи о неправильности постановки начальной даты периода подозрительности в зависимость от воли субъекта и необходимости максимального объективирования исходного момента периода: привязки не к моменту объявления, а к *событию*, выражающему несостоятельность по норме закона.

Французская система конкурсного оспаривания подразумевала три варианта исчисления периода оспаривания: 1) до прекращения пла-

тежей или за 10 дней перед ним¹⁸; 2) от прекращения платежей или 10 дней перед ним до объявления несостоятельности; 3) от объявления несостоятельности. Примечательно, что действия, совершенные в первый период, сохраняют юридическую силу, за исключением случаев, совершенных умышленно в ущерб кредиторам; в рамках этой группы сделок могут быть оспорены: безвозмездные сделки, платежи по непросроченным обязательствам, исполнение по просроченным обязательствам неустановленными способами, установление ипотечного или залогового права по сделкам, заключенным ранее¹⁹. Здесь очевидно, что установлена система градации и объективации при исчислении периода подозрительности в зависимости от момента совершения сделки и ее обстоятельств.

Немецкая система конкурсного оспаривания устанавливала также три группы периодов для опровержения действий должника: 1) до прекращения платежей; 2) от прекращения платежей, или за 10 дней до этого, или от заявления просьбы об открытии конкурсного производства до объявления несостоятельности; 3) от объявления несостоятельности. Акцент здесь, пожалуй, важно поставить на том, что в рамках первого периода оспаривания могут опровергаться действия, которые совершены заведомо и явно с целью причинения вреда кредиторам при условии, что контрагент должника знал о таком умысле²⁰.

Как указывал Г. Ф. Шершеневич, исходный момент второго периода является неопределенным, это может быть или прекращение платежей, или открытие конкурсного производства, или 10-й день до прекращения платежей. Такое разнообразие, по его мнению, не могло быть одобрено²¹.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 269.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 270.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 285.

¹⁸ Подробнее о разграничении сделок внутри первой группы в рамках торговой несостоятельности см.: Гримм Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 126–191.

¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 273–276.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 277–278.

²¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 279.

Ну и, наконец, русская система оспаривания не отличалась логичностью, стройностью и ясностью («не существует никакого общего плана», «постановления русского законодательства» являются «отрывочными и разрозненными»²²). Как писал Г. Ф. Шершеневич, «вопрос о силе юридических действий, отчуждений и сделок, совершенных несостоятельным должником до открытия конкурсного производства, составляет большое место русского законодательства»²³.

Для безвозмездных отчуждений (в пользу супруга или также детей и родственников в случае торговой несостоятельности) устанавливался срок — 10 лет до объявления несостоятельности²⁴. Вместе с тем применительно к возмездным отчуждениям, а также к отчуждениям, квалифицируемым как подложное переукрепление имущества (п. 2 ст. 1529 ч. 1 т. 10 Свода законов Российской империи²⁵), отсутствует регулирование относительно «исходного момента опровержения действий — прекращения платежей», что, по мысли Г. Ф. Шершеневича, приводит к отсутствию какой-либо опоры для кредиторов при доказывании осведомленности должника о последствиях совершения сделки²⁶.

Примечательно, что в Законе от 03.07.1916 об оспаривании сделок, совершенных должниками во вред кредиторам²⁷, которым вносились дополнения и примечания в ст. 1529 Свода законов Российской империи в виде правил об оспаривании сделок, совершенных должниками во вред кредиторам²⁸, предусматривался пятилетний период до объявления несостоятельности для оспаривания безвозмездных сделок,

при этом сделки, совершенные должником с намерением причинить вред кредиторам и осведомленностью контрагента должника о таковом намерении, подлежали оспариванию вне конкретного нормативно определенного периода.

Однако, по мнению Д. Д. Гримма, «общее сокращение давностного срока для всех случаев оспаривания фраздаторных актов должников не представляется достаточно обоснованным». В тех случаях, когда и должник и его контрагент действовали недобросовестно, такое сокращение не может быть оправдано²⁹.

Безусловно, нельзя не признать, что проблема верной идентификации и исчисления периода подозрительности не может быть разрешена поверхностно точным определением его начальной даты и установлением четкого срока. Проблема имеет более глубокий подтекст, связанный, как было указано выше отсылкой к позиции Г. Ф. Шершеневича, с поиском баланса в интересах должника, кредиторов и лиц — приобретателей имущества должника с поиском золотой середины для учета интересов кредиторов и третьих лиц, обеспечения стабильности гражданского оборота.

Так, А. Х. Гольмстен обращал внимание на существующую опасность для прочности гражданского оборота на примере безвозмездных сделок, оправдывая существование законодательно определенного короткого срока для их оспаривания: «не будь этого срока, можно было бы с совершенной легкостью опровергать все дарственные акты, когда-либо совершенные

²² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 286.

²³ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 286.

²⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 288–289.

²⁵ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Изд. 1900 г. С. 130–131. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/ (дата обращения: 27.05.2024).

²⁶ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 293.

²⁷ См.: Закон от 03.07.1916 об оспаривании сделок, совершенных должниками во вред кредиторам // Библиотека «Банкротного клуба». URL: <https://bankruptclub.ru/2020/01/29/%d0%b7%d0%b0%d0%ba%d0%be%d0%bd-03-%d0%b8%d1%8e%d0%bb%d1%8f-1916-%d0%b3/> (дата обращения: 27.05.2024).

²⁸ Подробнее о данном законе см.: Крутий Е. А. Институт внеконкурсного оспаривания сделок, совершенных должником в ущерб интересам кредиторов: история становления в России // Вестник Ивановского государственного университета. 2020. № 2. С. 26–34.

²⁹ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 126–191.

должником, признав их убыточными для кредитора, хотя бы они и были совершены *sine animo fraudandi* (без намерения причинить вред)»³⁰.

Между тем о проблеме соотношения указанных интересов Х. Коциоль писал, что, «как только наступает экономическая несостоятельность и тем самым, как правило, особенно опасная ситуация для кредиторов, требования для оспоримости снижаются; интересы кредиторов о получении максимально полного удовлетворения их требований учитываются в большей мере, чем интересы третьих лиц о сохранении ими полученного. Это соответствует признанному также в регулировании возмещения вреда принципу, согласно которому чем сильнее подвергаются рискам интересы других лиц, тем каждый принимает на себя большее ограничение своей свободы действий»³¹.

Таким образом, попытка познания заявленной проблемы на более глубоком уровне цивилистических изысканий может лишь подтвердить первоначально сделанное предположение о том, что период подозрительности не всегда и не константно во всех делах должен определяться четким сроком с привязкой к определенной дате.

Современные подходы к исчислению периодов подозрительности³²

В современном законодательстве Германии оспаривание действий должника с причинением имущественного вреда кредиторам регулируется § 133 Положения ФРГ о несостоятельности, в котором установлен 10-летний период до подачи заявления о признании должника несостоятельным. В соответствии с абз. 2 § 133 Положения ФРГ о несостоятельности предусмотрен двухгодичный период оспаривания возмездной сделки, совершенной с лицами из близкого окружения должника. В § 134 Положения ФРГ о несостоятельности установлен четырехлетний период оспаривания безвозмездных действий (для этого состава не используются субъективные коррективы, а только безвозмездность)³³.

Английская версия иска восходит к Акту 1571 эпохи Елизаветы, который, несмотря на последующие изменения в Англии, применяется в некоторых странах английской юрисдикции и предусматривает возможность оспорить любую передачу прав, сделанную с намерением обмана кредиторов, по заявлению любого лица, которому нанесен ущерб, с неограниченным периодом подозрительности. Впоследствии данный статут был изменен и переработан в 1925 г., а затем в 1986 г. с аналогичным смыслом³⁴. Так, период оспаривания сделок, совершенных с

³⁰ Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. М., 2019. С. 80–81.

³¹ Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 3. С. 238–239.

³² Поскольку в большей степени для целей статьи интересны периоды подозрительности для умышленных сделок с причинением вреда кредиторам, следует посмотреть на регулирование именно данного вопроса применительно к некоторым другим зарубежным законодательствам, безусловно, принимая в расчет, что данный обзор является поверхностным и может не учитывать какие-то нюансы и детали (в том числе связанные с зависимостью величины периода подозрительности от наличия (отсутствия) института внеконкурсного оспаривания в конкретной юрисдикции, взаимосвязи субъективных и объективных критериев оспаривания, а также — более глобально — степени развитости экономики конкретной юрисдикции, что тоже немаловажно).

³³ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018.

³⁴ Подробнее об историческом развитии см.: Wood P. R. Principles of International Insolvency. P. 2. London: Sweet & Maxwell. 2007. Art. 17–019. URL: <https://southsquare.com/articles/avoidance-provisions-in-england-and-australia-a-historical-introduction/> (дата обращения: 27.05.2024).

обманом кредиторов, согласно Закону 1986 г. в настоящее время не ограничен, за исключением обычных сроков исковой давности безотносительно к несостоятельности³⁵.

В испанском законе период подозрительности для мошеннических сделок составляет четыре года до объявления несостоятельности³⁶.

В Федеральном законе о взыскании долгов и банкротстве Швейцарии (ст. 288) период подозрительности для злонамеренных сделок должника с умыслом причинения вреда составляет пять лет (до момента наложения ареста на имущество или открытия процедуры банкротства)³⁷.

В законе Лихтенштейна (ст. 67, 74) отсутствует период подозрительности для подобных сделок (оспаривание возможно «независимо от времени совершения»), однако предусмотрен срок исковой давности — пять лет от времени совершения сделки³⁸.

Согласно бельгийскому законодательству любые мошеннические сделки (платежи) в пользу кредиторов не имеют исполнительной силы независимо от того, когда они были произведены³⁹. В Венгрии сделки, направленные на обман кредиторов путем сокрытия имущества должника, могут быть оспорены в течение пяти лет, предшествующих дате подачи заявления об открытии ликвидационного производства (для сделок с неравноценной стоимостью период подозрительности составляет три года)⁴⁰.

Как следует из п. 188 Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности относительно периода подозрительности, «период подозрительности в большинстве законодательств оговаривается зачастую конкретно с определением

даты, начиная с которой такой период рассчитывается ретроактивно. Речь может идти об определенном числе дней или месяцев, предшествующих какому-либо конкретному событию или дате, например дате подачи заявления об открытии производства, фактической дате открытия производства по делу о несостоятельности или дате, объявленной по решению суда датой прекращения оплаты должником своих долгов в обычном порядке». При этом обращается особое внимание на возможную задержку между датой подачи заявления и открытием производства в ситуации, когда период подозрительности представляет собой фиксированный ретроактивный период, исчисляемый с даты открытия производства. Для предотвращения сложностей в подобных ситуациях рекомендовано исчислять период подозрительности с даты подачи заявления⁴¹.

В пункте 189 вышеуказанного Руководства отмечается, что во многих законодательствах вовсе не ограничивается срок оспаривания для сделок, связанных с совершением умышленных противоправных действий, либо установлен весьма длительный период подозрительности (от одного года до 10 лет). Кроме того, в п. 191 не исключается возможность судебного продления периода подозрительности (использование дискреционного подхода) применительно к сделкам, совершенным с намерением затруднить либо задержать действия кредиторов или воспрепятствовать им.

Как указывает М. В. Телюкина, в законодательствах тех стран, которые делают ставку на субъективный подход оспаривания (то есть при оспаривании учитывается субъективный

³⁵ Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard. P. 162.

³⁶ Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through. P. 403.

³⁷ URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/11/529_488_529/de#art_288 (дата обращения: 27.05.2024).

³⁸ Rechtssicherungs-Ordnung vom 9. Februar 1923 // URL: <https://www.gesetze.li/konso/1923008000> (дата обращения: 27.05.2024).

³⁹ Article XX.114 of the Code of Economic Law // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/2222778e.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴⁰ Article 424 of the Civil Code // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/2222778e.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴¹ URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/05-80724_ebook.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

элемент — наличие умысла на причинение вреда), как правило, устанавливаются более длительные периоды подозрительности. Ученый соглашается с тем, что период подозрительности («вплоть до бесконечности») разумно удлинять в отношении сделок с доказанным намерением причинения вреда, при этом признает, что «имеющиеся в настоящее время нормы далеко не всегда предоставляют возможность оспорить сделки, признание которых недействительными целесообразно в целях защиты интересов кредиторов», отмечая, что в ее практике также встречалась ситуация, когда суд отказал в удовлетворении заявления о признании сделки, совершенной с прямой целью причинения вреда кредиторам, по тому основанию, что она совершена за рамками периода подозрительности⁴².

Таким образом, очевидно, что во многих юрисдикциях период оспаривания для сделок, совершенных с обманом и намерением причинения ущерба, либо превышает три года, либо вовсе отсутствует как объективный критерий. Безусловно, важно и то, что некоторые юрисдикции допускают возможность оспаривания сделок должника отдельными кредиторами вне процедур банкротства (внеконкурсное оспаривание), соответственно, необходимость длительного периода подозрительности в данном случае отсутствует как таковая, кредиторы сами

по себе обладают мощным инструментарием для оспаривания сделок, не ожидая открытия конкурсных процедур. В России, напротив, практика внеконкурсного оспаривания только набирает обороты, но в отсутствие необходимого законодательного регулирования⁴³, а период подозрительности для злонамеренных сделок должников по сравнению с юрисдикциями многих стран значительно короче. Важно и то, что в некоторых юрисдикциях период подозрительности привязан к дате подачи заявления об открытии конкурсных процедур.

Эволюция периода подозрительности в ретроспективный период оспаривания в практике Судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам

Впервые вопрос об особенностях исчисления периода оспаривания применительно к периоду предпочтительности по сделкам, требующим государственной регистрации обременения права и договора, был рассмотрен в одном из обособленных споров по делу № А56-71819/2012 (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016 № 307-ЭС15-17721(4)). Судебная коллегия напомнила, что ипотечное обременение и вытекающие из него последствия, в том числе связанные с включени-

⁴² Телюкина М. В. Механизм Actio pauliana как конкурсно-правовой способ защиты интересов кредиторов. Минск : Право и экономика, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴³ В настоящее время продолжают развиваться институты внеконкурсного оспаривания в России. См., например: Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 818 (автор комментария — А. Г. Карапетов) ; Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54 ; Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15 (2). С. 105–112.

Кроме того, встречаются важные разъяснения высших инстанций о допустимости оспаривания сделки в рамках внеконкурсного оспаривания. Например, пунктом 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»» предусмотрено право заинтересованного лица оспорить со ссылкой на ст. 168 (п. 2) и ст. 10 ГК РФ сделку должника, совершенную в нарушение его прав и законных интересов как кредитора должника, однако отсутствует указание на сопутствующую возможность инициировать реституционный иск.

ем в реестр требований залогового требования, по общему правилу возникают только при условии наличия соответствующей записи об обременении в ЕГРП. Применительно к рассматриваемому делу в регистрации договора ипотеки и самого обременения на его основании было отказано, впоследствии регистрирующий орган был обязан зарегистрировать договор ипотеки и внести в ЕГРП запись о возникновении соответствующего обременения на основании решения арбитражного суда. Коллегия пришла к выводу, что датой совершения сделки, которая имеет значение для соотнесения ее с периодом предпозитивности, следует признать дату вступления в законную силу решения суда.

Выработанная в этом определении правовая позиция послужила важным фундаментом для дальнейшего развития намеченного подхода. Так, в одном из обособленных споров в рамках дела № А56-31805/2016 оспаривалась сделка отчуждения должником недвижимого имущества, совершенная 13 мая 2013 г. Суд первой инстанции отказал в признании ее недействительной по основаниям, предусмотренным пунктом 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в связи с тем, что возбуждение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) состоялось спустя три года и четыре дня, то есть сделка отстала от периода подозрительности всего лишь на четыре дня.

Здесь нельзя удержаться от критического комментария о том, что очевидно неуместным является до сих пор существующий правоприменительный подход строгого соблюдения буквы закона в тех ситуациях, когда в условиях откровенно фраздаторной сделки решающим фактором ее спасения является не отсутствие, скажем, кредиторской задолженности на момент ее совершения или объективного банкротства, а банальное несовпадение периода оспаривания с датой совершения сделки, выраженное в календарных днях.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ при рассмотрении данного обособленного спора в определении от 09.07.2018

№ 307-ЭС18-1843 по делу № А56-31805/2016 указала, что при исчислении периода подозрительности в расчет надлежит брать дату *фактического вывода активов*, под которой подразумевается дата исполнения сделки путем отчуждения имущества: «конструкция купли-продажи недвижимости по российскому праву предполагает, что перенос титула собственника производится в момент государственной регистрации. Поэтому для соотнесения даты совершения сделки, переход права на основании которой (или которая) подлежит государственной регистрации, с периодом подозрительности учету подлежит дата такой регистрации».

Данный подход впоследствии стал активно применяться при рассмотрении судами нижестоящих инстанций аналогичных дел и нашел подтверждение в последующих определениях судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам⁴⁴, впрочем, строго в рамках обозначенных узких границ толкования и соотнесения периода подозрительности именно с датой государственной регистрации перехода (обременения) прав по сделкам с недвижимым имуществом. Однако, по сути, далеко не всегда фактически актив выводится именно в дату государственной регистрации перехода права. В частности, в ситуациях, когда государственная регистрация перехода права на жилое помещение произведена, однако снятие с учета продавца или членов его семьи по адресу местонахождения реализованного жилья состоялось гораздо позже, следует ли принять за дату фактического выбытия имущества именно наиболее позднюю из дат?

Всё же в настоящее время норму, регламентирующую порядок исчисления периода подозрительности для сделок отчуждения недвижимости, надлежит применять с учетом оговорки: с периодом оспаривания соотносится дата фактического вывода активов, то есть дата исполнения сделки. Если переход (обременение) права подлежит государственной регистрации, то необходимо ориентироваться на дату государственной регистрации перехода (обременения)

⁴⁴ См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.04.2024 № 310-ЭС15-7336(40) по делу № А62-7344/2013.

права либо дату вступления в законную силу судебного решения о таковой регистрации.

Следующую особенность определения периода оспаривания применительно к периоду предпочтительности Судебная коллегия сформулировала при рассмотрении обособленного спора в рамках дела № А40-188168/2014 (определение от 31.01.2020 № 305-ЭС19-18631(1,2)), в котором был поставлен вопрос о недействительности соглашения об отступном между должником и его бывшим участником, заключенным в процедуре наблюдения в рамках первого дела о банкротстве должника. Первое дело о банкротстве было прекращено впоследствии в связи с погашением требований всех включенных в реестр кредиторов. Менее чем через полгода после прекращения первого дела о банкротстве было возбуждено второе дело о банкротстве должника.

Судебная коллегия признала, что в данной ситуации второе дело является фактически продолжением первого дела, в том числе для целей исчисления периода подозрительности (предпочтительности). Одновременно были сформулированы условия, при которых можно признать транзит периода предпочтительности (подозрительности) из первого дела во второе:

- на момент возбуждения второго дела о банкротстве у должника остались текущие кредиторы;

- на момент возбуждения второго дела у должника имеются кредиторы, которые не успели включиться в реестр в рамках первого дела.

Следующим знаковым и очень важным, безусловно, является определение судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам от 04.03.2021 № 305-ЭС17-2507(21) по делу № А41-1022/2016, которым развивается намеченный подход к транзитному порядку исчисления периода предпочтительности (подозрительности) в случае передачи дела по подсудности, начиная с первого возбужденного дела о банкротстве, независимо от его последующей передачи в иной суд. В то же время более интересными и актуальными являются выводы: коллегия признает, что баланс интересов должника, кредиторов и его контрагентов по сделке, а также

стабильность гражданского оборота могут быть достигнуты посредством определения критериев подозрительности сделки и установления *ретроспективного периода глубины проверки сделки*, то есть фактически намечен отход от буквального толкования нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части четкого срока, применяемого судом зачастую слишком конкретно, вплоть до календарных дней, в пользу правотворческого, когда допустимо отступление и изменение периода в целях поиска баланса интересов всех заинтересованных лиц.

Так, в данном обособленном споре судебная коллегия как бы подменяет *формальный* подход к определению периода подозрительности на *дискретный* ретроспективный период глубины проверки сделки и указывает на возможность его установления с учетом обстоятельств дела, которые, казалось бы, в данном случае уже привычны, судя по ранее высказанным подходам, и очевидны: передача дела по подсудности не «обнуляет» период подозрительности.

Однако здесь наиболее важны следующие тезисы, которые, видимо, заложены коллегией уже на будущие споры и намечены пока небольшими и неявными стежками. Коллегия обратила внимание на то, что за три года до возбуждения первого дела в Арбитражный суд города Москвы поступали заявления ряда лиц с требованием о признании должника банкротом, которые последовательно оставались судом без рассмотрения в связи с погашением управлением задолженности до дня проверки судом обоснованности заявления кредитора.

По мысли коллегии, установление ретроспективного периода оспаривания позволит проверить сделки, которые были совершены «в искусственно созданных самим должником условиях видимости его финансового благополучия, но в действительности были направлены на вывод ликвидных активов управления с недобросовестными целями». Из изложенного следует, что, по сути, период подозрительности может и не совпадать со своим нормативно определенным прототипом и даже выходить за его рамки ретроспективно и существенно.

Однако допущены важные оговорки, которые и делают сформулированный подход очень

осторожным: 1) при установлении данного периода проверки сделок важно учесть и то, что должник фактически продолжал свою хозяйственную деятельность, в том числе достраивал многоквартирные дома, то есть совершал и обычные хозяйственные сделки; 2) установление иного периода подозрительности не должно вести к дестабилизации сложившихся материальных правоотношений и само по себе не является основанием для пересмотра уже проверенных судами требований кредиторов должника.

Подобные подходы постепенно развиваются в судебной практике нижестоящих судов.

Так, в одном из дел должник в ходе выездной налоговой проверки реализовал всё свое ликвидное имущество, а впоследствии длительно оспаривал результаты выездной налоговой проверки. Это привело к тому, что ко времени возбуждения дела о банкротстве по заявлению налогового органа все самые интересные сделки в период подозрительности не вошли. По итогам пересмотра обособленного спора Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 19.09.2023 № Ф04-3929/2023 по делу № А70-6184/2021 пришел к следующему выводу: «Поскольку настоящее дело о банкротстве могло быть возбуждено Управлением ФНС России только по истечении трехлетнего срока после совершения должником указанных сделок, возможно, направленных на вывод активов из имущественной массы должника с целью воспрепятствования обращению на него взыскания по обязательным платежам, уполномоченный орган не может быть лишен такого эффективного способа защиты имущественных прав, как оспаривание подозрительных сделок и применение последствий в виде реституции (возвращение имущества должника в конкурсную массу по недействительным сделкам). Установление ретроспективного периода подозрительности позволило бы проверить спорные сделки как совершенные в созданных самим должником условиях, препятствующих возбуждению в отношении него дела о банкротстве и [способствующих] искусственному отдалению от даты совершения сделок периода подозрительности».

Любопытно, что в рамках этого дела, но по другим обособленным спорам, которые дошли до ВС РФ, в отказных определениях ВС РФ не исключается такая возможность, как уточнение периода подозрительности в случае, если в выше процитированном споре при новом рассмотрении будут установлены злонамеренные действия должника по *искусственному* изменению периода подозрительности.

Всё же, как показал пример обособленного спора по делу, обозначенному в самом начале статьи, далеко не все суды обращают внимание на данную практику и соглашаются отступать от буквального толкования нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части исчисления периода подозрительности.

Выводы

Проведенный анализ правоприменительной трансформации подходов к исчислению периода подозрительности лишь подчеркивает сложившуюся на сегодняшний день острую потребность в изменении самой правовой нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части его регламентации. Очевидно, что существует серьезный дисбаланс в урегулировании данного вопроса между нормами закона и практикой его применения: внеконкурсное оспаривание нормативно не закреплено, несмотря на обилие практики и научных изысканий, практика применения норм ст. 10, 168 (п. 2) ГК РФ к фraudаторным сделкам в рамках конкурсного оспаривания строго ограничена в связи с опасениями размытия границ общих и специальных оснований и злоупотреблений со сроками исковой давности, но в то же время очевидна яркая попытка правоприменителя перейти от нормативного подхода к исчислению периода подозрительности к дискретному ретроспективному периоду глубины проверки сделок должника. В такой расбалансировке весьма уютно себя чувствуют недействительные сделки должника из «серой зоны». Как видится, в рассматриваемой ситуации необходима как минимум законодательная работа: увеличение самой длительности периода подозрительности

применительно к фраздаторным сделкам; установление в качестве даты исчисления периода подозрительности — даты подачи заявления о несостоятельности (банкротстве) либо даты включения в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц

уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом; предоставление судам права дискретного определения (продления, изменения) периода подозрительности ретроспективно в определенном коридоре возможностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. — М., 2019. — 264 с.
2. Гримм Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. — 2010. — № 4. — С. 126–191.
3. Калугин В. Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2024. — 175 с.
4. Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. — 2012. — № 4. — С. 22–26.
5. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. — 2017. — Т. 17. — № 3. — С. 205–294.
6. Крутий Е. А. Институт внеконкурсного оспаривания сделок, совершенных должником в ущерб интересам кредиторов: история становления в России // Вестник Ивановского государственного университета. — 2020. — № 2. — С. 26–34.
7. Кузлугуртова А. Ш. Искусственное изменение периода подозрительности по делам о банкротстве в практике Верховного Суда РФ // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 5. — С. 41–45.
8. Лотфуллин Р. К. Оспаривание сделок при банкротстве. — М., 2019. — 328 с.
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.
10. Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 15 (2). — С. 105–112.
11. Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 655 с.
12. Телюкина М. В. Механизм Actio pauliana как конкурсно-правовой способ защиты интересов кредиторов // Минск : Право и экономика, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).
13. Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. — 2017. — № 5. — С. 8–54.
14. Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. — Казань : Типография Императорского университета, 1898. — 499 с.
15. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. — М. : Статут, 2018. — 239 с.
16. Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard. — 2017. — 406 p.
17. Wood P. R. Principles of International Insolvency. Part 2. — London : Sweet & Maxwell, 2007.

Материал поступил в редакцию 29 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golmsten A. Kh. Uchenie o prave kreditora oprovergat yuridicheskie akty, sovershennye dolzhnikom v ego ushcherb, v sovremennoy yuridicheskoy literature / pod red. A. G. Smirnykh. — M., 2019. — 264 s.
2. Grimm D. D. Osparivanie aktov, sovershennykh vo vred kreditoram (po povodu zakonoproekta, vnesennogo v Gosudarstvennuyu Dumu) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2010. — № 4. — S. 126–191.
3. Kalugin V. Yu. Materialno-pravovye i protsessualnye aspekty zashchity ot konkursnogo osparivaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2024. — 175 s.
4. Karelina S. A. Podozritelnye sdelki v protsesse nesostoyatelnosti (bankrotstva): pravovye problemy osparivaniya // Predprinimatelskoe pravo. — 2012. — № 4. — S. 22–26.
5. Kotsiol Kh. Osnovy i spornye voprosy osparivaniya deystviy dolzhnika, sovershennykh vo vred ego kreditoram (nachalo) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2017. — T. 17. — № 3. — S. 205–294.
6. Krutiy E. A. Institut vnekonkursnogo osparivaniya sdelok, sovershennykh dolzhnikom v ushcherb interesam kreditorov: istoriya stanovleniya v Rossii // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2020. — № 2. — S. 26–34.
7. Kuzulgurtova A. Sh. Iskusstvennoe izmenenie perioda podozritelnosti po delam o bankrotstve v praktike Verkhovnogo Suda RF // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2021. — № 5. — S. 41–45.
8. Lotfullin R. K. Osparivanie sdelok pri bankrotstve. — M., 2019. — 328 s.
9. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynny kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / A. V. Asoskov, V. V. Baybak, R. S. Bevzenko [i dr.]; otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2020. — 1469 s.
10. Sviridenko O. M. Osparivanie sdelok vo vred kreditoram vne protsedury bankrotstva (vnekonkursnoe osparivanie) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — № 15 (2). — S. 105–112.
11. Suvorov E. D. Problemy realizatsii printsipa ravenstva kreditorov nesostoyatel'nogo dolzhnika: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2022. — 655 s.
12. Telyukina M. V. Mekhanizm Actio pauliana kak konkursno-pravovoy sposob zashchity interesov kreditorov // Minsk: Pravo i ekonomika, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (data obrashcheniya: 27.05.2024).
13. Usacheva K. A. Vnekonkursnoe osparivanie povedeniya dolzhnika, prichinyayushchego vred ego kreditoram: rossiyskoe pravo i evropeyskaya pravovaya traditsiya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2017. — № 5. — S. 8–54.
14. Shershenevich G. F. Konkursnoe pravo. — Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. — 499 s.
15. Shishmareva T. P. Nedeystvitelnost sdelok i deystviy v protsedurakh nesostoyatelnosti v Rossii i Germanii. — M.: Statut, 2018. — 239 s.
16. Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard. — 2017. — 406 p.
17. Wood P. R. Principles of International Insolvency. Part 2. — London: Sweet & Maxwell, 2007.

Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом

Аннотация. В статье представлен анализ регламентации полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства в законодательстве ряда зарубежных стран. Производится сравнение с полномочиями прокурора в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Отмечается, что в подавляющем большинстве зарубежных государств прокурор наделен бóльшим объемом полномочий и что, согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству, прокурор, имея большой объем полномочий при производстве предварительного расследования в форме дознания, обладает гораздо меньшим объемом полномочий при производстве предварительного следствия, что является, по мнению автора, требующим устранения недостатком российского уголовно-процессуального закона. Делается вывод о том, что для повышения эффективности надзорной деятельности прокурора в сфере уголовного судопроизводства представляется весьма разумным возвращение прокурору части утраченных после реформы 2007 г. полномочий, в том числе связанных с возбуждением уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; законодательство зарубежных стран; прокурорский надзор; предварительное расследование; полномочия прокурора; возбуждение уголовного дела; надзор за производством предварительного расследования; эффективность прокурорского надзора; руководство предварительным расследованием.

Для цитирования: Корнакова С. В. Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 149–155. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.149-155.

The Power of Prosecutors in the Field of Criminal Proceedings in Russia and Abroad

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
Svetlana-kornakova@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the regulation of the prosecutor's powers in the field of criminal proceedings in the legislation of a number of foreign countries. A comparison is made with the powers of the prosecutor in Russian criminal procedure legislation. It is noted that in the overwhelming majority of foreign countries the prosecutor is vested with a greater range of powers. According to Russian criminal procedure legislation, the prosecutor, having a large volume of powers in the conduct of a pre-trial investigation in the form of an inquiry, has a much smaller

© Корнакова С. В., 2025

* Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета
Ленина ул., д. 11, г. Иркутск, Российская Федерация, 664003
Svetlana-kornakova@yandex.ru

volume of powers in the conduct of a preliminary investigation, which, in the author's opinion, is a shortcoming of the Russian criminal procedure law that requires elimination. The author concludes that in order to increase the efficiency of the prosecutor's supervisory activities in the area of criminal proceedings, it seems quite reasonable to return to the prosecutor some of the powers lost after the 2007 reform, including those related to the initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; legislation of foreign countries; prosecutorial supervision; preliminary investigation; powers of the prosecutor; initiation of a criminal case; supervision of the preliminary investigation; prosecutorial supervision efficiency; preliminary investigation management.

Cite as: Kornakova SV. The Power of Prosecutors in the Field of Criminal Proceedings in Russia and Abroad. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):149-155. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.149-155.

Как известно, нормы и принципы международного права, которые принимает Российская Федерация, а также ратифицированные международные договоры, согласно ст. 15 Конституции РФ, имеют большую юридическую силу, нежели национальные нормативные правовые акты. В соответствии с данной позицией уместно соотнесение внутреннего законодательного регулирования деятельности органов прокуратуры с общепринятыми международными правовыми стандартами. К последним можно отнести следующие международные правовые акты: принятая в 2003 г. Рекомендация ПАСЕ «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона»¹; принятая в 2000 г. Рекомендация Комитета министров Совета Европы № 19 «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия»²; принятые в 1990 г. Конгрессом ООН Руководящие принципы, касающиеся роли прокуратуры по предупреждению преступности и обращению с преступниками³.

Государства — члены Совета Европы используют весьма сходные стандарты осуществления прокурорского надзора за деятельностью орга-

нов предварительного расследования. В соответствии с международными правовыми документами и стандартами прокуроры обладают рядом полномочий:

- 1) правом приостановить или прекратить производство по уголовному делу и уголовное преследование. Органам предварительного расследования для прекращения уголовного дела и уголовного преследования необходимо получить согласие прокурора;
- 2) правом лично проводить на стадии предварительного расследования ряд процессуальных действий, а также непосредственно осуществлять расследование;
- 3) правом избирать, изменять или отменять меру пресечения;
- 4) правом давать уголовно-правовую квалификацию действиям лиц, совершивших преступление, а также согласовывать объявление лица в розыск;
- 5) правом давать обязательные для исполнения органами расследования письменные указания по выбору направления расследования;
- 6) прокурором принимается решение о направлении уголовного дела в суд;

¹ Рекомендация № 1604 (2003) Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» (принята 27 мая 2003 г. в г. Кишиневе, № 9796).

² Рекомендация № R(2000)19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (принята 6 октября 2000 г. на 724-м заседании представителей министров) (вместе с Пояснительной запиской, Комментариями...) // Совет Европы и Россия : сборник документов. М. : Юридическая литература, 2004. С. 746–779.

³ Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 27 августа — 7 сентября 1990 г.) // Права человека : сборник международных договоров. Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2002. С. 665.

7) любые вопросы, связанные с возбуждением, приостановлением, а также возобновлением производства по делу, подлежат разрешению прокурором.

Говоря об осуществлении эффективного прокурорского надзора за органами предварительного расследования, можно привести в пример Францию, где, как и в Российской Федерации, существует разделение между органами прокуратуры и следственными органами, однако подобное разделение никак не ограничивает прокурорский надзор, поскольку прокурор обладает широким объемом надзорных полномочий в отношении следственного судьи и судебной полиции. Именно эти органы занимаются расследованием по уголовным делам.

Процесс расследования уголовного дела во Франции начинается с того момента, как поступает информация о совершенном преступлении, после чего судебная полиция проводит предварительное расследование. По итогам предварительного расследования уголовное дело направляется прокурору, который дает ему юридическую оценку, а после этого принимает решение о возбуждении уголовного дела или отказе в этом. В случае отказа в возбуждении уголовного дела может последовать возбуждение публичного иска, которое предусматривает две процедуры: судебного рассмотрения и в дальнейшем рассмотрения дела по существу. Критерием, определяющим выбор, является сложность уголовного дела. Наиболее сложные уголовные дела рассматриваются следственным судьей, а все оставшиеся направляются в суд.

В обязанности следственного судьи входит проведение предварительного следствия и предъявление обвинения в тех случаях, когда для этого собран достаточный объем доказательств, либо, наоборот, прекращение уголовного производства по делу⁴.

Исходя из положений УПК Франции⁵, прокурор обладает следующими полномочиями:

1) на любой стадии предварительного следствия давать судебному следователю указания о производстве отдельных процессуальных действий или о ходе расследования уголовного дела в целом (ст. 82);

2) направлять мотивированные требования об отстранении одного судебного следователя и назначении другого в случае обнаружения нарушений уголовно-процессуального законодательства (ст. 84);

3) участвовать в производстве следственных действий, в том числе допросе обвиняемого или иных лиц, производстве опознания, очной ставки (ст. 92) и др.

Прокурор, присутствуя при допросе, не может лично провести допрос (ст. 119), однако законодатель наделил его правом получения разрешения у судебного следователя для постановки вопросов допрашиваемому. При этом процессуальная самостоятельность следственного органа не подрывается, так как судебный следователь имеет право отказать прокурору. Независимо от того, получил прокурор разрешение задавать вопросы или нет, все вопросы, которые его интересовали, должны быть отражены судебным следователем в протоколе допроса⁶.

Таким образом, во Франции прокурор осуществляет функции руководителя предварительного следствия, обладая большим объемом полномочий в рамках осуществления надзора за предварительным следствием. Он может вступать на любой стадии предварительного следствия в процесс расследования уголовного дела, а также брать на себя часть следственных функций. Вместе с тем, анализируя положение следственного судьи на предмет объема полномочий при производстве предварительного

⁴ Головки Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Франции // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/362587> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Хайруллина Э. А. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовному делу согласно уголовно-процессуальному законодательству Франции // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 155.

следствия, можно резюмировать, что следователь в Российской Федерации обладает большей процессуальной независимостью, нежели следственный судья во Франции. С одной стороны, следственный судья обязан исполнять указания прокурора при проведении следственных действий, с другой стороны, он организационно подчиняется суду, так как является частью судебной системы.

Основные задачи, которые ставит уголовно-процессуальная система перед органами прокуратуры во Франции:

- 1) поддержание государственного обвинения, участие в конкретных судебных заседаниях;
- 2) осуществление контроля за производством судебными следователями предварительного следствия;
- 3) возбуждение уголовных дел.

В Германии соответствующие полномочия прокурора также имеют свою специфику. В частности, согласно немецкому уголовно-процессуальному законодательству, следователем является сотрудник органов полиции, который проводит дознание с производством следственных действий под надзором прокурора⁷. Поэтому следователь полиции в Германии находится в полном процессуальном подчинении у надзирающего прокурора. Осуществляя расследование, следователь полиции собирает доказательства, формирует материалы уголовного дела, на основании которых прокурором принимаются соответствующие решения, например о возбуждении уголовного дела или же об отказе в этом⁸. В связи с тем что расследование совершенных преступлений осуществляют полиция и институт следственных судей, классическое понятие следователя в Германии отсутствует. Однако в уголовно-процессуальной доктрине Германии существует такое понятие, как «следственный судья», которым может быть любой судья, взявший конкретное уголовное дело к своему разрешению по существу⁹.

В немецкой системе прокурорского надзора за предварительным следствием можно выделить следующую специфику:

1. Все полномочия, связанные с производством следственных действий, принадлежат к кругу обязанностей полиции.
2. Отсутствие классического понимания следователя.
3. Формальные следователи в немецкой полиции фактически являются дознавателями с возможностью перейти к дознанию в упрощенной форме.
4. Тотальный контроль органов прокуратуры за сотрудниками полиции, осуществляющими дознание.
5. Сложная и многоуровневая система судебного контроля, осуществляющегося конкретным судьей в отношении уголовного дела и органов, его расследующих.
6. Наличие модели уголовного процесса с полным учетом принципа объективной истины, в силу которого органы прокуратуры и действующая под их надзором и контролем полиция обязаны расследовать уголовное дело всесторонне, максимально точно и объективно.

Основными участниками расследования уголовных дел в Германии фактически являются три должностных лица: прокурор, следственный дознаватель и следственный судья. В такой системе расследования уголовных дел за прокурором закрепляется обязанность устанавливать все значимые обстоятельства совершенного преступления, а объем его полномочий достаточно обширный: прокурор выступает в качестве руководителя расследования уголовного дела и имеет право принимать участие в его расследовании лично. Прокурор обладает большим спектром полномочий, он может выдавать предписания для производства следственных действий, допрашивать специалистов, экспертов, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, а также свидетеля с целью установления всех обстоятельств по уголовному делу.

⁷ Копылова И. Н. Устранение препятствий к рассмотрению судом уголовного дела: российская и германская модели построения института // Академический юридический журнал. 2019. Т. 20. № 3. С. 42–48.

⁸ Головки Л. В. Реформирование следственных органов в России // Вестник Московского университета. 2013. № 3. С. 50.

⁹ Головки Л. В. Реформирование следственных органов в России. С. 51.

Стоит отметить, что при неотложности следственных действий, в соответствии с УПК Германии, решения прокурора могут подменять решения судьи. Что касается следственных действий, которые затрагивают права и свободы человека и гражданина (например, выемка, прослушивание и запись телефонных разговоров), то они могут быть произведены с разрешения прокурора, основанием для этого является ситуация безотлагательности, но такое решение впоследствии должно быть подтверждено судьей (п. 1 § 98, п. 1 § 100, § 152 УПК Германии)¹⁰.

Как и в Германии, в Италии существует такая должность, как следственный судья. В обязанности следственного судьи входит сообщение прокурору о проводимых следственных действиях, а прокурор, в соответствии со ст. 112 Конституции Италии¹¹, вправе принимать участие в определенных следственных действиях, ограничивающих права и свободы граждан, например в задержании подозреваемого, прослушивании и записи телефонных разговоров¹². Указанное право применяется прокурором только в тех случаях, когда это необходимо для дальнейшего продвижения в ходе расследования по уголовному делу.

Еще одно интересное для рассмотрения с точки зрения осуществления прокурорского надзора за ходом предварительного расследования государство — Австрия, где прокурор также является руководителем процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Такой статус прокурор получил в связи с реформой 2004 г., по итогам которой был ликвидирован институт следственных судей, а их полномочия по надзору за следствием и дознанием были переданы прокурору. При

этом отметим, что австрийские юристы данную реформу оценивают позитивно¹³, выделяя в качестве положительных черт следующие:

1. Появление возможности разрешения следственных ситуаций, требующих коллективного и взвешенного, коллегиального решения (объединение прокуроров).

2. Прокурор, став фактически руководителем процессуальной деятельности следственных органов, принимает решения о предъявлении обвинения и направлении дела в суд. Подобная вовлеченность прокурора в ход расследования обеспечивает доскональное изучение им дела и принятие взвешенного, законного и справедливого решения.

3. Процессы, связанные с международным сотрудничеством в сфере уголовного преследования, отныне существенно облегчены, поскольку в большинстве европейских стран существует надзор за производством предварительного расследования, осуществление которого, как правило, прерогатива прокуратуры¹⁴.

Подводя итоги анализа осуществления прокурорского надзора за предварительным следствием в странах Европы, отметим, что в большинстве из них прокурор имеет право: заявлять перед судом ходатайства об избрании в отношении лица меры пресечения; надзирать за деятельностью органов предварительного расследования; проводить отдельные следственные мероприятия; лично расследовать преступления; принимать решения о направлении уголовного дела с обвинительным заключением или аналогом такого заключения в суд; обжаловать решения, принимаемые судом. Кроме того, прокурор обладает функцией поддержания государственного обвинения.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия = Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. Головненко, Н. Спица ; со вступ. ст. проф. У. Хелльманна. Потсдам, 2012. URL: https://www.sud.gov.kz/sites/default/files/upk_0.pdf.

¹¹ Конституция Итальянской Республики от 22.12.1947 // Конституции зарубежных государств : учеб. пособие. 8-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 279.

¹² Щерба С. П. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. 2011. № 6. С. 55.

¹³ См.: Pilnacek C. Ein Jahr StPO-Reform — Erwartungen, Realität und Zukunft // ÖJZ. 2009. № 62. S. 550–554.

¹⁴ Ильютченко Н. В. Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 15. С. 180.

Рассматривая органы прокуратуры и их взаимодействие с органами, осуществляющими предварительное расследование, стоит обратить внимание на уголовно-процессуальную систему Соединенных Штатов Америки, форма государственного устройства которых имеет сходство с Российской Федерацией, поскольку США имеют два уровня власти: федеральный уровень и уровень штатов (региональный). Следственные органы также разделяются по уровням власти. К следственным органам уровня штата относится полиция каждого конкретного штата, где расследуют преступления детективы, а к федеральным следственным органам можно отнести АНБ, ФБР и другие службы.

Исторически сложилось, что в англосаксонской правовой системе прокурор имеет право лишь давать консультации по направлению расследования, что в привычном понимании осуществления прокурорского надзора за органами расследования является достаточно слабой позицией. Полицейское расследование в США практически полностью процессуально независимо. Основная задача прокурора, как правило, заключается в поддержании государственного обвинения, а не в осуществлении строгого контроля за расследованием уголовных дел.

В США прокурор обладает следующими законодательно закрепленными обязанностями в рамках расследования уголовных дел: 1) если уголовное дело достаточно сложное, он обязан во взаимодействии с полицией разрабатывать план дальнейшего расследования; 2) должен следить за тем, чтобы органы, осуществляющие предварительное расследование, соблюдали уголовно-процессуальное законодательство; 3) в случае выявления факта получения доказательств правоохранительными органами в рамках расследования уголовного дела незаконным путем он обязан провести проверку и устано-

вить, было ли такое нарушение совершено органами предварительного расследования умышленно. Прокурор обязан обеспечить исключение полученных незаконным путем доказательств либо решить вопрос о возможности их использования, если это не сказывается негативно на ходе расследования, но должен уведомить стороны о полученных в нарушение уголовно-процессуального порядка доказательствах¹⁵.

Таким образом, во многих зарубежных странах прокурор обладает широким спектром полномочий по надзору за полицейским расследованием, в целом осуществляет руководство расследованием, имеет право участия в проведении расследования, а также проведения определенных следственных действий лично. В большинстве европейских государств прокурор наделен правом самостоятельно возбуждать и прекращать уголовные дела, что невозможно сказать о полномочиях органов прокуратуры в Российской Федерации. Согласно положениям УПК РФ после его изменений, принятых в 2007 г., прокурор, имея большой объем полномочий при производстве предварительного расследования в форме дознания, обладает гораздо меньшим объемом полномочий при производстве предварительного следствия, что, по справедливому мнению ученых, является требующим устранения недостатком российского уголовно-процессуального закона¹⁶. Кроме этого, вне зависимости от формы предварительного расследования, прокурор лишен права на возбуждение и прекращение уголовных дел. На наш взгляд, для повышения эффективности надзорной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве представляется весьма разумным возвращение прокурору части утраченных после реформы 2007 г. полномочий, в том числе связанных с возбуждением уголовного дела.

¹⁵ Standards on Prosecutorial Investigations // URL: https://www.americanbar.org/groups/criminal_justice/publications/criminal_justice_section_archive/crimjust_standards_pinvestigate/ (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁶ Гасымов А. Н. К вопросу о надзорной деятельности прокурора в досудебном производстве зарубежных стран // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 95; Малофеев И. В. Роль прокурора в осуществлении функции уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3. С. 9; Чубыкин А. В. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Baikal Research Journal. 2013. № 4. С. 26.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гасымов А. Н. К вопросу о надзорной деятельности прокурора в досудебном производстве зарубежных стран // Труды Академии управления МВД России. — 2023. — № 3 (67). — С. 88–96.
2. Головкин Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 2. — С. 9–16.
3. Головкин Л. В. Реформирование следственных органов в России // Вестник Московского университета. — 2013. — № 3. — С. 43–55.
4. Илютченко Н. В. Оптимизация уголовного процесса: опыт Австрии // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 15. — С. 178–183.
5. Копылова И. Н. Устранение препятствий к рассмотрению судом уголовного дела: российская и германская модели построения института // Академический юридический журнал. — 2019. — Т. 20. — № 3. — С. 42–48.
6. Малофеев И. В. Роль прокурора в осуществлении функции уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2022. — № 3. — С. 5–16.
7. Хайруллина Э. А. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовному делу согласно уголовно-процессуальному законодательству Франции // Вестник экономики, права и социологии. — 2011. — № 3. — С. 153–157.
8. Чубыкин А. В. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Baikal Research Journal. — 2013. — № 4. — С. 26.
9. Щерба С. П. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. — 2011. — № 6. — С. 53–57.
10. Pilnacek C. Ein Jahr StPO-Reform — Erwartungen, Realität und Zukunft // ÖJZ. — 2009. — № 62. — S. 550–554.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gasymov A. N. K voprosu o nadzornoj deyatel'nosti prokurora v dosudebnom proizvodstve zarubezhnykh stran // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2023. — № 3 (67). — S. 88–96.
2. Golovko L. V. Arkhetipy dosudebnogo proizvodstva, vozmozhnye perspektivy razvitiya otechestvennogo predvaritelnogo sledstviya // Uголовное судопроизводство. — 2014. — № 2. — S. 9–16.
3. Golovko L. V. Reformirovanie sledstvennykh organov v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 2013. — № 3. — S. 43–55.
4. Ilyutchenko N. V. Optimizatsiya ugovnogo protsesssa: opyt Avstrii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2015. — № 15. — S. 178–183.
5. Kopylova I. N. Ustranenie prepyatstviy k rassmotreniyu sudom ugovnogo dela: rossiyskaya i germanskaya modeli postroeniya instituta // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. — 2019. — T. 20. — № 3. — S. 42–48.
6. Malofeev I. V. Rol prokurora v osushchestvlenii funktsii ugovnogo presledovaniya // Sibirskie ugovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2022. — № 3. — S. 5–16.
7. Khayrullina E. A. Polnomochiya prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu soglasno ugovno-protsessualnomu zakonodatelstvu Frantsii // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2011. — № 3. — S. 153–157.
8. Chubykin A. V. O polnomochiyakh prokurora na stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela // Baikal Research Journal. — 2013. — № 4. — S. 26.
9. Shcherba S. P. Polnomochiya prokurorov na dosudebnykh stadiyakh v ugovnom protsesse Germanii, Frantsii, Anglii, Italii i Ispanii // Zakonnost. — 2011. — № 6. — S. 53–57.
10. Pilnacek S. Ein Jahr StPO-Reform — Erwartungen, Realität und Zukunft // ÖJZ. — 2009. — № 62. — S. 550–554.

Идея индивидуализации и ее значение для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства

Аннотация. Обеспечение прав участников в уголовном судопроизводстве имеет особое значение, и для него характерно весьма впечатляющее количество используемых средств. Ведущее место среди них занимает уголовно-процессуальная форма. За последние годы уголовно-процессуальная форма претерпела существенные изменения. Стремясь создать эффективную систему защиты прав и свобод, законодатель расширил объем правовой регламентации некоторых уголовно-процессуальных правоотношений, что обусловлено в том числе ускоренным развитием общества, приводящим к возникновению новых отношений, требующих уголовно-процессуальной регламентации, а также объективно нарастающей необходимостью в изменении уголовно-процессуальных отношений. При этом проявляется и развивается тенденция к дифференциации. В этой связи приобретает особую актуальность вопрос о причинах и объективности развития дифференцируемых форм. Автор выдвигает гипотезу о воздействии на уголовно-процессуальную форму идеи индивидуализации. Обосновывается позиция, в соответствии с которой индивидуализация способна обеспечить закономерное, а не хаотичное развитие дифференциации форм и тем самым создать эффективную систему средств обеспечения прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальная деятельность; уголовное судопроизводство; дифференциация и индивидуализация процессуальной формы; уголовно-процессуальные гарантии; индивидуальные судебные решения; защита прав и законных интересов лиц; дифференциация уголовно-процессуальной формы; индивидуализация уголовного судопроизводства; правоприменительная уголовно-процессуальная деятельность.

Для цитирования: Крипиневич С. С. Идея индивидуализации и ее значение для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 156–171. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.156-171.

© Крипиневич С. С., 2025

* Крипиневич Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
s.kripinevich@yandex.ru

The Idea of Individualization and its Importance for Safeguards of the Rights of Participants in Criminal Proceedings

Svetlana S. Kripinevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
s.kripinevich@yandex.ru

Abstract. Safeguarding the rights of participants in criminal proceedings is of particular importance and is characterized by a very impressive number of means used. The leading place among them is occupied by the criminal procedural form. In recent years, the criminal procedure form has undergone significant changes. In an effort to create an effective system for the protection of rights and freedoms, the legislator has expanded the scope of legal regulation of certain criminal procedural legal relations, which is due, among other things, to the accelerated development of society, leading to the emergence of new relations requiring criminal procedural regulation, as well as the objectively growing need to change criminal procedural relations. At the same time, a tendency towards differentiation appears and develops. In this regard, the question of the causes and objectivity of the development of differentiated forms becomes particularly relevant. The author puts forward a hypothesis about the impact of the idea of individualization on the criminal procedural form. The position is substantiated according to which individualization is capable of ensuring a regular, rather than chaotic, development of differentiation of forms and thereby creating an effective system of means for safeguards of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedural form; criminal procedural activity; criminal proceedings; differentiation and individualization of the procedural form; criminal procedural safeguards; individual court decisions; protection of the rights and legitimate interests of persons; differentiation of the criminal procedural form; individualization of criminal proceedings; law enforcement criminal procedural activity.

Cite as: Kripinevich SS. The Idea of Individualization and its Importance for Safeguards of the Rights of Participants in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):156-171. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.156-171.

Права и свободы человека являются наивысшей ценностью для государства, а соблюдение, признание и защита прав и свобод человека — его прямая обязанность. Это принципиально важное конституционное положение пронизывает все сферы деятельности современного государства, власти и общества. Обеспечение прав и законных интересов лиц определяет вектор современного социального развития, правовой идеологии, совершенствования правовой системы, в том числе процессуальных средств, позволяющих эффективно реализовывать правовые интересы личности.

Сфера уголовной юстиции обладает множеством особенных черт и признаков. Однако и в этой сфере в обязательном порядке соблюда-

ются права, обеспечиваются свободы и законные интересы граждан и организаций. Одной из принципиально важных характеристик уголовной юстиции, на которую и обратим внимание в данном исследовании, выступает идея индивидуализации.

В уголовном праве этой теме посвящено достаточно много работ. Как правило, индивидуализацию связывают с назначением наказания. Например, в Большом юридическом словаре рассматривается именно индивидуализация наказания как его назначение в пределах установленных законом санкций с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, обстоятельств, предусмотренных законом в качестве смягчающих или отягчающих ответственность¹.

¹ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А. Я. Сухарева. М. : Инфра-М, 2007. С. 271.

А. М. Мифтахов² считает индивидуализацию составной частью института назначения наказания, сущность которой состоит в определении отдельного вида наказания (или их совокупности), его срока или размера в пределах, установленных законом, с учетом значимых для уголовного права индивидуальных свойств преступления и личности виновного. По мнению К. А. Долгополова, индивидуализация наказания проявляется именно «в учете личности подсудимого и обстоятельств, смягчающих и отягчающих его наказание»³.

Индивидуализацию относят к правоприменительному методу реализации уголовно-правовой политики⁴.

Имеется довольно обширная дискуссия об отнесении индивидуализации к числу принципов⁵. Следует заметить, что буквального закрепления принципа индивидуализации в действующем уголовном законе не существует, что признается его недостатком⁶.

Данная позиция имеет противников, которые отрицают признание индивидуализации в качестве самостоятельного принципа. Так, по мнению В. Я. Бурлакова, «у индивидуализации отсутствует самостоятельное содержание, и,

выступая в качестве средства реализации идей справедливости, целесообразности, эффективности и гуманизма, она может рассматриваться как определенный процесс применения принципов назначения наказания или как результат их применения, но сама принципом не является»⁷.

Не имея целью рассмотрение проблем оценки индивидуализации, обратим внимание на ее сущность, которая определяется достаточно единообразно. Большинство ученых понимают ее как «максимальное приспособление избираемой судом меры наказания к задачам и целям правового воздействия, всесторонний учет конкретных данных, характеризующих деяние и лицо, его совершившее»⁸. Нас в данном случае интересует тот факт, что речь идет о «приспособлении» меры наказания к определенным условиям. И этот факт для нашего исследования представляется существенным.

Уголовное право, как известно, находится в тесном взаимодействии с уголовно-процессуальным правом. Все принципиально важные идеи уголовного права должны находить и находят свое воплощение в нормах уголовно-процессуального права. Наглядное тому подтверждение мы видим в части регулирования принципа законности

² Мифтахов А. М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 8.

³ Долгополов К. А. Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 105.

⁴ См., например: Шеслер А. В. Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 127 ; Сенцов А. С. Общие вопросы индивидуализации уголовной ответственности на современном этапе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 544.

⁵ Сейитбек К. Реализация принципа индивидуализации и дифференциации наказания // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 95-3. С. 149 ; Хаертдинова Э. Р. Индивидуализация наказания как принцип уголовного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 10 (178). С. 126 ; Долгополов К. А. Указ. соч. С. 104.

⁶ См., например: Ашин А. А. Соотношение общих начал и принципов назначения наказания // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 64 ; Айрапетян М. Г. Понятие, сущность и значение индивидуализации ответственности в российском уголовном праве // Вестник науки и творчества. 2016. № 11 (11). С. 15 ; Мифтахов А. М. Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. № 4. С. 153.

⁷ Бурлаков В. Я. Личность преступника и назначение наказания : учеб. пособие. Л. : ЛГУ, 1986. С. 32.

⁸ Строганова О. Л. Индивидуализация наказания в уголовном праве: понятие, сущность, основания // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2 (28). С. 63.

(в соответствии со ст. 389.15 УПК РФ приговор не признается законным, если он основан на неправильном применении уголовного закона), справедливости (ст. 297 УПК РФ — единственный раз, когда законодатель в уголовно-процессуальном законе указывает на требование о справедливости, которое касается обвинительного приговора в части соразмерности выбора вида и меры уголовного наказания для осужденного), оснований для освобождения от уголовной ответственности и во многих иных случаях.

Индивидуализация как идея, которая закладывается в основу уголовного права, представляется, не может не быть востребованной и в сфере уголовного судопроизводства. Перспектива выявления ее в уголовном судопроизводстве, а также форм проявления позволяет надеяться на решение некоторых значимых как для науки, так и для правоприменительной практики проблем.

С одной стороны, индивидуализация уголовного судопроизводства презюмируется: многие нормы, которые предусмотрены в действующем уголовно-процессуальном законе, не позволяют усомниться в том, что эта идея в нем присутствует. Так, при привлечении по одному уголовному делу в качестве обвиняемых нескольких лиц постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится в отношении *каждого* из них (ч. 4 ст. 171 УПК РФ); при подготовке к судебному разбирательству суд должен выяснить ряд вопросов по поступившему уголовному делу в отношении *каждого* обвиняемого (ч. 1 ст. 228 УПК РФ); при постановлении приговора, если в совершении преступления обвиняются несколько подсудимых, суд должен разрешить вопросы, указанные в п. 1–7 ст. 229 УПК РФ, в

отношении *каждого* из них в отдельности, определяя роль и степень его участия в совершенном деянии (ч. 3 ст. 229 УПК РФ), и др.

С другой стороны, буквального выражения и просто упоминания об индивидуализации ни в уголовно-процессуальном законе, ни в научных источниках почти не прослеживается. Исследование позволило выявить лишь отдельные случаи, когда учеными отмечается уголовно-процессуальная индивидуализация. Например, указывается на индивидуально определенные фактические обстоятельства конкретного дела, которые составляют основу для принятия процессуального решения⁹. Автор комментария к УПК РФ подчеркивает, что законодатель строго индивидуально подходит к определению процессуального статуса участников уголовного судопроизводства¹⁰.

В своеобразном ракурсе идея индивидуализации (через призму индивидуальной свободы) рассматривается в работе В. В. Дорошкова, который обосновывает позицию о большей привлекательности для российского общества социальной справедливости¹¹.

А. П. Ларионов, формулируя задачи судебной власти, акцентирует внимание на вынесении судом в рамках уголовного судопроизводства индивидуальных судебных актов¹².

Учеными отмечается, что при производстве дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних «особое значение приобретает индивидуализация уголовного процесса, которая наиболее выражена в особом порядке судопроизводства»¹³.

С точки зрения предмета нашего исследования интерес представляет и следующее сообра-

⁹ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 182.

¹⁰ Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : постатейный. 16-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. С. 191.

¹¹ Дорошков В. В. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2019. С. 48–49.

¹² Ларионов П. А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 39.

¹³ Кутуев Э. К., Шувалова М. А. Проблемные аспекты участия защитника в процессе доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 36.

жение: «Следственно-судебная практика показывает, что органы предварительно расследования вынуждены по всем уголовным делам, в которых участник уголовного судопроизводства владеет языком субъекта, входящего в состав Российской Федерации, либо заявивший ходатайство о предоставлении ему переводчика с родного для него языка, предоставлять переводчика... Полагаем, данный подход неверен. Каждую ситуацию необходимо рассматривать индивидуально»¹⁴. Как представляется, в этих позициях наглядно проявляется сущность индивидуализации — так, как мы ее определили вначале: уголовно-процессуальная деятельность «подстраивается» по складывающиеся условия.

Приведенные соображения так или иначе свидетельствуют о наличии этой идеи в основе уголовного судопроизводства.

Констатируя этот факт, обратим внимание на то обстоятельство, что и нормативное регулирование, и научные исследования в этой сфере имеют весьма ограниченный, фрагментарный характер, что свидетельствует о недостатке тео-

ретических знаний об этой идее применительно к уголовному судопроизводству.

Приведем ряд соображений, затрагивающих индивидуализацию как идею применительно к совокупности уголовно-процессуальных гарантий¹⁵. Их исследование занимает ученых уже длительное время. Выработаны устойчивые научные представления относительно их сущности, структуры, содержания. Важно то, что их (гарантий) совокупность рассматривается как система¹⁶, что обеспечивает их взаимосвязь, взаимодействие, целостность деятельности, значимость результата.

В числе этих средств выделяется уголовно-процессуальная форма, которую рассматривают в качестве особого набора средств¹⁷. А. А. Сергиенко¹⁸ прямо заявляет, что процессуальная форма выступает эффективной гарантией прав и законных интересов. Этой же позиции придерживается Е. В. Мищенко¹⁹.

Уголовно-процессуальная форма, так же как и все остальные гарантии, находится в центре внимания ученых-процессуалистов. Ее изучению посвящены многочисленные работы²⁰.

¹⁴ Буханов А. И. Злоупотребление правом на пользование родным языком участниками уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 6. С. 24.

¹⁵ Полагаем, что индивидуализация распространяется на большинство сфер уголовного судопроизводства. Но в соответствии с избранным объектом исследования рассмотрим эту идею применительно только к одной из них.

¹⁶ Мельников В. Ю. Охрана и защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 3. С. 88 ; Максимов О. А. Сочетание публичного и диспозитивного как условие эффективного функционирования правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 17–21 ; Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 108–126 ; Овчинников Ю. Г. К вопросу о недопустимости расширительного толкования принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 32–35 ; Навалиев Н. М. Нравственное содержание привилегий иммунитетов в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2021. № 6. С. 11–13.

¹⁷ Мельников В. Ю. Назначение уголовного судопроизводства, обязанность и ответственность властных субъектов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 66.

¹⁸ Сергиенко А. А. Понятие, признаки и пределы упрощения уголовно-процессуальной формы // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-6. С. 131.

¹⁹ Мищенко Е. В. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения правового статуса личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3 (109). С. 120.

²⁰ См., например: Колесников К. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращенной форме // Эпомен. 2019. № 26. С. 116–122 ; Григорьев В. Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) //

Дискуссии относительно ее содержания, видов, перспективы и тенденций развития ведутся уже много лет²¹.

В современных условиях обострились споры вокруг двух аспектов уголовно-процессуальной формы: степени формализации процедуры²² и процессуальной экономичности²³. В каждом случае учеными выдвигается один и тот же тезис применительно к противоположным стремлениям: внедрение новых правил для совершенствования процессуальных действий (повышение степени формализации) необходимо для защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. В этом же ракурсе и для той же цели (защиты прав участников уголовного судопроизводства) необходимо снижение формализации, достижение процессуальной экономии.

Мы полностью разделяем позиции и мотивацию ученых, предлагающих свои идеи для разрешения важной задачи уголовного судопроизводства, обозначенной в ст. 6 УПК РФ и

обусловленной приоритетом защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Мы согласны и с тем, что назначение уголовного судопроизводства недостижимо без решения проблем, связанных с уголовно-процессуальной формой²⁴. Что касается направления ее совершенствования (повышение либо снижение уровня формализации), то, на наш взгляд, здесь поможет принять правильное решение идея индивидуализации.

Отметим, что за последние годы уголовно-процессуальная форма претерпела существенные изменения. Стремясь создать эффективную систему защиты прав и свобод, законодатель существенно расширил объем правовой регламентации некоторых уголовно-процессуальных правоотношений. Были введены положения, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении

Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 116–122 ; *Марковичева Е. В.* К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 232–236 ; *Мищенко Е. В.* Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

²¹ См., например: *Алексеев И. М.* Единство формы и содержания уголовно-процессуальной деятельности // Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России : сборник науч. статей. Ставрополь : Секвойя, 2018. С. 32–34 ; *Гусева И. И.* Понятие и содержание уголовно-процессуальной формы // *Modern Science*. 2020. № 8-2. С. 133–137 ; *Россинский С. Б.* Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 67–79.

²² См., например: *Солтанович А. В.* К вопросу о пределах детализации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2019. № 12. С. 393–396 ; *Джафаров Г. В.* Дискреционные полномочия субъектов публичной власти, осуществляющие уголовный процесс // Наука и технологии: стратегия развития : сборник науч. трудов. Ростов н/Д : Интерплэй, 2019. Т. 2. С. 91–98.

²³ См., например: *Григорьев В. Н.* Указ. соч. С. 122 ; *Безруков С. С.* Пределы упрощения уголовно-процессуальной формы // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 79. Томск : Изд. дом Томского государственного университета, 2018. С. 17–26.

²⁴ О значении уголовно-процессуальной формы для достижения назначения уголовного судопроизводства см.: *Михайловская И. Б.* Цели, функции и принципы уголовного российского судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М. : Проспект, 2003 ; *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве. М. : Юридическая литература, 1976. С. 60 ; *Славгородских А. А.* Уголовно-процессуальная форма и ее

от уголовной ответственности (гл. 51.1 УПК РФ), производство дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем (гл. 55.1 УПК РФ), и др. Помимо этого, в УПК РФ были добавлены отдельные статьи и положения, детализирующие особенности и порядок производства в отношении отдельных категорий лиц (например, в отношении предпринимателей — ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ и др.), специальных субъектов и отдельных участников уголовного судопроизводства.

Однако, как замечают ученые, «законодатель не успевает за интенсивной динамикой правовых потребностей социума... допускает хаотичное нарастание объема законодательства»²⁵. По нашему мнению, развитие уголовно-процессу-

альной формы обусловлено закономерными причинами, в числе которых растущая скорость развития общества, приводящая к возникновению новых отношений, требующих уголовно-процессуальной регламентации, а также объективно нарастающая необходимость в изменениях существующих уголовно-процессуальных отношений. В этой части весьма показательно развитие цифровой среды. Ее проникновение в уголовное судопроизводство порождает новый вид уголовно-процессуальных правоотношений — цифровые, требующие принципиально нового законодательного регулирования. Например, выдвигаются идеи электронного правосудия²⁶, электронных доказательств²⁷. Соответственно, появляется острая необходимость законодательного регулирования тех отношений, которые возникают в связи с цифровым форматом судопроизводства, вынесения решений, дистанционным доступом и удаленным участием в процессуальных действиях²⁸, исследованием, проверкой, особенностями оценки

значение в обеспечении судебной защиты в российском досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008.

²⁵ Магомедова Е. А. Законопроектный этап законотворческой деятельности как средство повышения качества принимаемых законов // Наука Красноярья. 2016. Т. 5. № 3. С. 28.

²⁶ См., например: Марковичева Е. В. Элементы электронного правосудия в российском уголовном процессе: проблемы и перспективы // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов Международной науч.-практ. конференции. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 246–249 ; Максимова В. В. Развитие электронного правосудия в уголовном процессе // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза : проблемы законодательства и социальной эффективности : материалы VIII Международной науч.-практ. конференции. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 169–173.

²⁷ См., например: Аристархов А. Л. Возможности использования электронных доказательств при реализации принципа состязательности российского уголовного процесса // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 6 (98). С. 81–88 ; Меркулова М. С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-3 (68). С. 139–143 ; Полянская Е. П. Тенденции использования электронных доказательств в процессе доказывания по уголовному делу // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник науч. трудов. М. : Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 315–317.

²⁸ Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. 2022. № 6 (187). С. 77 ; Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 130.

электронных доказательств и т.д. В конечном итоге эти отношения непосредственно замыкаются на обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, определяя содержание и характер итоговых и иных процессуальных решений по уголовному делу.

Идея электронного протоколирования²⁹ дает повод к уточнению существующего законодательного регулирования процедуры составления протоколов следственных и судебных действий, требует корректировки формы самого протокола, определения его содержания, совокупности прав участников, связанных с этим документом (например, право на ознакомление, получение копии и т.д.).

Поводов и мотивов для совершенствования уголовно-процессуальной формы очень много, и проявляются они перманентно, что обусловлено постоянным мониторингом не только уголовного судопроизводства, но и непосредственно сопряженных с ним сфер: уголовного права (в части изменения и дополнения уголовного закона новыми составами преступлений), криминалистики (разработка новых тактических и иных средств и их внедрение в уголовное судопроизводство), криминологии (уровень преступности, ее тенденции).

Не менее значимы для уголовного судопроизводства и опосредованные сферы, оказывающие на его форму не столь заметное, но не менее важное влияние. Так, ряд положений гражданского права (исковая давность), граж-

данского процессуального (взыскание морального вреда), арбитражного процессуального права (преюдициальность судебных актов) имеют весьма знаковое влияние на соответствующие правила уголовного судопроизводства. Эти факторы обуславливают подвижность, динамичность развития уголовно-процессуальной формы.

Однако указанные обстоятельства достаточно давно находятся в поле зрения ученых, имеют многочисленные разработки, сопровождаются конструктивными предложениями по разрешению возникающих проблем.

Наше внимание привлекает аспект, который до определенного времени находился вне сферы глубокого изучения, хотя периодически возникал в содержании научных работ. Так, И. В. Чернышова³⁰ отмечает, что при всем существующем разнообразии общественных отношений невозможно разрешать возникающие правовые конфликты по одной схеме или форме, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. В данной позиции обращает на себя внимание указание на индивидуализацию и дифференциацию формы в едином контексте.

Отметим, что дифференциация давно и прочно заняла свое место в научных исследованиях по уголовно-процессуальной тематике³¹. Интересна позиция В. Н. Бибило, согласно которой «в сфере правосудия общественные отношения невозможно, да и нет необходимости подвергать правовому регулированию до мельчайших деталей, так как это может привести к нагро-

²⁹ См., например: *Фролкин Н. П.* К вопросу об оформлении процессуальных действий и решений по уголовным делам с использованием цифровых средств фиксации и информации // Теоретические и практические аспекты развития современной науки : материалы Всероссийской науч.-практ. заочной конференции. М. : Современная гуманитарная академия, 2014. С. 191–197 ; *Карпыш Я. В.* К вопросу об электронном документообороте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 187–189.

³⁰ *Чернышова И. В.* Проблемы дифференциации форм российского уголовного судопроизводства // Проблемы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 235.

³¹ См., например: *Орлова Т. В.* Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016 ; *Шпак А. В.* К вопросу о необходимости дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства в отношении несовершеннолетних участников уголовного процесса // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 265–269 ; *Ляхова А. И.* Дифференциация форм уголовного судопроизводства как принцип уголовного процесса // Меридиан : научный электронный журнал. 2020. № 12 (46). С. 102–104.

мождению правового материала и трудностям в его восприятии и применении. Не должно быть крена в сторону как слишком общего, так и ситуационного правового регулирования»³². И. Б. Михайловская подчеркивала исключительную важность дифференциации и неспособность унифицированного уголовного судопроизводства удовлетворять все потребности общества³³. Дифференциацию связывают и с обеспечением прав участников, отмечая, что «упрощение уголовно-процессуальной формы не должно ухудшать правовое положение лиц, участвующих в производстве по уголовному делу»³⁴.

По теме дифференциации уголовно-процессуальной формы имеется множество научных исследований. Однако до настоящего времени не называется ее основная причина, равно как и ее основания. Данная проблема нам представляется весьма значимой. Дифференциация не может происходить произвольно. Этот процесс должен протекать системно и целенаправленно. Но, не ответив на вопрос о его причинах и основаниях, трудно представить себе цель, вектор направления развития дифференциации. В продолжение этого ряда можно сказать о том, что причины и основания дифференциации способны прояснить и другую насущную проблему, а именно определить ее границы, а также пределы детализации уголовно-процессуальной формы.

Законодательство по понятным причинам состоит из правовых положений, имеющих достаточно общий характер. Для их применения к конкретным ситуациям правоприменители истолковывают соответствующее законодательное положение и после этого действуют в соответствии с выявленным смыслом. Наше исследование позволило выдвинуть следующую гипотезу: дифференциация уголовно-процессуальной формы является следствием потребности в максимальном приближении законодательного регулирования процедуры

к жизненным ситуациям. Что это приближение дает правоприменителю? Суд, следовательно получают в свое распоряжение такие законодательные правила, которые уже включают в уголовно-процессуальную форму (тем самым приобретают императивный характер) индивидуально определенные черты, признаки и характеристики этих ситуаций. Например, производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предусматривает ряд особенностей, исходя из которых наилучшим образом обеспечиваются права лиц, не достигших 18 лет, а собственно производство становится максимально эффективным. Получается, что в этом случае законодателем создана индивидуально определенная уголовно-процессуальная форма для производства по уголовным делам в отношении указанной категории лиц.

Полагаем, будет правильным высказать следующее суждение: причина дифференциации уголовно-процессуальной формы заключается в потребности в ее (формы) индивидуализации. Тем самым в сфере уголовного судопроизводства можно выделить такое самостоятельное и весьма важное направление воплощения идеи индивидуализации, как разработка и внедрение в правоприменительную уголовно-процессуальную деятельность процедур, правила которых позволяют эффективно решать задачи уголовного судопроизводства, включая обеспечение прав и законных интересов граждан и организаций.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Идея индивидуализации в уголовном судопроизводстве обусловлена ее присутствием в основе уголовного права и их тесной, системной взаимосвязью. Несмотря на то что в уголовном и уголовно-процессуальном праве эта идея проявляется по-разному, в обоих указанных отраслях одинаково обеспечительное влияние этой идеи на права и законные интересы граждан и организаций.

³² Бибило В. Н. Нормативное и ненормативное регулирование в генезисе правосудия по уголовным делам // Право и демократия : сборник науч. трудов. Минск : Право и экономика, 1999. С. 292.

³³ Михайловская И. Б. Указ. соч. С. 21.

³⁴ Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2001. С. 71.

2. Идея индивидуализации в уголовном судопроизводстве может быть сформулирована следующим образом: это осознание потребности и признание необходимости в отграничении правил производства в зависимости от принципиально важных признаков. Основания для индивидуализации уголовно-процессуальной формы — это социально и в правовом отношении ценностные признаки, имеющие различный характер и содержание. Например, преступление, посягающее на частные или публичные интересы. Индивидуализация позволяет осознать указанное различие и направить усилия к разработке процедур, отличающихся (дифференцированных) по определенным позициям (например, в действующем уголовно-процессуальном законе предусмотрены особенности возбуждения уголовных дел частного и публичного обвинения). Соответственно, основания индивидуализации позволяют в целом определить потребность в отграничении процедуры и выделить те позиции, по которым может пройти дифференциация формы.

3. Индивидуализация составляет причину дифференциации, которая является способом максимального (с учетом имеющейся в настоящее время степени развития науки и техники) уровня приспособления уголовно-процессуальной деятельности к конкретным складывающимся условиям (выбор приоритетной формы производства исходя из сложившихся условий, включающий всесторонний учет конкретных обстоятельств и индивидуальных особенностей уголовного дела). Дифференциация — путь для создания альтернативных уголовно-процессуальных процедур.

4. Игнорирование идеи индивидуализации в уголовном судопроизводстве негативно сказывается на разработке уголовно-процессуальной формы, в одних случаях гипертрофированно углубляя формализацию процедуры, делая ее излишне сложной, детальной, дробной, а в других — не обеспечивая достаточного нормативного регулирования, создавая правовой вакуум и неопределенность в уголовно-процессуальных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айрапетян М. Г. Понятие, сущность и значение индивидуализации ответственности в российском уголовном праве // Вестник науки и творчества. — 2016. — № 11 (11). — С. 14–18.
2. Алексеев И. М. Единство формы и содержания уголовно-процессуальной деятельности // Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России : сборник науч. статей. — Ставрополь : Секвойя, 2018. — С. 32–34.
3. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — С. 125–136.
4. Аристархов А. Л. Возможности использования электронных доказательств при реализации принципа состязательности российского уголовного процесса // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2023. — № 6 (98). — С. 81–88.
5. Ашин А. А. Соотношение общих начал и принципов назначения наказания // Вестник Владимирского юридического института. — 2009. — № 2 (11). — С. 63–69.
6. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). — 16-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2023. — 672 с.
7. Безруков С. С. Пределы упрощения уголовно-процессуальной формы // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. — Томск : Изд. дом Томского государственного университета, 2018. — С. 17–26.

8. Бибило В. Н. Нормативное и ненормативное регулирование в генезисе правосудия по уголовным делам // Право и демократия : сборник науч. трудов. — Минск : Право и экономика. — 1999. — С. 284–296.
9. Бурлаков В. Я. Личность преступника и назначение наказания : учеб. пособие. — Л. : ЛГУ, 1986. — 87 с.
10. Буханов А. И. Злоупотребление правом на пользование родным языком участниками уголовного процесса // Российский следователь. — 2022. — № 6. — С. 21–24.
11. Григорьев В. Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12 (61). — С. 116–122.
12. Гусева И. И. Понятие и содержание уголовно-процессуальной формы // Modern Science. — 2020. — № 8-2. — С. 133–137.
13. Джафаров Г. В. Дискреционные полномочия субъектов публичной власти, осуществляющие уголовный процесс // Наука и технологии: стратегия развития : сборник науч. трудов. — Ростов н/Д : Интерплэй, 2019. — Т. 2. — С. 91–98.
14. Долгополов К. А. Принцип индивидуализации наказания как один из принципов уголовного права // Юридическая наука. — 2013. — № 3. — С. 103–105.
15. Дорошков В. В. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве : монография. — М., 2019. — 418 с.
16. Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. — 2021. — № 10. — С. 108–126.
17. Карапыш Я. В. К вопросу об электронном документообороте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2015. — № 15-1. — С. 187–189.
18. Колесников К. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращенной форме // Эпомен. — 2019. — № 26. — С. 116–122.
19. Кутуев Э. К., Шувалова М. А. Проблемные аспекты участия защитника в процессе доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Российская юстиция. — 2021. — № 1. — С. 34–36.
20. Ларионов П. А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2023. — № 1. — С. 35–44.
21. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. — М. : Юридическая литература, 1976. — 166 с.
22. Ляхова А. И. Дифференциация форм уголовного судопроизводства как принцип уголовного процесса // Меридиан : научный электронный журнал. — 2020. — № 12 (46). — С. 102–104.
23. Магомедова Е. А. Законопроектный этап законотворческой деятельности как средство повышения качества принимаемых законов // Наука Красноярья. — 2016. — Т. 5. — № 3. — С. 27–42.
24. Максимов О. А. Сочетание публичного и диспозитивного как условие эффективного функционирования правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. — 2020. — № 3. — С. 17–21.
25. Максимова В. В. Развитие электронного правосудия в уголовном процессе // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности : материалы VIII Международной науч.-практ. конференции. — Саратов : Саратовский источник, 2021. — С. 169–173.
26. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. — 2022. — № 6 (187). — С. 74–84.
27. Марковичева Е. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. — Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. — С. 232–236.

28. Марковичева Е. В. Элементы электронного правосудия в российском уголовном процессе: проблемы и перспективы // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов Международной науч.-практ. конференции. — Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. — С. 246–249.
29. Масленникова Л. Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.] ; отв. ред. Л. Н. Масленникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 448 с.
30. Мельников В. Ю. Охрана и защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2010. — № 3. — С. 87–92.
31. Мельников В. Ю. Назначение уголовного судопроизводства, обязанность и ответственность властных субъектов // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2013. — № 3. — С. 65–69.
32. Меркулова М. С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5-3 (68). — С. 139–143.
33. Мифтахов А. М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2012. — 29 с.
34. Мифтахов А. М. Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — Т. 151. — № 4. — С. 153–159.
35. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы уголовного российского судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). — М. : Проспект, 2003. — 144 с.
36. Мищенко Е. В. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения правового статуса личности // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 3 (109). — С. 117–122.
37. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 458 с.
38. Навалиев Н. М. Нравственное содержание привилегий иммунитетов в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. — 2021. — № 6. — С. 11–13.
39. Овчинников Ю. Г. К вопросу о недопустимости расширительного толкования принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. — 2020. — № 5. — С. 32–35.
40. Орлова Т. В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2016. — 22 с.
41. Полянская Е. П. Тенденции использования электронных доказательств в процессе доказывания по уголовному делу // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник науч. трудов. — М. : Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, 2021. — С. 315–317.
42. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9 (118). — С. 67–79.
43. Сейитбек К. Реализация принципа индивидуализации и дифференциации наказания // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 95-3. — С. 148–150.
44. Сенцов А. С. Общие вопросы индивидуализации уголовной ответственности на современном этапе // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11. — С. 544–547.
45. Сергиенко А. А. Понятие, признаки и пределы упрощения уголовно-процессуальной формы // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 72-6. — С. 127–134.
46. Славгородских А. А. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в обеспечении судебной защиты в российском досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2008. — 22 с.
47. Солтанович А. В. К вопросу о пределах детализации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2019. — № 12. — С. 393–396.

48. *Строганова О. Л.* Индивидуализация наказания в уголовном праве: понятие, сущность, основания // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2014. — № 2 (28). — С. 62–64.
49. *Сухарев А. Я.* Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Инфра-М, 2007. — 858 с.
50. *Фролкин Н. П.* К вопросу об оформлении процессуальных действий и решений по уголовным делам с использованием цифровых средств фиксации и информации // Теоретические и практические аспекты развития современной науки : материалы Всероссийской науч.-практ. заочной конференции. — М.: Современная гуманитарная академия, 2014. — С. 191–197.
51. *Хаертдинова Э. Р.* Индивидуализация наказания как принцип уголовного права // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 10 (178). — С. 125–126.
52. *Чернышова И. В.* Проблемы дифференциации форм российского уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 4. — С. 235–237.
53. *Шеслер А. В.* Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики // Вестник Кузбасского института. — 2018. — № 3 (36). — С. 123–128.
54. *Шпак А. В.* К вопросу о необходимости дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства в отношении несовершеннолетних участников уголовного процесса // Бизнес. Образование. Право. — 2021. — № 4 (57). — С. 265–269.
55. *Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В.* Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. К. Свиридова. — Томск, 2001. — 104 с.

Материал поступил в редакцию 10 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Ayrapetyan M. G.* Ponyatie, sushchnost i znachenie individualizatsii otvetstvennosti v rossiyskom ugovnom prave // Vestnik nauki i tvorchestva. — 2016. — № 11 (11). — S. 14–18.
2. *Alekseev I. M.* Edinstvo formy i sodержaniya ugovno-protseessualnoy deyatel'nosti // Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov predvaritelnogo rassledovaniya i ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy na sovremennom etape razvitiya Rossii: sbornik nauch. statey. — Stavropol: Sekvoyya, 2018. — S. 32–34.
3. *Antonovich E. K.* Ispolzovanie tsifrovyykh tekhnologiy pri doprose svideteley na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva (sravnitel'no-pravovoy analiz zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii i zakonodatelstva nekotorykh inostrannykh gosudarstv) // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2019. — № 6 (103). — S. 125–136.
4. *Aristarkhov A. L.* Vozmozhnosti ispolzovaniya elektronnykh dokazatelstv pri realizatsii printsipa sostyazatel'nosti rossiyskogo ugovnogo protsessa // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 6 (98). — S. 81–88.
5. *Ashin A. A.* Sootnoshenie obshchikh nachal i printsipov naznacheniya nakazaniya // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. — 2009. — № 2 (11). — S. 63–69.
6. *Bezlepkin B. T.* Kommentariy k Ugovno-protseessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny). — 16-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2023. — 672 s.
7. *Bezrukov S. S.* Predely uproshcheniya ugovno-protseessualnoy formy // Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sbornik statey. — Tomsk: Izd. dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. — S. 17–26.
8. *Bibilo V. N.* Normativnoe i nenormativnoe regulirovanie v genezise pravosudiya po ugovnym delam // Pravo i demokratiya: sbornik nauch. trudov. — Minsk: Pravo i ekonomika. — 1999. — S. 284–296.
9. *Burlakov V. Ya.* Lichnost prestupnika i naznachenie nakazaniya: ucheb. posobie. — L.: LGU, 1986. — 87 s.

10. Bukhanov A. I. Zloupotreblenie pravom na polzovanie rodnym yazykom uchastnikami ugolovnogo protsessa // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 6. — S. 21–24.
11. Grigorev V. N. Femida v poiskakh udobnoy formy (o nekotorykh sovremennykh tendentsiyakh v razvitiy ugolovno-protsessualnoy formy) // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2015. — № 12 (61). — S. 116–122.
12. Guseva I. I. Ponyatie i sodержanie ugolovno-protsessualnoy formy // Modern Science. — 2020. — № 8-2. — S. 133–137.
13. Dzhafarov G. V. Diskretionnye polnomochiya subektov publichnoy vlasti, osushchestvlyayushchie ugolovnyy protsess // Nauka i tekhnologii: strategiya razvitiya: sbornik nauch. trudov. — Rostov n/D: Interpley, 2019. — T. 2. — S. 91–98.
14. Dolgoplov K. A. Printsip individualizatsii nakazaniya kak odin iz printsiptov ugolovnogo prava // Yuridicheskaya nauka. — 2013. — № 3. — S. 103–105.
15. Doroshkov V. V. Idei individualnoy svobody i sotsialnoy solidarnosti v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. — M., 2019. — 418 s.
16. Zaytsev O. A. Protsessualnye garantii obespecheniya prav i zakonnykh interesov predprinimateley v ugolovnom sudoproizvodstve // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 10. — S. 108–126.
17. Karapysh Ya. V. K voprosu ob elektronnom dokumentooborote // Aktualnye problemy borby s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. — 2015. — № 15-1. — S. 187–189.
18. Kolesnikov K. V. K voprosu o differentsiatsii ugolovno-protsessualnoy formy doznaniya i doznaniya v sokrashchennoy forme // Epomen. — 2019. — № 26. — S. 116–122.
19. Kutuev E. K., Shuvalova M. A. Problemnye aspekty uchastiya zashchitnika v protsesse dokazyvaniya po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh // Rossiyskaya yustitsiya. — 2021. — № 1. — S. 34–36.
20. Larionov P. A. Kontekstnye ograniicheniya ugolovno-pravovoy interpretatsii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu». — 2023. — № 1. — S. 35–44.
21. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. — 166 s.
22. Lyakhova A. I. Differentsiatsiya form ugolovnogo sudoproizvodstva kak printsip ugolovnogo protsessa // Meridian: nauchnyy elektronnyy zhurnal. — 2020. — № 12 (46). — S. 102–104.
23. Magomedova E. A. Zakonoproektnyy etap zakonotvorcheskoy deyatel'nosti kak sredstvo povysheniya kachestva prinimaemykh zakonov // Nauka Krasnoyarska. — 2016. — T. 5. — № 3. — S. 27–42.
24. Maksimov O. A. Sochetanie publichnogo i dispozitivnogo kak uslovie effektivnogo funktsionirovaniya pravovogo instituta khodataystv i zhalob v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. — 2020. — № 3. — S. 17–21.
25. Maksimova V. V. Razvitie elektronnoy pravosudiya v ugolovnom protsesse // Transformatsiya prava i pravookhranitel'noy deyatel'nosti v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii, stranakh SNG i Evropeyskogo Soyuzha: problemy zakonodatel'stva i sotsialnoy effektivnosti: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konferentsii. — Saratov: Saratovskiy istochnik, 2021. — S. 169–173.
26. Malysheva O. A. Protsessualnye garantii prav uchastnikov sledstvennykh deystviy, proizvodimyykh s primeneniem sistemy video-konferents-svyazi // Lex russica. — 2022. — № 6 (187). — S. 74–84.
27. Markovicheva E. V. K voprosu o differentsiatsii ugolovno-protsessualnoy formy // Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie problemy borby s prestupnostyu: materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konferentsii. — Orel: Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii im. V. V. Lukyanova, 2015. — S. 232–236.
28. Markovicheva E. V. Elementy elektronnoy pravosudiya v rossiyskom ugolovnom protsesse: problemy i perspektivy // Sovremennoe ugolovno-protsessualnoe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dalneyshogo reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konferentsii. — Orel: Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii im. V. V. Lukyanova, 2016. — S. 246–249.
29. Maslennikova L. N. Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya / E. K. Antonovich, T. Yu. Vilkova, L. M. Volodina [i dr.]; otv. red. L. N. Maslennikova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, Infra-M, 2022. — 448 s.

30. Melnikov V. Yu. Okhrana i zashchita prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. — 2010. — № 3. — S. 87–92.
31. Melnikov V. Yu. Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva, obyazannost i otvetstvennost vlastnykh subektov // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. — 2013. — № 3. — S. 65–69.
32. Merkulova M. S. Elektronnye dokazatelstva v ugolovnom protsesse: problemy dopustimosti // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2022. — № 5-3 (68). — S. 139–143.
33. Miftakhov A. M. Individualizatsiya nakazaniya pri ego naznachenii s uchetom isklyuchitelnykh obstoystelstv v rossiyskom ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2012. — 29 s.
34. Miftakhov A. M. Ponyatie i znachenie individualizatsii nakazaniya v rossiyskom ugolovnom prave // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». — 2009. — T. 151. — № 4. — S. 153–159.
35. Mikhaylovskaya I. B. Tseli, funktsii i printsipy ugolovnogo rossiyskogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessualnaya forma). — M.: Prospekt, 2003. — 144 s.
36. Mishchenko E. V. Ugolovno-protsessualnye garantii obespecheniya pravovogo statusa lichnosti // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 3 (109). — S. 117–122.
37. Mishchenko E. V. Problemy differentsiatsii i unifikatsii ugolovno-protsessualnykh form proizvodstv po otdelnykh kategoriyam ugolovnykh del: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2014. — 458 s.
38. Navaliev N. M. Nravstvennoe sodержanie privilegii immunitetov v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossiyskiy sledovatel. — 2021. — № 6. — S. 11–13.
39. Ovchinnikov Yu. G. K voprosu o nedopustimosti rasshiritelnogo tolkovaniya printsipov ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 5. — S. 32–35.
40. Orlova T. V. Differentsiatsiya form sudebnogo razbiratelstva v ugolovnom protsesse Rossiyskogo gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2016. — 22 s.
41. Polyanskaya E. P. Tendentsii ispolzovaniya elektronnykh dokazatelstv v protsesse dokazyvaniya po ugolovnomu delu // Aktualnye voprosy sovershenstvovaniya proizvodstva predvaritelnogo sledstviya v sovremennykh usloviyakh razvitiya ugolovno-protsessualnogo zakonodatelstva: sbornik nauch. trudov. — M.: Moskovskiy universitet MVD RF im. V. Ya. Kikotya, 2021. — S. 315–317.
42. Rossinskiy S. B. Ugolovno-protsessualnaya forma: sushchnost, problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 9 (118). — S. 67–79.
43. Seyitbek K. Realizatsiya printsipa individualizatsii i differentsiatsii nakazaniya // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. — 2023. — № 95-3. — S. 148–150.
44. Sentsov A. S. Obshchie voprosy individualizatsii ugolovnoy otvetstvennosti na sovremennom etape // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2013. — № 11. — S. 544–547.
45. Sergienko A. A. Ponyatie, priznaki i predely uproshcheniya ugolovno-protsessualnoy formy // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. — 2021. — № 72-6. — S. 127–134.
46. Slavgorodskikh A. A. Ugolovno-protsessualnaya forma i ee znachenie v obespechenii sudebnoy zashchity v rossiyskom dosudebnom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2008. — 22 s.
47. Soltanovich A. V. K voprosu o predelakh detalizatsii pravovogo regulirovaniya ugolovno-protsessualnoy deyatel'nosti // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii. — 2019. — № 12. — S. 393–396.
48. Stroganova O. L. Individualizatsiya nakazaniya v ugolovnom prave: ponyatie, sushchnost, osnovaniya // Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya «Gumanitarnye nauki». — 2014. — № 2 (28). — S. 62–64.
49. Sukharev A. Ya. Bolshoy yuridicheskiy slovar / pod red. prof. A. Ya. Sukhareva. — 3-e izd., dop. i pererab. — M.: Infra-M, 2007. — 858 s.
50. Frolkin N. P. K voprosu ob oformlenii protsessualnykh deystviy i resheniy po ugolovnym delam s ispolzovaniem tsifrovyykh sredstv fiksatsii i informatsii // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya sovremennoy

- nauki: materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. zaachnoy konferentsii. — M.: Sovremennaya gumanitarnaya akademiya, 2014. — S. 191–197.
51. Khaertdinova E. R. Individualizatsiya nakazaniya kak printsip ugovnogo prava // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2019. — № 10 (178). — S. 125–126.
52. Chernyshova I. V. Problemy differentsiatsii form rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2010. — № 4. — S. 235–237.
53. Shesler A. V. Differentsiatsiya i individualizatsiya ugovnogo nakazaniya kak metody realizatsii ugovno-pravovoy politiki // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2018. — № 3 (36). — S. 123–128.
54. Shpak A. V. K voprosu o neobkhodimosti differentsiatsii ugovno-protssesualnoy formy dosudebnogo proizvodstva v otnoshenii nesovershennoletnikh uchastnikov ugovnogo protsessa // Biznes. Obrazovanie. Pravo. — 2021. — № 4 (57). — S. 265–269.
55. Yakimovich Yu. K., Lenskiy A. V., Trubnikova T. V. Differentsiatsiya ugovnogo protsessa / pod red. M. K. Sviridova. — Tomsk, 2001. — 104 s.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188

А. Г. Гатауллин*,
Д. Р. Зайнутдинов**

Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад

Аннотация. Статья посвящена анализу судебной реформы 2020 г., связанной с конституционной (уставной) юстицией в субъектах РФ. Данная реформа преследовала единственную цель — замену конституционных (уставных) судов на конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных органах субъектов РФ. К рассмотрению судебной реформы 2020 г. авторы подошли с критической позиции. В работе дается общий анализ правового статуса конституционных (уставных) советов субъектов РФ и выявляются пробелы в федеральном законодательстве. Одним из главных недостатков Федерального конституционного закона от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» является то, что федеральный законодатель ввел диспозитивную норму об учреждении новых органов конституционного контроля, усугубив ее неясным правовым статусом, тем самым не заинтересовав субъекты РФ в их учреждении. Основное внимание авторы сосредоточили на развитии конституционной юстиции в Республике Татарстан, проследив путь ее становления от Комитета конституционного надзора Республики Татарстан, учрежденного в 1990 г., до Конституционного совета Татарстана, созданного в 2023 г. Несмотря на то что федеральный законодатель привязал конституционные (уставные) советы к законодательным (представительным) органам власти субъектов РФ, Конституционный совет Республики Татарстан предстает как обособленный государственный орган. На основании исследования выявлены проблемы правового статуса конституционных (уставных) советов субъектов РФ: в первую очередь их положение в системе органов государственной власти и юридическая сила решений. Совокупность проблем существенно снижает эффективность деятельности новых органов конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ по охране конституционной законности.

© Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р., 2025

* *Гатауллин Анас Газизович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
Дубравная ул., д. 61, кв. 40, г. Казань, Российская Федерация, 420138
anas6140@rambler.ru

** *Зайнутдинов Динар Рафаилович*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний
Курашова ул., д. 3, кв. 3, г. Казань, Российская Федерация, 420012
knight_1988@mail.ru

Ключевые слова: судебная система; судебная реформа 2020 г.; конституционная юстиция; конституционный надзор; конституционное правосудие; конституционные (уставные) суды; конституционные (уставные) советы; Комитет конституционного надзора Республики Татарстан; Конституционный суд Республики Татарстан; Конституционный совет Республики Татарстан.

Для цитирования: Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации: шаг вперед, два шага назад // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 172–188. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188.

Constitutional Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation: One Step Forward, Two Steps Back

Anas G. Gataullin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
anas6140@rambler.ru

Dinar R. Zainutdinov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Head of the Legal Department, Institute of Social and Humanities Knowledge, Kazan, Russian Federation
knight_1988@mail.ru

Abstract. In the paper, the authors analyze the 2020 judicial reform related to constitutional (charter) justice in the constituent entities of the Russian Federation. This reform had one single goal: to replace constitutional (charter) courts with constitutional (charter) councils operating under the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation. The authors approached the consideration of the 2020 judicial reform from a critical position. The paper provides a general analysis of the legal status of constitutional (charter) councils of the constituent entities of the Russian Federation and identifies gaps in federal legislation. One of the main shortcomings of the Federal Constitutional Law of 08.12.2020 No. 7-FKZ «On Amendments to Certain Federal Constitutional Laws» is that the federal legislator introduced a dispositive norm on the establishment of new constitutional control bodies, aggravating it with an unclear legal status, thus failing to make the constituent entities of the Russian Federation willing to establish such. The authors focused their attention on the development of constitutional justice in the Republic of Tatarstan, tracing the path of its formation from the Constitutional Supervision Committee of the Republic of Tatarstan, established in 1990, to the Constitutional Council of Tatarstan, created in 2023. Despite the fact that the federal legislator has linked constitutional (charter) councils to legislative (representative) authorities of the constituent entities of the Russian Federation, the Constitutional Council of the Republic of Tatarstan appears as a separate state body. Based on the study, problems of the legal status of constitutional (charter) councils of the constituent entities of the Russian Federation were identified: first of all, their position in the system of state authorities and the legal force of decisions. The combination of problems significantly reduces the effectiveness of the activities of the new constitutional (charter) justice bodies of the constituent entities of the Russian Federation in protecting constitutional legality.

Keywords: judicial system; 2020 judicial reform; constitutional justice; constitutional supervision; constitutional justice; constitutional (charter) courts; constitutional (charter) councils; Constitutional Supervision Committee of the Republic of Tatarstan; Constitutional Court of the Republic of Tatarstan; Constitutional Council of the Republic of Tatarstan.

Cite as: Gataullin AG, Zainutdinov DR. Constitutional Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation: One Step Forward, Two Steps Back. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):172-188. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.172-188.

От конституционного надзора к конституционному судопроизводству

«Шаг вперед, два шага назад», — так В. И. Ленин в 1904 г. обозначил не только раскол, произошедший в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), но и принятую меньшевиками политическую позицию¹. Слова, сказанные «вождем мирового пролетариата», во многом применимы к тому историческому пути, который на данный момент пройден органом конституционного контроля Республики Татарстан, как, в принципе, и других субъектов РФ.

С момента принятия в 1989 г. Закона Союза ССР «О конституционном надзоре в СССР»² началась подготовка к принятию соответствующих законов и созданию органов конституционного надзора в союзных и автономных республиках.

Становление органов конституционного надзора происходило в сложных социально-политических и экономических условиях, иногда ставилась под сомнение даже сама легитимность данных органов на региональном уровне. Предполагалось, что республиканские органы конституционного надзора будут иметь разные названия и, следовательно, разный объем полномочий, что и было реализовано. Так, в Республике Северная Осетия — Алания появился Комитет конституционного надзора, в Республике Адыгее — Конституционная палата, в Иркутской области — Уставная палата. Аналогичные квазисудебные органы конституционного контроля создавались и в других субъектах РФ.

Исходной точкой развития конституционной юстиции в Республике Татарстан следует считать принятый 13 декабря 1990 г. Закон Республики Татарстан от 13.12.1990 № 524-XII «О конституционном надзоре в Республике Татарстан»³. Если Закон СССР «О конституционном надзо-

ре в СССР» рождался в жарких дискуссиях на Съезде Народных Депутатов СССР и в печати, то аналогичный процесс в Татарстане прошел достаточно спокойно и в короткий срок. Это связано в первую очередь с тем, что вопрос целесообразности такого органа практически не вставал, его признание как необходимого атрибута правового государства, цель формирования которого провозглашалась в Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР⁴, было безусловным. Кроме того, Закон Республики Татарстан от 13.12.1990 № 524-XII разрабатывался и принимался на основе уже имеющейся общесоюзной законодательной базы и во многом повторил положения общесоюзного акта. Комитет конституционного надзора Республики Татарстан был учрежден на Третьей сессии Верховного Совета Республики. Данный орган был избран в составе семи человек из числа высокопрофессиональных специалистов в области политики и права, имеющих опыт научной и практической деятельности, которые выполняли свои функции без освобождения от основной работы. Каждый член Комитета конституционного надзора Республики Татарстан назначался на должность в индивидуальном порядке и приводился к присяге.

Несмотря на свои ограниченные правовые возможности, Комитет конституционного надзора Республики Татарстан принял более 50 развернутых мотивированных заключений, направленных на укрепление правовой системы и демократии в Республике, защищающих конституционные права и законные интересы граждан. За период деятельности данного органа проверке было подвергнуто 58 нормативных актов.

Комитет конституционного надзора Республики Татарстан доказал свой высокий профессионализм, внося большой вклад в дело

¹ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1967. Т. 8. С. 185–414.

² Закон СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

³ Советская Татария. 1990. № 294. 23 декабря.

⁴ Декларация Татарской ССР от 30.08.1990 № 334-XII «О государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики» // Свод законов Республики Татарстан : в 9 т. Казань : Идел-Пресс, 2010. Т. 1. С. 166.

построения правового демократического общества в Республике. За 10 лет плодотворной деятельности он приобрел подобающий его предназначению авторитет и состоялся как орган государственной власти.

Комитет конституционного надзора Татарстана сыграл колоссальную роль в защите суверенной государственности и охране конституционных основ правовой системы Республики. Однако для дела укрепления конституционной законности требовался более совершенный орган.

Очередным шагом в развитии конституционной юстиции Республики Татарстан стало учреждение Конституционного суда Республики Татарстан (далее также — Конституционный суд).

Издание закона о Конституционном суде Татарстана и образование этого органа должны были последовать лишь после принятия новой Конституции Татарстана, что объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, Конституционный суд — это орган, авторитетно принимающий решения в окончательной форме, который должен опираться на реальный, объективно существующий правовой статус Республики. Во-вторых, Конституционный суд не мог работать при действующей тогда Конституции ТАССР 1978 г.⁵ В силу известных обстоятельств Основной Закон 1978 г. превратился в конституцию переходного периода — почти на каждой сессии Верховного Совета в нее вносились изменения и дополнения, то есть она уже не могла выступать как стабильный правовой акт, объективно закрепляющий реальный статус Татарстана. В связи с этим создание Конституционного суда Татарской ССР без ясного представления о положении Татарстана относительно РСФСР могло привести к последующим противоречиям в правоприменительной практике обоих суверенных государств. Новая Конституция Республики Татарстан предусмотрела создание Конституционного суда как органа, обладающего более широкими организационными и правовыми

возможностями, то есть способного принимать более эффективные решения, чем Комитет конституционного надзора Республики Татарстан.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона Республики Татарстан от 22.12.1992 № 1708-XII «О Конституционном суде Республики Татарстан» (с изменениями на 7 мая 2020 г.)⁶ данный судебный орган состоял из шести судей, избираемых Государственным Советом Республики Татарстан (далее также — Государственный Совет). Примечательно, что кандидаты в судьи Конституционного суда представлялись Государственному Совету в равном количестве Президентом Республики Татарстан и Председателем Государственного Совета Республики Татарстан. Председатель и заместитель Председателя Конституционного суда назначались Государственным Советом по предложению судей самого Конституционного суда. Тем самым обеспечивался должный баланс в комплектовании судейского корпуса со стороны главы государства и парламента, а также исключалась возможность утверждения судьями лояльных главе государства лиц.

В статье 3 указанного Закона Республики Татарстан от 22.12.1992 № 1708-XII определялись полномочия Конституционного суда. В частности, по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов Конституционный суд проверял на конституционность законы Республики Татарстан или их отдельные положения, нормативные правовые акты Президента Республики Татарстан и Кабинета Министров Республики Татарстан, а также органов местного самоуправления. Кроме того, Конституционный суд давал толкование Конституции Республики Татарстан.

Конституционному суду Республики Татарстан принадлежало право законодательной инициативы в Государственном Совете по вопросам своего ведения.

Главным являлось то, что решение Конституционного суда, принятое в пределах его полномочий, являлось окончательным и не могло

⁵ Конституция (Основной Закон) Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, принята на IX сессии 9-го созыва Верховного Совета ТАССР 31 мая 1978 г. // Свод законов Республики Татарстан. Т. 1. С. 124–144.

⁶ Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1998. № 11. С. 312.

быть пересмотрено иным судом. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивали силу со дня опубликования решения Конституционного суда.

Сказанное позволяет констатировать, что Конституционный суд Республики Татарстан, несомненно, играл первостепенную роль в обеспечении охраны конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, поддержания верховенства закона в правовой системе Татарстана и непосредственного действия Конституции Республики Татарстан.

По своей природе Конституционный суд являлся полноценным органом конституционной юстиции, обеспечивающим высший конституционный контроль и осуществляющим в форме конституционного судопроизводства судебную власть в Республике Татарстан.

Ликвидация конституционной юстиции субъектов РФ

В результате очередного проявления своеволия в нарушение принципа федерализма федеральный центр в один миг вырвал страницы из 30-летней истории движения субъектов РФ к созданию и развитию самостоятельного органа конституционной юстиции, способного на высшем уровне обеспечивать региональную законность.

Внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию РФ 1993 г.⁷ нанесли по и без того слабой и зависимой судебной системе еще один мощный удар. Так, 8 декабря 2020 г. был принят Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»⁸, которым было установлено ликвидировать всю

систему конституционной (уставной) юстиции в субъектах РФ. На начало 2021 г. в России действовало 15 конституционных (уставных) судов, из которых 12 — в национальных республиках⁹, и три уставных суда — в Калининградской, Свердловской областях и г. Санкт-Петербурге. Указанным Федеральным конституционным законом было предписано, что конституционные (уставные) суды субъектов должны быть ликвидированы не позднее 1 января 2023 г.

Вместо них в субъектах РФ предложено было создать при высшем представительном (законодательном) органе власти субъекта РФ некие «конституционные (уставные) советы». Стремительная конституционная контрреформа внесла в официальную юридическую терминологию новое понятие — «конституционный (уставной) совет», при этом не дав ему определения. Этот термин был рожден из ниоткуда, на абсолютно пустом месте, без опоры на проведенную научную дискуссию или на длительное обсуждение законопроекта. Ликвидация конституционной юстиции субъектов РФ представляет собой «великолепный» пример того, как законодатель вступает в прямое противоречие со сложившейся юридической доктриной о конституционном правосудии.

В 2020 г. суть судебной реформы, казалось, заключалась в формуле: от конституционного надзора к конституционному суду и обратно. Но федеральный центр превзошел эти ожидания. Конституционный совет — это вовсе не возврат к органу конституционного надзора. Это шаг через него, через историю конституционализма, по факту — в неизвестную пустоту.

Авторы считают, что Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ о ликвидации конституционной (уставной) юсти-

⁷ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022 № 237) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

⁸ Российская газета. 2020. 11 декабря. № 280.

⁹ Конституционные суды: Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Карелия, Республики Коми, Республики Марий Эл, Республики Саха (Якутия), Республики Северная Осетия — Алания, Республики Татарстан, Чеченской Республики.

ции в субъектах РФ принят вопреки мнению целого ряда конституционалистов, считавших, что данный вид правосудия нужно не только оберегать, но и развивать в направлении его совершенствования и утверждения в других субъектах РФ.

О важной роли конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ ярко свидетельствуют результаты деятельности Конституционного суда Республики Татарстан.

По состоянию на 1 января 2020 г. Конституционный суд Республики Татарстан принял 296 итоговых решений, из которых 87 постановлений и 209 определений. Всего за этот период в Конституционный суд поступило 2 642 обращения (1 485 письменных, 2 157 устных). В последние годы данные показывали тенденцию к достаточно значительному увеличению количества дел¹⁰.

Представленные показатели свидетельствуют о том, что конституционная (уставная) юстиция субъектов РФ была весьма эффективным инструментом в защите основополагающих прав и свобод граждан. Ликвидация конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ усугубила одну из вечных проблем правовой системы России и привела к сужению права граждан на правосудие.

За период своей деятельности, как пишет профессор Г. Р. Хабибуллина, конституционная (уставная) юстиция субъектов РФ, в том числе и Республики Татарстан, показала себя весьма эффективным институтом в деле обеспечения законности и прав граждан¹¹. Существенный вклад конституционная (уставная) юстиция вносила в дело устранения пробелов в региональном законодательстве. Как показал анализ итоговых решений конституционных (уставных) судов

субъектов РФ, выявление пробелов осуществлялось на всех уровнях правовой регламентации, имеющих межсистемные связи: федеральном, региональном и муниципальном¹².

Еще в 1997 г. А. Г. Гатауллин отметил, что республикам в составе Российской Федерации, являющимся государствами согласно ст. 5 Конституции РФ 1993 г., обязательно следует иметь свою независимую судебную систему, что выступает условием должного федерализма, а также указал на недостатки принятого 31 декабря 1996 г. Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹³, который полностью аннулировал нормы конституций республик о том, что государственную власть субъектов РФ осуществляют образуемые ими органы¹⁴. Однако проведенная в 2020 г. судебная реформа вообще не берет в расчет наличие у республик собственного конституционного поля. Ярким подтверждением этому как раз выступает ликвидация конституционного правосудия на уровне субъектов РФ.

Конституционный совет Республики Татарстан — «два шага назад»

На конец 2023 г. Татарстан стал четвертым субъектом РФ, в котором был создан орган конституционного контроля. Конституционный совет Республики Татарстан был сформирован исходя из положений Конституции Республики Татарстан (в редакции 26 января 2023 г.) и Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан»¹⁵.

Конституционный совет определяется как постоянно действующий государственный орган Республики Татарстан, осуществляющий свою

¹⁰ Конституционный суд Республики Татарстан: 20 лет на страже Конституции / предс. ред. кол. Ф. Г. Хуснутдинов. Казань : Информационно-издательский центр, 2020. С. 32.

¹¹ Хабибуллина Г. Р. Общеправовые и межотраслевые конституционные принципы в региональном конституционном (уставном) правосудии: теория, методология и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2021.

¹² Хабибуллина Г. Р. Общеправовые и межотраслевые конституционные принципы в региональном конституционном (уставном) правосудии. С. 188.

¹³ Российская газета. 1997. 6 января. № 3.

¹⁴ Гатауллин А. Г. Конституционное правосудие в Республике Татарстан (очерки теории и практики). Казань : Астория, 2008. С. 19–20.

деятельность в целях укрепления конституционной законности в Республике Татарстан (ч. 1 ст. 3 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ).

Интересным является следующий факт. С одной стороны, в Законе Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ не указано, что Конституционный совет Татарстана создан при Государственном Совете, и это позволяет считать его самостоятельным государственным органом. Но, с другой стороны, очень странным представляется положение ч. 3 ст. 2 указанного Закона, в которой установлено, что Конституционный совет является юридическим лицом, имеет печать и бланки с изображением Государственного герба Республики Татарстан и своим наименованием. Придание самостоятельности через подобную форму правосубъектности явно ошибочно.

Обозначая Конституционный совет Республики Татарстан юридическим лицом, сразу сталкиваемся с рядом вопросов.

Конституционный совет — это орган, действующий при представительных высших (законодательных) органах государственной власти субъектов РФ, то есть производный от законодательной ветви власти. Однако в Законе Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ подобной нормы не содержится. Тем не менее Государственный Совет, будучи законодательным органом, в своей структуре имеет Президиум, аппарат, комитеты и комиссии, которые не выступают юридическими лицами. Так с чего же вдруг Конституционный совет Татарстана стал юридическим лицом? Следовательно, взаимосвязь между Государственным Советом и Конституционным советом не ясна.

В статье 4 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ к принципам деятельности Конституционного совета отнесены: законность, объективность, организационная самостоятельность, функциональная независимость,

коллегиальность, открытость, гласность. Здесь сразу возникает вопрос относительно принципа функциональной независимости. Будучи производным от высшей представительной (законодательной) ветви власти, ни один конституционный совет не может обладать организационной самостоятельностью и функциональной независимостью. Классический парламентаризм основан на признании функций первичного правотворчества, кроме того, организационная и функциональная автономия парламента рассматривается как нормативное условие разделения власти¹⁵.

Деятельность конституционного совета проистекает из контрольной функции парламента. В этой связи функционально конституционный совет должен реализовывать некий особый парламентский контроль за соблюдением конституционной законности в нормативных правовых актах. Его решения не обладают обязательной силой исполнения и для парламента выполняют роль «экспертных заключений», которые парламент может учитывать, внося изменения в нормативные правовые акты, тем самым исправляя выявленные пробелы и коллизии в правовом поле субъекта РФ. Здесь интересно мнение Г. Р. Хабибуллиной, которая, проведя анализ принципов деятельности и природы Конституционного совета Республики Адыгея, пришла к выводу, что сущность правовой деятельности данного органа «выражается в проведении квалифицированной общественной экспертизы проектов конституционных законов»¹⁷.

Полномочия Конституционного совета Республики Татарстан прописаны в ст. 5 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ. В частности, Конституционный совет по запросам Главы (Раиса) Республики Татарстан, Государственного Совета, его Президиума и комитетов, депутатов Государственного Совета, Кабинета Министров, уполномоченных (по правам

¹⁵ Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. № 48 (ч. I). Ст. 1430.

¹⁶ Филиппова Н. А. Парламенты постсоветских государств: факторы доминирования и маргинализации // Политэкс. 2006. № 1. С. 140–158.

¹⁷ Хабибуллина Г. Р. К вопросу о принципах деятельности и природе Конституционного совета субъекта Российской Федерации (на примере Республики Адыгея) // Образование и право. 2023. № 7. С. 145.

человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей), органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Татарстан выносит заключения о конституционности или неконституционности:

- 1) законов Республики Татарстан или их отдельных положений;
- 2) нормативных правовых актов Главы (Раиса) Республики Татарстан, Кабинета Министров Республики Татарстан, иных органов исполнительной власти Республики Татарстан;
- 3) нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Татарстан.

Конституционный совет выносит заключения о конституционности или неконституционности нормативных правовых актов органов государственной власти и должностных лиц по обращениям граждан и организаций, полагающих, что их права нарушены указанными нормативными правовыми актами.

Кроме того, Конституционный совет выносит заключения по проектам законов Республики Татарстан о принятии Конституции Республики, внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики, внесенным в Государственный Совет Республики Татарстан, а также по запросам органов государственной власти и должностных лиц разъясняет положения Конституции Татарстана.

По запросу Главы (Раиса) Республики Конституционный совет может выражать мнение о соответствии Конституции Республики Татарстан проектов договоров (соглашений), заключаемых от имени Республики Татарстан с субъектами РФ.

Из изложенного следует, что законодатель, стремясь приблизить новый орган по полномочиям к упраздненному Конституционному суду Республики Татарстан, установил широкий перечень инициаторов возбуждения процедуры нормоконтроля в Конституционном совете Республики Татарстан.

Помимо прочего, Конституционный совет наделен полномочиями по научно-методическому обеспечению развития конституционного законодательства Республики Татарстан, по содействию просвещению, формированию

и развитию правовой культуры населения (п. 7 и 8 ст. 5 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ). Подобные полномочия следует считать явно излишними, так как они отвлекают столь малочисленный орган от его основной цели по укреплению конституционной законности в Республике и перегружают деятельность, для которой уже существует множество различных профильных организаций (например, юридические клиники и центры правового просвещения при высших учебных заведениях).

Одна из ключевых проблем Конституционного совета Татарстана, которая может проявиться внезапно и приостановить работу этого органа, кроется в его численном составе. Так, Конституционный совет Республики Татарстан состоит всего лишь из трех членов, включая Председателя. Эта норма отражает тот факт, что законодатели при ее формулировании проигнорировали предыдущий опыт функционирования конституционных судов и научные рекомендации правоведов-конституционалистов. Опыт показывает, что весьма рискованно создавать высший коллегиальный орган в составе менее пяти человек, когда по тем или иным причинам может оказаться под вопросом необходимый для рассмотрения дела кворум. Такая ситуация в свое время возникла в Конституционном Суде Республики Бурятия, когда один судья перешел на другую работу, и данный судебный орган не смог функционировать продолжительное время. Численный состав Конституционного совета Татарстана уступает аналогичным органам в других субъектах РФ. Например, в Республике Башкортостан имеется возможность в случае необходимости увеличить состав конституционных советников с трех до пяти.

Как видим, при разработке норм о конституционном совете республиканский законодатель постарался уклониться от повторения в Татарстане той ситуации, которая сложилась в Республике Бурятия. В частности, в ч. 6 ст. 6 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ прописано, что Конституционный совет вправе осуществлять свою деятельность при наличии в его составе не менее двух членов. Но здесь возникает риторический вопрос: что это за

коллегиальный орган, который рассматривает сложнейшие вопросы о конституционности республиканских нормативных правовых актов и разъясняет Конституцию Республики Татарстан в составе двух человек?

Работа в органах конституционного контроля — это также разновидность научно-исследовательской работы. В отличие от классических видов судопроизводства, конституционный процесс во многом имеет характер нормотворчества. Рассмотрение конституционного дела представляет собой работу, требующую многомесячного масштабного изучения не только отечественного, но и зарубежного законодательства. Разве может орган в составе двух-трех человек проверять конституционность законов и других нормативных правовых актов, давать официальные разъяснения отдельных положений Конституции Республики Татарстан в таком ограниченном составе?!

Нельзя не согласиться с В. В. Курятниковым, что в целом указанная в Законе Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ коллегиальность как принцип принятия решений Конституционного совета Республики Татарстан носит условный характер ввиду малой численности коллегии конституционных советников¹⁸.

Решением данной проблемы может стать дополнение нормы об увеличении численности Конституционного совета Татарстана за счет обязательного избрания в его состав членов из числа ученых-юристов на общественных началах в количестве трех — пяти человек.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ члены Конституционного совета назначаются на должность Государственным Советом: одного кандидата в члены представляет Государственному Совету Глава (Раис) Республики Татарстан, двух кандидатов — Председатель Государственного Совета. Председатель Конституционного совета на должность также назначается по предложению Главы (Раиса) Республики Татарстан, что является явным отступлением от продеклари-

рованного принципа организационной самостоятельности.

Профессиональные требования, предъявляемые к кандидату в члены Конституционного совета, чуть выше, чем требования, которые предъявлялись к кандидату на должность судьи Конституционного суда Республики Татарстан.

Для сравнения:

— членом Конституционного совета Республики Татарстан может быть гражданин РФ не моложе 35 лет, тогда как членом Конституционного суда Республики Татарстан — не моложе 25 лет;

— член Конституционного совета Республики Татарстан должен иметь стаж работы в области юриспруденции не менее 10 лет, тогда как член Конституционного суда Республики Татарстан — не менее пяти лет.

Сходными требованиями являются: наличие высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция» или высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»; отсутствие у кандидата имеющейся или имевшейся судимости либо прекращение уголовного преследования в отношении него по реабилитирующим основаниям. Следует подчеркнуть, что при наличии судимости кандидатура вообще не должна рассматриваться.

Однако в первоначальной редакции Конституции Республики Татарстан 1992 г. члены Конституционного суда Республики Татарстан должны были быть не моложе 30 лет и не старше 65 лет и, помимо высшего юридического образования, иметь ученую степень либо стаж работы по юридической специальности не менее 10 лет.

В Законе Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ пристальное внимание уделено актам, принимаемым Конституционным советом. Так, по вопросам, перечисленным в ч. 1–3 и 5 ст. 5 указанного Закона, Конституционный совет при-

¹⁸ Курятников В. В. Конституционный совет Республики Татарстан: первый взгляд // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 186–188.

нимает заключения, а по вопросу, указанному в ч. 4 ст. 5, — разъяснения. Довольно подробно прописаны нормы касательно содержания и порядка вынесения этих актов. В частности, заключение, разъяснение принимаются Конституционным советом по результатам открытого голосования и считаются принятыми при условии, что за них проголосовало не менее двух членов Конституционного совета.

Следует признать положительной норму ч. 6 ст. 11 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ, предписывающей, что заключения Конституционного совета по запросам должностных лиц и органов власти о проверке актов на конституционность и заключения по обращениям граждан и организаций о проверке актов на конституционность, а также разъяснения Конституционного совета подлежат опубликованию в газетах «Ватаным Татарстан», «Республика Татарстан», на официальном портале правовой информации Республики Татарстан (pravo.tatarstan.ru) и на официальном сайте Конституционного совета Республики Татарстан в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Эта норма делает принятые Конституционным советом Республики Татарстан решения более доступными для ознакомления любому лицу, проявляющему интерес к деятельности данного органа.

В части 7 ст. 11 Закона Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ установлено обязательное рассмотрение (не позднее трех месяцев после опубликования) заключения Конституционного совета органом (должностным лицом), издавшим нормативный правовой акт, который признан Конституционным советом не соответствующим Конституции Республики Татарстан либо из которого вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании. Однако трехмесячный срок, в течение которого должно быть рассмотрено заключение Конституционного совета Республики Татарстан, следует сократить до одного месяца, поскольку за такой длительный период теряется актуальность вынесенных заключений. Кроме того, в

самом законе нет ни слова об обязательном приведении нормативного правового акта в соответствие с заключением Конституционного совета Республики Татарстан или устранении имеющихся пробелов.

Помимо полномочий, которые роднят Конституционный совет Татарстана с Конституционным судом Республики Татарстан, у первого органа есть дополнительная обязанность единожды в год направлять доклад о состоянии конституционной законности в Республике Татарстан Главе (Раису) Республики и в Государственный Совет Республики (ст. 12).

11 октября 2023 г. решением Конституционного совета Республики Татарстан был утвержден регламент его деятельности¹⁹.

Не проводя глубокий анализ данного нормативного акта, всё же стоит обратить внимание на ряд положений указанного Регламента. Например, особый интерес вызывает статья 15, согласно которой для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, отнесенных к полномочиям Конституционного совета Республики Татарстан, по основным направлениям его деятельности в Конституционном совете Республики Татарстан могут быть созданы постоянные и временные органы (комиссии). Хочется поинтересоваться: какие комитеты и комиссии могут быть созданы в органе, состоящем всего из трех членов?

Таким образом, если соотнести Конституционный совет Республики Татарстан с его предшественниками — Комитетом конституционного надзора Республики Татарстан и Конституционным судом Республики Татарстан, то четко прослеживается, что новый орган имеет довольно слабое сходство с ними. Ограниченные полномочия не позволяют придать ему весомый статус. Сравнивать с Конституционным судом Республики Татарстан новый орган невозможно в принципе, так как он не относится к органу конституционного правосудия. На вопрос о том, почему создание Конституционного совета Республики Татарстан — это даже не возврат к модели Комитета конституционного надзора

¹⁹ Регламент Конституционного совета Республики Татарстан от 11.10.2023 № 2-Р (в ред. от 14.11.2023 № 3-Р) // URL: <https://konsov.tatarstan.ru/> (дата обращения: 04.02.2024).

Республики Татарстан, можно ответить приведением ряда отличий, присущих данным органам:

1. Политическая обстановка. Комитет конституционного надзора Республики Татарстан создавался в условиях демократизации государства и общественного правосознания, нарастающего развития федеративных отношений, укрепления принципа разделения власти, тогда как условия современности — это ужесточающийся авторитаризм, ускоряющиеся тенденции централизма и унификации и подавление исполнительной властью всех остальных ветвей.

2. Численный состав. Новый орган более чем в два раза меньше по составу, чем Комитет конституционного надзора Республики Татарстан, что создает риски парализации его работы в случае наступления форс-мажорных обстоятельств (три члена против семи).

3. Неприкосновенность членов. В законодательстве о Комитете конституционного надзора Республики Татарстан дополнительно прописывалось, что лицо, избранное в данный орган, не может быть привлечено к уголовной ответственности, арестовано или подвергнуто мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия Комитета конституционного надзора. Аналогичной нормы законодательство о Конституционном совете Республики Татарстан не содержит.

4. Ответственность за вмешательство. В законодательстве о Комитете конституционного надзора Республики Татарстан имелась норма об ответственности за какое бы то ни было вмешательство в его деятельность, что подчеркивало его независимость. В свою очередь, в Законе Республики Татарстан от 13.06.2023 № 44-ЗРТ не только нет такой нормы, но и фактически из него вытекает, что Конституционный совет Республики Татарстан — это некий «совещательный» орган, в деятельности которого может участвовать довольно большой круг властных субъектов.

5. Собственная инициатива. Комитет конституционного надзора Республики Татарстан был вправе по собственной инициативе рассматривать вопросы и давать заключения о соответствии актов высших органов государственной власти и управления Республики Татарстан, других органов, образуемых или избираемых

Верховным Советом Татарстана, Конституции Республики Татарстан, чем не обладает Конституционный совет Республики Татарстан.

6. Властная воля. Республиканский законодатель в 1990 г. предоставил Комитету конституционного надзора Республики Татарстан право с целью защиты его от возможного давления отклонять как не соответствующие его компетенции отдельные поручения, предложения и обращения, но современный Конституционный совет Республики Татарстан такого права лишен, что делает возможным его использование в качестве инструмента в политических интригах.

7. Исполнение заключений. Принимаемые Комитетом конституционного надзора Республики Татарстан заключения о несоответствии актов или их отдельных положений, принятых Верховным Советом Республики Татарстан, Конституции Татарстана могли быть отклонены решением Верховного Совета, принятым только двумя третями голосов от общего числа народных депутатов Республики, в противном случае они обязаны были быть исполнены, тогда как заключения Конституционного совета Республики Татарстан всегда носят рекомендательный характер.

8. Сила принимаемых решений. В этой части можно выделить целый ряд норм, которыми решения Комитета конституционного надзора Республики Татарстан наделялись обязательной силой и чего лишены заключения Конституционного совета Татарстана, а именно:

— принятые Комитетом конституционного надзора Республики Татарстан заключения о несоответствии акта или его отдельных положений Конституции Татарстана или закону Татарстана приостанавливали действие акта полностью или в отдельной его части до устранения указанного несоответствия;

— заключение Комитета конституционного надзора Республики Татарстан, констатирующее, что каким-либо нормативным правовым актом или его отдельными положениями нарушаются права и свободы человека, закрепленные Конституцией СССР, Конституцией Татарстана, международными договорами СССР, влекло за собой утрату силы такого акта или его отдельных положений с момента своего принятия;

— орган, издавший акт, в двухмесячный срок обязан был устранить указанное в заключении Комитета конституционного надзора Республики Татарстан несоответствие акта или его отдельных положений Конституции Татарстана или закону Татарстана.

9. Законодательная инициатива. Ранее существовавшему Комитету конституционного надзора Республики Татарстан принадлежало право законодательной инициативы, чего не имеет Конституционный совет Татарстана.

Образование Конституционного суда Татарстана в 2000 г. было несомненным шагом вперед от той платформы, которая была создана Комитетом конституционного надзора Республики Татарстан, тогда как замена полноценного органа конституционной юстиции на Конституционный совет Республики Татарстан — это безусловное отступление на два шага назад.

Конституционные советы в оценках современных юристов

Изначально конституционалисты, обратившиеся к судебной контрреформе 2020 г., в своем большинстве дали ей однозначно негативную оценку. Эти изменения, отмечалось рядом юристов, «несут в себе долгоиграющие негативные институциональные последствия, связанные с реализацией принципа разделения властей на уровне региона, а также с осуществлением федерализма. <...> Полная ликвидация КУСС с переложением их функций на конституционные

(уставные) советы при законодательных органах представляется ошибочным решением»²⁰.

И по истечении трех лет отрицательное отношение к новым органам значительного числа юристов не изменилось. Например, профессор О. В. Брежнев указывает, что «подобное решение в целом ограничивает возможности субъектов РФ в сфере правовой охраны своих конституций (уставов), ослабляет институт конституционного правосудия в целом и не способствует эффективной защите прав и свобод граждан»²¹. Можно согласиться и с утверждением О. В. Брежнева о том, что, во-первых, качество законодательного регулирования статуса конституционных советов субъектов РФ пока оставляет желать лучшего (многие вопросы не урегулированы или неоправданно отнесены к предмету регламентов этих органов); во-вторых, концепция создания данных органов в субъектах РФ не продумана должным образом; в-третьих, сугубо рекомендательный характер полномочий конституционных (уставных) советов существенно снижает их эффективность, не позволяет обеспечивать реализацию их правовых позиций²².

Первые научные исследования, посвященные конституционным (уставным) советам субъектов РФ и нормативным правовым актам²³, которыми были образованы эти органы, также выявили в них целую серию существенных недостатков.

Мнение о конституционных советах в отечественной юридической науке только еще начинает складываться, поэтому сейчас сложно причислить эту модель к одной из существующих в

²⁰ Курилюк Ю. Е., Гаранин Д. А. Конституционные и уставные суды субъектов России в национальной судебной системе: прошлое, настоящее и будущее // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 4. С. 70–71.

²¹ Брежнев О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере Республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 23.

²² Брежнев О. В. Указ. соч. С. 29.

²³ Беняминова С. А., Баяткеев А. А., Кабанов В. А. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: в поисках статуса // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3. С. 72–89; Брежнев О. В. Указ. соч. С. 21–30; Галеева И. С. Предварительный конституционный надзор за региональным законодательством как полномочие конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: причины появления и проблемы регулирования // Конституционное и муниципальное право.

конституционной юстиции. В частности, некоторые ученые отмечают, что «использование такой юридической терминологии, как “конституционный (уставный) совет”, и очевидная несудебная правовая природа нового института наталкивают на мысль о его сходстве с органами французской разновидности европейской модели конституционной юстиции на уровне субъектов РФ. Однако внешнее сходство не всегда оказывается сходством по существу»²⁴.

Особо ценны в данном отношении мнения бывших судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Так, Председатель Конституционного Суда Республики Карелия в отставке, кандидат юридических наук, доцент С. А. Беньяминова в соавторстве с коллегами (А. А. Балаян и В. А. Кабанов) пишет: «Реформу региональной конституционной юстиции нельзя признать удачной. Вместо конституционных (уставных) судов, статус и компетенция которых были урегулированы на федеральном уровне, были созданы органы, общие основания деятельности которых не закреплены федеральным законодательством. Правовая неопределенность пункта 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 08.12.2020 № 7-ФКЗ, а также указание на образование конституционных (уставных) советов при органах законодательной власти субъектов РФ привели к фактической ликвидации института регионального конституционного контроля и свидетельствуют об определенном рода “откате”, инволюции в конституционно-правовом развитии не только субъектов РФ, но и Российской Федерации: по мнению ряда ученых, Закон о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ ограничил самостоятельность судебной власти, видовое разнообра-

зие судов и тем самым разбалансировал всю систему сдержек и противовесов в России»²⁵. Подобную точку зрения можно в полной мере поддержать. Следует признать неудачным привязывание конституционных (уставных) советов к высшим представительным (законодательным) органам государственной власти субъектов РФ.

В недавних работах, посвященных принятым республиканским законам о конституционных советах (Саха (Якутия), Адыгея, Башкортостан, Татарстан), отмечается один интересный факт — отсутствие обозначения данных органов как органов конституционного контроля. В этом отношении С. Б. Сафина выдвигает следующую точку зрения: «По всей видимости, региональный законодатель в новой ситуации вынужден ориентироваться в большей степени на конституционный надзор, нежели на конституционный контроль»²⁶. Однако, опираясь на вышеприведенные различия в законодательстве о Комитете конституционного надзора Республики Татарстан и о Конституционном совете Республики Татарстан, можно сделать вывод, что надзорная модель конституционной квазисудебной юстиции была намного шире, чем ныне предложенная — контрольная модель.

Перспективы развития конституционных (уставных) советов юристы видят в направлении двух моделей. Первый вариант предполагает закрепление федеральным законодателем компетенции и статуса конституционных (уставных) советов по французской модели либо создание гибридной модели, сочетающей предварительный и последующий нормоконтроль. За субъектом РФ должно признаваться право на создание подобного совета, однако

2023. № 8. С. 40–48 ; Курятников В. В. Указ. соч. С. 186–188 ; Марокко Н. А. Создание конституционного совета при органе законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации: первая практика реализации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 37–41 ; Сафина С. Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 41–45 ; Хабибуллина Г. Р. К вопросу о принципах деятельности и природе Конституционного совета субъекта Российской Федерации (на примере Республики Адыгея). С. 143–146.

²⁴ Беньяминова С. А., Балаян А. А., Кабанов В. А. Указ. соч. С. 72–89.

²⁵ Беньяминова С. А., Балаян А. А., Кабанов В. А. Указ. соч. С. 72–89.

²⁶ Сафина С. Б. Указ. соч. С. 41–45.

это должен быть квазисудебный орган конституционного контроля, осуществляющий свою деятельность независимо от законодательной власти. Второй вариант: в соответствии с п. 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 08.12.2020 № 7-ФКЗ право субъектов РФ учреждать конституционные (уставные) советы при законодательных (представительных) органах может быть истолковано как рекомендательное и не запрещающее им создавать иные государственные органы, в том числе самостоятельные органы конституционного контроля в виде советов, комитетов и т.д.²⁷

Вместе с тем единственно верным путем развития квазисудебного органа конституционной юстиции представляется его ликвидация с восстановлением полноценного конституционного правосудия.

Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ, разрешивший учреждать конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов РФ, создал плодотворную почву для возникновения различных коллизий. Принятые в четырех республиках законы об этих органах отчетливо показывают, что региональные законодатели не поняли природу данного органа, нормативно закрепив в итоге еще больше противоречий.

Проведенный анализ выявил, что у региональных законодателей нет общего представления и позиции, в каком направлении должны развиваться новые органы. В связи с этим существующие конституционные советы имеют следующие отличия:

1) самый большой численный состав конституционных советников представлен в Республике Адыгее, умеренным составом обладает Республика Саха (Якутия), тогда как в Республике Башкортостан состав варьируется, но самый малочисленный — в Республике Татарстан;

2) наиболее высокие требования, предъявляемые к членам Конституционного совета, установлены в Республике Саха (Якутия) и Республике Башкортостан, более слабые — в Республике Татарстан, но самые скромные в Республике Адыгее;

3) широкие полномочия имеют конституционные советы Республики Татарстан, Республики Башкортостан и Республики Саха (Якутия), в сравнении с ними аналогичный орган Республики Адыгеи имеет единственное полномочие.

Однако такие отличия представляются несущественными на фоне главного недостатка, объединяющего все конституционные советы, — исключительно рекомендательного характера выносимых ими заключений. Это фундаментальный недостаток. Независимо от того, насколько бы непредвзято данные органы ни рассматривали поступающие к ним запросы, насколько бы обоснованно ни излагали свою позицию о конституционности (неконституционности) тех или иных нормативных правовых актов, неважно как — их заключения всегда будут носить необязательный характер.

Напрашивается однозначный вывод, что в деле защиты Конституции Конституционный совет — это «картонный щит законности».

Фактически полное подчинение правотворчества субъектов РФ воле федерального центра ярко выражено в непосредственном определении за самих субъектов РФ того, какие органы у них должны существовать, а какие нет, какие упразднить, а какие оставить, и т.д. В российских условиях, когда на протяжении двух десятилетий подряд происходит неуклонное укрепление исполнительной власти, подавляющей все остальные ветви, нет оснований считать, что деятельность конституционных (уставных) советов приведет к однозначно позитивному развитию, а не к их упразднению по аналогии с конституционными (уставными) судами.

Если даже опустить норму об упразднении конституционных (уставных) судов субъектов РФ, то обнаружится еще один недостаток — это диспозитивная норма об их создании. За три года (на конец 2023 г.) создано всего лишь четыре конституционных совета, притом что субъектов РФ насчитывается 89. Доминирующей исполнительной власти невыгодны любые органы, способные указать на неконституционность тех или иных решений и нормативных правовых актов. Поэтому региональные законодатели не

²⁷ Беньяминова С. А., Баляткеев А. А., Кабанов В. А. Указ. соч. С. 72–89.

торопятся принимать законы о конституционных (уставных) советах.

Во многом конституционный (уставной) суд субъектов РФ как особый институт юстиции погубила именно норма о добровольности его создания. В частности, Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» придал конституционным (уставным) судам легитимность и предусмотрел возможность создания указанных судов в субъектах РФ. Но слабость этого Федерального закона заключалась в том, что проблему создания конституционных (уставных) судов он окончательно не решил, а это полномочие передал на откуп субъектам, включив в свое содержание не императивную, а диспозитивную норму. Сейчас ошибка 31 декабря 1996 г. повторяется.

Сходную проблему выдвигают и современные ученые-юристы в отношении конституционных (уставных) советов. Например, судья Конституционного Суда Республики Башкортостан в отставке и доктор юридических наук Ф. Р. Муратшин пишет: «Если решение этого вопроса вновь отдать на откуп субъектам Федерации, то есть большая вероятность того, что и на этот раз теперь уже новый институт конституционного контроля не получит широкого распространения и не даст ожидаемого результата»²⁸.

Отметим и еще один важный момент — это безразличие российского общества к конституционным (уставным) советам как новым органам, призванным обеспечивать конституционную законность в субъектах РФ, в том числе конституционные права и свободы граждан. В общедоступных глобальных электронных интернет-энциклопедиях до сих пор нет информации о создании в России конституционных (уставных) советов, а ведь с момента принятия указанного Федерального конституционного закона прошло более трех лет.

В целом же такие органы, как конституционные (уставные) советы, не только не характерны

для федеративных государств, но слабо себя проявили и в унитарных государствах (Алжир, Казахстан, Камбоджа, Марокко, Ливан, Тунис, Чад, Эфиопия и др.). Единственно приемлемой формой конституционной юстиции для федеративных государств, правовая система которых относится к романо-германской семье, выступает полноценное конституционное судопроизводство.

Выводы

К 2023 г. Татарстан, вопреки продуктивной деятельности Конституционного суда Республики Татарстан, остался без собственного органа конституционной юстиции. Ликвидация конституционного судопроизводства в Республике Татарстан существенно ослабила и без того значительно зависимую судебную ветвь власти, существенно урезав возможности граждан Республики рассчитывать на справедливое правосудие. Взамен было предложено создать некий «конституционный совет». Поэтому в данном случае вполне уместна фраза назначенного главы данного органа И. И. Гилязова: «Конституционный совет — это не суд. Что такое суд, кому, как не нам, знать?»²⁹.

Конституционный совет Республики Татарстан нельзя сравнивать с некогда существовавшим Комитетом конституционного надзора Республики Татарстан, ставшим плодом политической борьбы Республики за свой суверенитет и подготовившим почву для создания Конституционного суда Татарстана. Комитет конституционного надзора Республики Татарстан преследовал цели защиты не только Конституции Татарстана, но и самой суверенности Республики.

Нынешний Конституционный совет Республики Татарстан — это даже не откат в прошлое, к форме конституционного надзора, это откат в пустоту, в незнакомую для отечественной юри-

²⁸ Муратшин Ф. Р. Конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации: быть или не быть? // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 103–104.

²⁹ «Конституционный совет — это не суд!»: Ильгиз Гилязов ждет жалоб на законы Татарстана // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/610915> (дата обращения: 04.02.2024).

дической науки теорию. Об этом как раз и говорят последние работы, исследующие правовую природу конституционных (уставных) советов субъектов РФ. Появление конституционного совета — это не творение конституционной доктрины, это проявление правового дилетантизма.

С появлением Конституционного совета Татарстана возник целый ряд вопросов (и не только на республиканском уровне). Что такое Конституционный совет Республики Татарстан: это орган государственной власти с публично-властными полномочиями или орган государ-

ственной власти со статусом юридического лица?

Неясным остается и его привязка к Государственному Совету Татарстана: он является органом вспомогательным для высшей представительной (законодательной) ветви государственной власти Республики или самостоятельным и независимым органом государственной власти?

Таким образом, название настоящей статьи полностью отражает тот путь конституционной юстиции, который прошел Татарстан в процессе становления и развития конституционной юстиции, — шаг вперед, два шага назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беньяминова С. А., Баляткеев А. А., Кабанов В. А. Конституционные (уставные) советы субъектов Российской Федерации: в поисках статуса // Сравнительное конституционное обозрение. — 2023. — № 3. — С. 72–89.
2. Брежнев О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере Республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 4. — С. 21–30.
3. Галяева И. С. Предварительный конституционный надзор за региональным законодательством как полномочие конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: причины появления и проблемы регулирования // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 8. — С. 40–48.
4. Гатауллин А. Г. Конституционное правосудие в Республике Татарстан (очерки теории и практики). — Казань : Астория, 2008. — 199 с.
5. Конституционный суд Республики Татарстан: 20 лет на страже Конституции / предс. ред. кол. Ф. Г. Хуснутдинов. — Казань : Информационно-издательский центр, 2020. — 107 с.
6. Курилюк Ю. Е., Гаранин Д. А. Конституционные и уставные суды субъектов России в национальной судебной системе: прошлое, настоящее и будущее // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — № 4. — С. 66–72.
7. Курятников В. В. Конституционный совет Республики Татарстан: первый взгляд // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7 (223). — С. 186–188.
8. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 8. — 5-е изд. — М. : Изд-во политической литературы, 1967. — С. 185–414.
9. Марокко Н. А. Создание конституционного совета при органе законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации: первая практика реализации // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 4. — С. 37–41.
10. Муратшин Ф. Р. Конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации: быть или не быть? // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — № 3 (65). — С. 93–107.
11. Сафина С. Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 5. — С. 41–45.
12. Филиппова Н. А. Парламенты постсоветских государств: факторы доминирования и маргинализации // Политэкс. — 2006. — № 1. — С. 140–158.

13. Хабибуллина Г. Р. К вопросу о принципах деятельности и природе Конституционного совета субъекта Российской Федерации (на примере Республики Адыгея) // Образование и право. — 2023. — № 7. — С. 143–146.
14. Хабибуллина Г. Р. Общеправовые и межотраслевые конституционные принципы в региональном конституционном (уставном) правосудии: теория, методология и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2021. — 490 с.

Материал поступил в редакцию 10 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Benyaminova S. A., Balyatkeev A. A., Kabanov V. A. Konstitutsionnye (ustavnye) sovery subektov Rossiyskoy Federatsii: v poiskakh statusa // Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye. — 2023. — № 3. — S. 72–89.
2. Brezhnev O. V. Problemy organizatsii i kompetentsii konstitutsionnykh (ustavnykh) sovetov subektov Rossiyskoy Federatsii (na primere Respublik Adygeya, Sakha (Yakutiya), Bashkortostan) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 4. — S. 21–30.
3. Galyaeva I. S. Predvaritelnyy konstitutsionnyy nadzor za regionalnym zakonodatelstvom kak polnomochiye konstitutsionnykh (ustavnykh) sovetov subektov Rossiyskoy Federatsii: prichiny po'yavleniya i problemy regulirovaniya // Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo. — 2023. — № 8. — S. 40–48.
4. Gataullin A. G. Konstitutsionnoye pravosudie v Respublike Tatarstan (oчерki teorii i praktiki). — Kazan: Astoriya, 2008. — 199 s.
5. Konstitutsionnyy sud Respubliki Tatarstan: 20 let na strazhe Konstitutsii / preds. red. kol. F. G. Khusnutdinov. — Kazan: Informatsionno-izdatelskiy tsentr, 2020. — 107 s.
6. Kurilyuk Yu. E., Garanin D. A. Konstitutsionnye i ustavnye sudy subektov Rossii v natsionalnoy sudebnoy sisteme: proshloe, nastoyashchee i budushchee // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. — 2021. — № 4. — S. 66–72.
7. Kuryatnikov V. V. Konstitutsionnyy sovet Respubliki Tatarstan: pervyy vzglyad // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2023. — № 7 (223). — S. 186–188.
8. Lenin V. I. Shag vpered, dva shaga nazad (Krizis v nashey partii) // Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 8. — 5-e izd. — M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1967. — S. 185–414.
9. Marokko N. A. Sozdaniye konstitutsionnogo soveta pri organe zakonodatelnoy (predstavitelnoy) vlasti subekta Rossiyskoy Federatsii: pervaya praktika realizatsii // Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo. — 2023. — № 4. — S. 37–41.
10. Muratshin F. R. Konstitutsionnye (ustavnye) sovery pri parlamentakh subektov Rossiyskoy Federatsii: byt ili ne byt? // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2021. — № 3 (65). — S. 93–107.
11. Safina S. B. Konstitutsionnye (ustavnye) sovery v subektakh Rossiyskoy Federatsii: podkhody k opredeleniyu // Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo. — 2023. — № 5. — S. 41–45.
12. Filippova N. A. Parlamenti postsovetskikh gosudarstv: faktory dominirovaniya i marginalizatsii // Politeks. — 2006. — № 1. — S. 140–158.
13. Khabibullina G. R. K voprosu o printsipakh deyatel'nosti i prirode Konstitutsionnogo soveta subekta Rossiyskoy Federatsii (na primere Respubliki Adygeya) // Obrazovaniye i pravo. — 2023. — № 7. — S. 143–146.
14. Khabibullina G. R. Obshchepравovye i mezhотраслевye konstitutsionnye printsipy v regional'nom konstitutsionnom (ustavnom) pravosudii: teoriya, metodologiya i praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Kazan, 2021. — 490 s.

Правовой аспект тайны исповеди: сравнительный анализ законодательных основ и проблематики

Аннотация. Статья посвящена одной из самых неоднозначных тайн в правовом поле — тайне исповеди. Несмотря на периодические попытки нивелировать «печать тайны», она закрепляется в законах большинства стран как гарантия свободы религии. Рассматривать ее как обособленный вид тайны позволяет наличие у нее специфических черт. Проведен сравнительно-правовой анализ правового регулирования этого вида тайны в российском праве и праве зарубежных стран. Несмотря на терминологические различия, тайна исповеди охраняется через свидетельский иммунитет священнослужителей в процессуальной сфере. Результатом исследования стало выявление проблемных областей правового регулирования тайны исповеди, формирование ряда предложений по трансформации российского законодательства в данной области.

Ключевые слова: тайна исповеди; священнослужитель; свидетельский иммунитет; свобода вероисповедания; таинство; покаяние; конфиденциальность; конфессия; конкордат; каноническое право.

Для цитирования: Сидорова А. В. Правовой аспект тайны исповеди: сравнительный анализ законодательных основ и проблематики // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 189–198. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.189-198.

Legal Aspect of the Clergy Privilege: Comparative Analysis of Legislative Bases and Problems

Anna V. Sidorova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Economic Crimes Enforcement, Samara State University of Economics,
Samara, Russian Federation
an.sido@bk.ru

Abstract. The paper addresses one of the most controversial privileges in the legal field — the clergy privilege. Despite on-and-off attempts to level out the «seal of secrecy», it is enshrined in the laws of most countries as a guarantee of freedom of religion. The presence of specific features allows it to be considered as a separate type of privilege. A comparative legal analysis of the legal regulation of this type of secret in Russian law and the law of foreign countries is carried out. Despite terminological differences, the clergy privilege is protected through the witness immunity of clergy in the procedural sphere. The result of the study was the identification of problem areas

© Сидорова А. В., 2025

* Сидорова Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета Советской Армии ул., д. 141, г. Самара, Российская Федерация, 443090
an.sido@bk.ru

in the legal regulation of the clergy privilege, and the formation of a number of proposals for the transformation of Russian legislation in this area.

Keywords: clergy privilege; clergyman; witness immunity; freedom of religion; sacrament; repentance; confidentiality; confession; concordat; canon law.

Cite as: Sidorova AV. Legal Aspect of the Clergy Privilege: Comparative Analysis of Legislative Bases and Problems. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):189-198. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.189-198.

Введение

Среди стержневых ценностей современных демократических государств можно назвать свободу исповедовать, то есть на свое усмотрение быть приверженцем теизма или атеизма. Российская Федерация, будучи светским государством, закрепляет на законодательном уровне независимость государства и религиозных институтов по отношению друг к другу, принцип религиозной свободы. Гарантией конституционной свободы вероисповедания на современном этапе выступает среди прочего тайна исповеди. С точки зрения правового регулирования она является дискуссионной, так как выходит за пределы рационального. Тайна исповеди — один из многочисленных видов тайн, нашедших закрепление в российском законодательстве.

Эта тайна имеет ряд специфических особенностей:

- тайна исповеди зародилась и сформировалась как религиозный институт, выступающий составной частью таинства покаяния;
- религиозный аспект тайны исповеди подразумевает ее абсолютность, то есть запрет разглашения фактов, открывшихся исповеднику на исповеди;
- нарушение тайны исповеди предусматривает наложение канонического наказания (духовному лицу запрещается три года отправ-

лять религиозные обряды, назначается 100 ежедневных поклонов¹; отлучение от сана²);

- в каноническом праве наказанию подвергаются и лица, даже косвенно нарушившие тайну исповеди, — за действия, позволяющие подозревать кающегося в совершении греха (громкая речь во время исповеди; выражение лица исповедника, показывающее неприязнь или отвращение, и др.);

- институт тайны исповеди регулируется нормами канонического права; в светском праве тайна исповеди закрепляется и регулируется как гарантия свободы вероисповедания;

- норм, закрепляющих юридическую ответственность за нарушение тайны исповеди, российское законодательство не содержит;

- тайна исповеди выступает основой правового иммунитета священнослужителя в процессуальной сфере.

Формирование религиозного института тайны исповеди как части христианского таинства покаяния датируется VI веком. Именно в это время на смену общей форме исповеди приходит частная — беседа наедине со священником. Таинство покаяния подразумевает исповедание верующим грехов перед Богом, где свидетелем выступает священнослужитель.

В царской России тайна исповеди находилась под защитой государства. Так, строго предписывалось с 7-летнего возраста исповедоваться хотя бы один раз в год³. Родители, чьи дети нарушали

¹ Номоканон при большом требнике : Его история и тексты, греч. и слав., с объясн. и критич. примеч. : Опыт науч. разрешения вопр. об этом сб., возникавших в прошлом столетии в Святейшем правительствующем синоде. М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/nomokanon-pri-bolshom-trebnike/#0_123 (дата обращения: 10.05.2024).

² База решений Церковного суда РПЦ // URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Хойнацкий А. Практическое руководство для священнослужителей при совершении церковных треб в 4 выпусках. Вып. 2-й. О Таинстве Исповеди. 1873 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Hojnackij/

это правило, подвергались особому внушению от духовного и замечанию от местного гражданского начальства⁴. Священнослужителям вменялось непременно исповедоваться 4 раза в год. Нарушившие правило подвергались особому суду и наказанию от епархиальной власти⁵. Принятие в 1721 г. Духовного регламента спровоцировало смену абсолютного характера тайны исповеди на относительный. Регламент содержал положение, в соответствии с которым «Естьли кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое несделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену или бунт на Государя, или на Государство, или злое умышление на честь или здравие Государево и на фамилию Его Величества. А объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаивается, но ставит себе в истину, и намерения своего не отлагает, и не яко грех исповедует, но паче, дабы тако согласиен или молчанием духовника своего в намерении своем утвердился... то должен духовник не тако его за прямо исповеданные грехи прощения и разрешения не сподоблять; не есть бо исповедь правильная, аще кто не всех беззаконий своих кается: но и донести вскоре о нем...»⁶. После его отмены в 1917 г. тайне исповеди был возвращен ее абсолютный характер.

Право советского периода не содержало охранных норм для тайны исповеди. На священнослужителей распространялись общие нормы об ответственности за недонесение (ст. 190 УК

РСФСР⁷). Интересен факт, что в социалистической Польше в УПК и в Кодексе об административных правонарушениях закреплялся свидетельский иммунитет священнослужителя в части фактов, подпадающих под тайну исповеди⁸.

Сегодня РПЦ указывает: «Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди или иную охраняемую законом тайну (например, тайну усыновления). В своем душепопечении о заблудших и осужденных пастыри, через покаяние узнав сокрытое от следствия и правосудия, руководствуются тайной исповеди»⁹. Когда священнику стало известно о еще не совершенном тяжком преступлении, которое может привести к многочисленным человеческим жертвам, а кающийся не отказался от его исполнения, он может предупредить тех, кому угрожает опасность. Но и здесь есть одно очень важное условие — при сохранении в тайне информации, которая бы помогла установить личность кающегося. В случае затруднений служителю культа рекомендуется обратиться к епархиальному архиерею.

Такое положение дел сложилось не везде. Так, в англиканской церкви согласно канону 113 Кодекса 1603 г. священнослужитель обязан строго соблюдать тайну исповеди¹⁰, но в то же время закрепляются исключения для преступлений против государя или жизни самого духовника. Сейчас в соответствии с Руководством профессионального поведения духовенства

prakticheskoe-rukovodstvo-dlja-svjashhennosluzhitelej-pri-sovershenii-tserkovnyh-treb-v-4-vypuskah/2 (дата обращения: 10.05.2024).

⁴ Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. С. 221.

⁵ Инструкция благочинным иереям или протоиереям. М.: Московский университет, 1775. 32 с.

⁶ Монастырский хронограф. Духовный регламент Петра I 1721 г. // URL: https://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/ (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (с изм. и доп.) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁸ См.: Ustawa z dnia 19 kwietnia 1969 r. Kodeks postępowania karnego (Dz.U. 1969 nr. 13 poz. 96); Ustawa z dnia 14 czerwca 1960 r. Kodeks postępowania administracyjnego (Dz.U. 2016 nr. 23 j.t.).

⁹ Официальный документ Русской православной церкви, утвержденный на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года // URL: https://social-orthodox.info/materials/5_4_osnovyi_sotsialnoj_kontseptsii.pdf (дата обращения: 14.05.2024).

¹⁰ Canons Ecclesiastical 1603, 113. Современное издание: The Canons of 1603 (1604) // The Anglican Canons, 1529–1947 / G. Bray, ed. Woodbridge; Rochester; N. Y., 1998. P. 258–453.

(2014)¹¹ тайна исповеди не должна быть нарушена даже в случае смерти кающегося. Если же стало известно о тяжком противоправном деянии, священнослужитель должен потребовать от кающегося сообщить о нем в соответствующие органы. При отказе священник отказывает в отпущении грехов. В Австралии на фоне признания тайны исповеди нерушимой¹² в штатах Квинсленд, Виктория, Тасмания, Южная Австралия и Австралийская столичная территория священнослужитель обязан доносить властям о фактах сексуального насилия над детьми, о которых ему стало известно на исповеди¹³. За недонесение священнослужителю грозит лишение свободы до трех лет. В США в 2019 г. был разработан законопроект (SB360), предусматривающий обязанность исповедников сообщать о фактах сексуального насилия в отношении детей или жестокого обращения с ними, ставших им известными из исповеди¹⁴. Законопроект вызвал бурю негодования среди священнослужителей и верующих, причем не только католической конфессии, и был отозван с рассмотрения. В этом

году в Гонконге предложили принять Закон о безопасности, который предусматривает лишение свободы на срок до 14 лет за недонесение о факте государственной измены, для религиозных конфессий исключения не предусмотрены¹⁵.

Следует отметить, что исследований, посвященных правовому регулированию тайны исповеди, не так много. Здесь можно указать на работы А. В. Пчелинцева¹⁶, Д. В. Шибеева¹⁷, В. А. Коллантай¹⁸, К. М. Андреева¹⁹, И. В. Смольковой²⁰. А. В. Пчелинцев рассматривает тайну исповеди как составную часть обособленного вида профессиональных тайн — религиозной, определяя ее как «сведения, ставшие известными священнослужителю во время таинства покаяния, и которые защищены от разглашения законом и внутренними установлениями религиозных объединений»²¹. К. М. Андреев также относит тайну исповеди к одной из 3 составляющих религиозной тайны²². По мнению Д. В. Шибеева, познание тайны исповеди возможно в трех аспектах: «как информации, как нормативного режима, как вида тайны»²³.

¹¹ Guidelines for the Professional Conduct of the Clergy. The Convocations of Canterbury and York, 2014. P. 9.

¹² Кодекс канонического права. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 620 с.

¹³ CAN // URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/45756/queensland-passes-law-requiring-priests-to-break-confessional-seal> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁴ URL: <https://www.protestant.ru/news/church/ofchrist/article/1496335> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁵ Bitter Winter. Article 23: The Secret of Confession Under Attack in Hong Kong // URL: <https://bitterwinter.org/article-23-the-secret-of-confession-under-attack-in-hong-kong/> (дата обращения: 11.05.2024).

¹⁶ Пчелинцев А. В., Андреев К. М. Религиозная тайна. М. : Юриспруденция, 2014.

¹⁷ Шибеев Д. В. Правовой режим тайны исповеди. Соотношение светского и канонического права // Russian journal of legal studies. 2017. № 3 (12). С. 71–79.

¹⁸ Коллантай В. А. (свящ.) О направлениях реализации правового иммунитета священнослужителя русской православной церкви в оперативно-розыскной деятельности // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 66–74.

¹⁹ Андреев К. М. Понятие и особенности религиозной тайны в рамках реализации конституционной свободы вероисповедания : монография. М. : Юриспруденция, 2015 ; Он же. Право на религиозную тайну в Российской Федерации : монография. М. : Юриспруденция, 2014.

²⁰ Смолькова И. В. Проблемы, охраняемой законом тайны в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998.

²¹ Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 46.

²² Андреев К. М. Особенности тайны при реализации конституционной свободы вероисповедания (российский и зарубежный опыт) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 20.

²³ Шибеев Д. В. Указ. соч. С. 73.

Основная часть

Россия сохраняет беспристрастность в вопросах религиозных, мировоззренческих и философских убеждений. Основной причиной признания неприкосновенности тайны исповеди следует признать необходимость защиты достоинства человека, исповедующего свои грехи. Было бы трудно согласовать конституционные гарантии человеческого достоинства и свободы совести и вероисповедания с возможностью вмешательства государства в столь деликатную сферу религиозной жизни. Российская правовая система предусматривает тайну исповеди как гарантию конституционно закрепленного права на свободу вероисповедания. Ее неприкосновенность реализуется через установление в процессуальном законодательстве свидетельского иммунитета священнослужителя в части неразглашения обстоятельств, ставших ему известными в ходе исповеди.

Так, пункт 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывает: «Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди»²⁴. Подобные положения закреплены в п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ²⁵ («Не подлежат допросу в качестве свидетелей: 4) священнослужитель — об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди»), в п. 3 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ²⁶ («Не

подлежат допросу в качестве свидетелей священнослужители религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, — об обстоятельствах, которые стали им известны из исповеди»), в п. 3 ч. 3 ст. 51 КАС РФ²⁷ («не подлежат допросу в качестве свидетелей «священнослужители религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, — об обстоятельствах, которые стали им известны из исповеди»).

Налоговое законодательство распространяет свидетельский иммунитет на лиц «которые получили информацию, необходимую для проведения налогового контроля, в связи с исполнением ими своих профессиональных обязанностей, и подобные сведения относятся к профессиональной тайне этих лиц, в частности адвокат, аудитор»²⁸. Как видим, священнослужители не относятся к таковым. Не нашел закрепления свидетельский иммунитет священнослужителя ни в КоАП РФ²⁹, ни в АПК РФ³⁰.

Сложилась парадоксальная ситуация: в уголовном и гражданском процессе священнослужители наделены свидетельским иммунитетом в части сведений, обладателями которых они стали в ходе исповеди, однако таким иммунитетом они не обладают в процессе рассмотрения дел в соответствии с КоАП РФ и АПК РФ, что делает возможным вызов и допрос священнослужителей в качестве свидетеля по фактам, полученным из исповеди.

Исходя из буквальной трактовки п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ свидетельский иммунитет в уго-

²⁴ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп.) // Российская газета. 01.10.1997. № 190.

²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Парламентская газета. № 241–242. 22.12.2001.

²⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

²⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

²⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Российская газета. № 148–149. 06.08.1998.

²⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Парламентская газета. № 2–5. 05.01.2002.

³⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 27.07.2002. № 137.

ловном процессе распространяется и на священнослужителя религиозной организации, не имеющей государственной регистрации. Необходимо акцентировать внимание, что ГПК РФ конкретизирует границы свидетельского иммунитета в части тайны исповеди, распространяя его исключительно на «священнослужителя религиозной организации, прошедшей государственную регистрацию»³¹.

Следует отметить, что российское законодательство закрепляет две формы создания религиозных объединений: в виде религиозной группы или религиозной организации. Последние имеют статус юридического лица и обязаны быть зарегистрированы в Минюсте РФ. Вне зависимости от организационной формы религиозные объединения наделены равными правами в сфере отправления религиозных богослужений, церемоний и обрядов. На наш взгляд, было бы более верным на законодательном уровне закрепить свидетельский иммунитет священнослужителей не религиозных организаций, а религиозных объединений, зарегистрированных на территории РФ. Необходимо закрепить данное уточнение в п. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Целесообразно закрепить в ст. 25.6 КоАП РФ свидетельский иммунитет священнослужителя по аналогии с нормами ГПК РФ. Верным было бы включить в данную статью и положения о свидетельском иммунитете иных лиц, указанных в п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, и применить такой же подход к субъектам в отношении ч. 5 ст. 56 АПК РФ.

Только после приведения всех процессуальных норм российского права к единообразию можно будет утвердительно говорить об абсолютной охране тайны исповеди.

Обращаясь к теме свидетельского иммунитета, Конституционный Суд РФ еще в 2004 г. пояснил: «Лица, обладающие свидетельским иммунитетом, включая священнослужителей, вправе использовать сведения, ставшие им известными при выполнении профессиональной деятельности, в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, которых эти сведения непосредственно касаются»³². Отсюда можно констатировать, что священнослужитель имеет право раскрыть информацию, ставшую ему известной в ходе осуществления таинства покаяния, но исключительно в уголовном судопроизводстве и исключительно в целях защиты интересов определенного круга лиц. Как мы видим, это коррелирует с положениями Основ социальной концепции РПЦ, указанными выше. В иных случаях свидетельский иммунитет священнослужителя носит абсолютный характер. Это значит, что священнослужитель обязан не свидетельствовать по делу, а допрашивать его как свидетеля суд не вправе.

Обратимся к аналогичной сфере правового регулирования ближайших стран. В белорусском законодательстве тайна исповеди охраняется законом³³, она, как и в российском праве, является основой свидетельского иммунитета священнослужителя (ст. 92 ГПК РБ³⁴, ст. 60 УПК РБ³⁵). В Республике Беларусь предлагается закрепить в законодательстве перечень преступлений, по которым священнослужитель может

³¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2024).

³³ Закон Республики Беларусь от 30.12.2023 № 334-З «Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 05.01.2024. № 2/3053.

³⁴ Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 № 238-З (с изм. и доп. по состоянию на 17.07.2023) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 17.03.1999. № 10–12. Ст. 102.

³⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (с изм. и доп. по состоянию на 17.07.2023) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 25.08.1999. № 28–29. Ст. 433.

нарушить тайну исповеди³⁶, например терроризм, геноцид, преступления против безопасности человечества. В российской правовой науке есть сторонники данной концепции. Так, по мнению группы авторов, «если священник может и готов способствовать раскрытию преступлений, следует сделать исключение, позволяющее раскрывать тайну исповеди в интересах уголовного процесса. В интересах государства создать условия для священника, чтобы он мог безбоязненно сообщать информацию, ставшую ему известной из исповеди, касающейся преступления, без опасения наказания со стороны церкви»³⁷.

В Грузии действует конкордат, заключенный Грузинской апостольской автокефальной православной церковью и государством. Он закрепляет положение о том, что «государство поддерживает не только тайну исповеди, но и церковную тайну»³⁸. В соответствии с Законом «О свободе слова и выражения»³⁹ тайна исповеди отнесена к профессиональной тайне. Тайна исповеди также выступает основанием свидетельского иммунитета в уголовном процессе (ст. 50 УПК Грузии⁴⁰). Но, в отличие от российского законодательства, основанием свидетель-

ского иммунитета выступает обладание информацией, доверенной священнослужителю и иным способом (п. «в» ч. 1 ст. 50 УПК Грузии). На наш взгляд, такое решение следует признать верным. Согласно ГПК Грузии⁴¹ в качестве свидетелей не могут быть допрошены «духовные лица — по обстоятельствам, доверенных им во время исповеди».

Согласно ст. 9 Договора, заключенного между Черногорией и Сербской православной церковью, тайна исповеди обладает абсолютным характером «...и всегда неприкосновенна»⁴².

В Молдавии обязанность хранить тайну исповеди возложена на служителей религиозного культа⁴³. Молдавское гражданское и уголовное процессуальное законодательство связывает свидетельский иммунитет священнослужителей (служителей культа) с информацией, которая стала им известной в процессе выполнения служебных обязанностей (ст. 90 УПК РМ⁴⁴, ст. 133 ГПК РМ⁴⁵).

Во всех рассмотренных зарубежных законодательствах закреплён запрет на разглашение сведений, полученных священниками на исповеди. Посредством этого законодательного запрета гарантируется свобода вероисповедания

³⁶ Щур А. С. Тайна исповеди в условиях развития цифровых технологий // Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики : сборник статей межвуз. круглого стола с междунар. участием, Минск, 27 октября 2022 г. Минск : БГЭУ, 2022. С. 164–167.

³⁷ Татьяна Д., Закирова Л. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 141.

³⁸ Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской апостольской автокефальной православной церковью // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/318741.html> (дата обращения: 10.05.2024).

³⁹ Закон Республики Грузия от 24.06.2004 № 220 «О свободе слова и выражения мнения» (по состоянию на 30.11.2022) // Законодательный вестник Грузии (ЗВГ). 19. 15.07.2004.

⁴⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 № 1772 (по состоянию на 21.02.2024) // Законодательный вестник Грузии (ЗВГ) 31. 03.11.2009.

⁴¹ Гражданский процессуальный кодекс Грузии от 14.11.1997 № 1106 (по состоянию на 21.02.2024) // Парламентские ведомости, 47–48, 31.12.1997.

⁴² URL: <https://pravoslavie.ru/147600.html> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴³ Закон Республики Молдова от 11.05.2007 № 125-XVI «О свободе совести, мысли и вероисповедания» // Официальный монитор Республики Молдова. № 127–130. 17 августа 2007 г. Ст. 546.

⁴⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV // Официальный монитор Республики Молдова. № 104–110. 7 июня 2003 г. Ст. 447.

⁴⁵ Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30.05.2003 № 225-XV // Официальный монитор Республики Молдова. № 111–115. 12 июня 2003 г. Ст. 451.

как одно из важнейших прав личности в демократическом государстве. Гарантия эта реализуется посредством закрепления процессуального свидетельского иммунитета священников. Однако следует отметить терминологическое и семантическое различия в данной сфере правового регулирования.

Заключение

Следует констатировать, что российское законодательство в сфере регулирования тайны исповеди далеко от совершенства. На наш взгляд, целесообразно:

— в первую очередь скорректировать норму п. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», сформулировав ее следующим образом: «Священнослужитель **религиозного объединения, прошедшего государственную регистрацию**, не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди»;

— систему правовых актов, содержащих процессуальные нормы, необходимо привести к единообразию, исходя из положений вышеуказанной нормы в новой редакции;

— верным было бы отнести тайну исповеди к профессиональной тайне, но это упирается в определение понятия «профессиональная тайна», которого нет в российском законодательстве. В данном случае конфиденциальность следует распространить не только на информацию, ставшую известной в ходе исповеди, но и на всю информацию, полученную служителем религиозного культа при реализации профессиональной деятельности;

— включить данный вид тайны в ч. 4 Перечня сведений конфиденциального характера⁴⁶ как вид профессиональной тайны.

Существует еще ряд неразрешенных вопросов в правовом регулировании тайны исповеди: законодательство не содержит понятий «исповедь» и «священнослужитель». Следует отметить, что эти определения нельзя признать общеконфессиональными, поскольку они не отражают единство существенных свойств и связей обобщаемых предметов (обрядов, культовых действий, таинств и лиц, их совершающих) в разных конфессиях. Такое положение дел не позволяет говорить о межконфессиональном равенстве в сфере свидетельского иммунитета, что противоречит конституционным положениям. Данная проблематика требует дальнейшей тщательной разработки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев К. М. Особенности тайны при реализации конституционной свободы вероисповедания (российский и зарубежный опыт) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 27 с.
2. Андреев К. М. Понятие и особенности религиозной тайны в рамках реализации конституционной свободы вероисповедания : монография. — М. : Юриспруденция, 2015. — 227 с.
3. Андреев К. М. Право на религиозную тайну в Российской Федерации : монография. — М. : Юриспруденция, 2014. — 180 с.
4. Кодекс канонического права. — М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 620 с.
5. Коллантай В. А. (свящ.) О направлениях реализации правового иммунитета священнослужителя русской православной церкви в оперативно-розыскной деятельности // Философия права. — 2022. — № 2 (101). — С. 66–74.
6. Монастырский хронограф. Духовный регламент Петра I 1721 года // URL: https://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/ (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁶ Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. № 5.

7. Номоканон при большом требнике: Его история и тексты, греч. и слав., с объясн. и критич. примеч.: Опыт науч. разрешения вопр. об этом сб., возникавших в прошлом столетии в Святейшем правительствующем синоде. — М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897.
8. Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 57 с.
9. Пчелинцев А. В., Андреев К. М. Религиозная тайна. — М.: Юриспруденция, 2014. — 63 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. — М., 1988. — 432 с.
11. Смолькова И. В. Проблемы, охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. — Иркутск, 1998. — 404 с.
12. Татьяна Д., Закирова Л. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник ОГУ. — 2011. — № 3 (122). — С. 140–142.
13. Хойнацкий А. Практическое руководство для священнослужителей при совершении церковных треб в 4 выпусках. Вып. 2-й. О Таинстве Исповеди. 1873 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Hojnackij/prakticheskoe-rukovodstvo-dlja-svjashhennosluzhitelej-pri-sovershenii-tserkovnyh-treb-v-4-vypuskah/2 (дата обращения: 10.05.2024).
14. Шиббаев Д. В. Правовой режим тайны исповеди. Соотношение светского и канонического права // Russian journal of legal studies. — 2017. — № 3 (12). — С. 71–79.
15. Щур А. С. Тайна исповеди в условиях развития цифровых технологий // Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики: сборник статей межвузовского круглого стола с международным участием, Минск, 27 октября 2022 г. — Минск: БГЭУ, 2022. — С. 164–167.
16. Guidelines for the Professional Conduct of the Clergy. — The Convocations of Canterbury and York, 2014.

Материал поступил в редакцию 15 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev K. M. Osobennosti tayny pri realizatsii konstitutsionnoy svobody veroispovedaniya (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 27 s.
2. Andreev K. M. Ponyatie i osobennosti religioznoy tayny v ramkakh realizatsii konstitutsionnoy svobody veroispovedaniya: monografiya. — M.: Yurisprudentsiya, 2015. — 227 s.
3. Andreev K. M. Pravo na religioznuyu taynu v Rossiyskoy Federatsii: monografiya. — M.: Yurisprudentsiya, 2014. — 180 s.
4. Kodeks kanonicheskogo prava. — M.: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2007. — 620 s.
5. Kollantay V. A. (svyashch.) O napravleniyakh realizatsii pravovogo immuniteta svyashchennosluzhitelya russkoy pravoslavnoy tserkvi v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Filosofiya prava. — 2022. — № 2 (101). — S. 66–74.
6. Monastyrskiy khronograf. Dukhovnyy reglament Petra I 1721 goda // URL: https://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/ (data obrashcheniya: 10.05.2024).
7. Nomokanon pri bolshom trebnike: Ego istoriya i teksty, grech. i slav., s obyasn. i kritich. primech.: Opyt nauch. razresheniya voпр. ob etom sb., vznikavshikh v proshlom stoletii v Svyateyshem pravitel'stvuyushchem sinode. — M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelya, preemn. E. Lissnera i Yu. Romana, 1897.
8. Pchelintsev A. V. Svoboda veroispovedaniya i religioznye obedineniya v Rossiyskoy Federatsii (konstitutsionno-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2012. — 57 s.
9. Pchelintsev A. V., Andreev K. M. Religioznaya tayna. — M.: Yurisprudentsiya, 2014. — 63 s.
10. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6. — M., 1988. — 432 s.
11. Smolkova I. V. Problemy, okhranyaemoy zakonom tayny v ugovnom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Irkutsk, 1998. — 404 s.

12. Tatyannin D., Zakirova L. Problemy tayny ispovedi v ugolovnom protsesse Rossii // Vestnik OGU. — 2011. — № 3 (122). — S. 140–142.
13. Khoynatskiy A. Prakticheskoe rukovodstvo dlya svyashchennosluzhiteley pri sovershenii tserkovnykh treb v 4 vypuskakh. Vyp. 2-y. O Tainstve Ispovedi. 1873 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Hojnackij/prakticheskoe-rukovodstvo-dlja-svjashhennosluzhitelej-pri-sovershenii-tserkovnyh-treb-v-4-vypuskah/2 (data obrashcheniya: 10.05.2024).
14. Shibaev D. V. Pravovoy rezhim tayny ispovedi. Sootnoshenie svetskogo i kanonicheskogo prava // Russian journal of legal studies. — 2017. — № 3 (12). — S. 71–79.
15. Shchur A. S. Tayna ispovedi v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy // Pravovoe regulirovanie otnosheniy, vznikayushchikh v svyazi s razvitiem tsifrovoy ekonomiki: sbornik statey mezhvuzovskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, Minsk, 27 oktyabrya 2022 g. — Minsk: BGEU, 2022. — S. 164–167.
16. Guidelines for the Professional Conduct of the Clergy. — The Convocations of Canterbury and York, 2014.

Академическая свобода как инструмент демократии

Аннотация. Целью статьи является исследование функций академической свободы в качестве инструмента демократии. Автором проанализированы особенности советской и российской правовой системы в части обеспечения академической свободы, определен потенциал академической свободы в политико-правовой сфере, показана роль академической свободы в научно-образовательной и исследовательской деятельности в сфере права. В ходе исследования были использованы методы: системно-структурный, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, изучены работы А. Я. Вышинского, В. И. Ленина, С. Б. Полякова и иных авторов. В статье показано влияние академической свободы на формирование профессионального мировоззрения акторов, создающих политическое и правовое пространство государства; определена особая функция правоведов в качестве «квалифицированного защитника справедливости и конституционных ценностей». В заключение приводится перечень мер, которые, по мнению автора, способны повлиять на обеспечение прогресса научно-образовательной и исследовательской деятельности в России.

Ключевые слова: академическая свобода; научно-образовательная деятельность в сфере права; юридическое образование; справедливость; конституционные ценности; тоталитаризм; демократия.

Для цитирования: Кротов А. В. Академическая свобода как инструмент демократии // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 199–208. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.199-208.

Academic Freedom as an Instrument of Democracy

Andrey V. Krotov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Jurisprudence, Nizhny Novgorod Institute (Branch), Moscow University of the Humanities and Economics, Nizhny Novgorod, Russian Federation
pravonnov@yandex.ru

Abstract. The aim of the paper is to explore the functions of academic freedom as an instrument of democracy. The author analyzes the features of the Soviet and Russian legal systems in terms of ensuring academic freedom, determines the potential of academic freedom in the political and legal sphere, and shows the role of academic freedom in scientific, educational and research activities in the field of law. In the study, the following methods were used: systemic-structural, historical, comparative-legal, formal-legal. The works of A.Ya. Vyshinsky, V.I. Lenin, S.B. Polyakov and other authors were studied. The paper shows the influence of academic freedom on the formation of the professional worldview of actors creating the political and legal space of the state. The special function of

© Кротов А. В., 2025

* Кротов Андрей Владиславович, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции Нижегородского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета Сормовское ш., д. 20, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603074
pravonnov@yandex.ru

lawyers as a «qualified defender of justice and constitutional values» is defined. In conclusion, a list of measures is provided which, in the author's opinion, can influence the progress of scientific, educational and research activities in Russia.

Keywords: academic freedom; scientific and educational activity in the field of law; legal education; justice; constitutional values; totalitarianism; democracy.

Cite as: Krotov AV. Academic Freedom as an Instrument of Democracy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):199-208. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.199-208.

Распад Советского государства в конце XX в. сопровождался крахом советской идеологической системы, характерной особенностью которой являлась идеологизация научно-образовательной и исследовательской деятельности.

Марксизм-ленинизм, занимавший господствующую идеологическую позицию, рассматривался в качестве единственно верной научной системы, что превратило академическую свободу в фикцию.

Известный советский правовед профессор А. Я. Вышинский писал: «Марксизм ответил на все самые сложные и казавшиеся до того неразрешимыми вопросы истории, философии, политической экономии, права, нравственности... Творческая работа советских юристов продолжается с новой энергией на основе научного наследства величайших мыслителей человечества, бессмертных основоположников единственно подлинно научной теории, торжествующей свою победу на одной шестой части света, покрытой неувядаемой славой, гордо носящей имя своего родоначальника, гениального первоучителя пролетариев всех стран, великого Маркса»¹.

Марксизм-ленинизм считался в СССР уникальным, передовым учением; научно-образовательная и исследовательская деятельность были подчинены коммунистической идеологии и целям государственного строительства, что нашло свое отражение в советской правовой системе и полностью соответствовало устано-

вившемуся в государстве тоталитарному политическому режиму.

Согласно ст. 25 Конституции РСФСР 1978 г.² в РСФСР существовала единая система народного образования, обеспечивающая общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан и служащая коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, подготовке ее к труду и общественной деятельности.

В Законе РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании» отмечалось, что «целью народного образования в СССР является подготовка высокообразованных, всесторонне развитых активных строителей коммунистического общества, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, в духе уважения к советским законам и социалистическому правопорядку»³. В перечень основных задач высших учебных заведений входила подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих марксистско-ленинской теорией, воспитание у студентов высоких моральных качеств, коммунистической сознательности, культуры, социалистического интернационализма, советского патриотизма, готовности к защите социалистической Родины (ст. 61 Закона РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании»).

В пункте 1 постановления ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.02.1964 № 163 «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях»⁴ было закреплено

¹ Вышинский А. Я. Вопросы права и государства у К. Маркса // Вестник Академии наук СССР. 1938. № 5. С. 24–26.

² Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

³ Закон РСФСР «О народном образовании» // Ведомости ВС РСФСР. 1974. № 32. Ст. 850.

⁴ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.02.1964 № 163 «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» // СП СССР. 1964. № 3. Ст. 15.

требование о выполнении научно-исследовательских работ в высших учебных заведениях в качестве составной части научных исследований, выполняемых в стране, органически входящих в общегосударственные планы развития науки и техники.

В условиях советского государства академическая свобода, с присущей ей свободой университетов, самостоятельностью ученых в выборе темы исследования, возможностью свободного обсуждения и публикации результатов исследования, свободным определением темы и формы преподавания, была отброшена за ненадобностью. Политические власти рассматривали академическую свободу, способствующую формированию пространства инакомыслия и критики властей, в качестве угрозы своему существованию, соответственно, активно ей противодействовали.

В СССР в процессе борьбы с инакомыслием в науке и образовании были арестованы 99 членов АН СССР (РАН), в том числе 5 почетных членов, 33 действительных члена и 61 член-корреспондент, в период с ноября 1928 по июль 1955 г. не было дня, когда в заключении не находился бы какой-нибудь член АН СССР. Из 99 арестованных членов Академии наук 44 погибли в результате репрессий: 23 расстреляно, 13 умерло в заключении (в тюрьмах и лагерях), 8 — в ссылке⁵.

Вышеуказанная практика привела к закономерному результату — в СССР возникла технологическая, экономическая и социальная стагнация, обусловленная, в частности, невосприимчивостью научно-образовательной и исследовательской деятельности к новому. Самоизоляция государства от мировых процессов глобализации создала колоссальное отставание

от стран западного мира. Основные средства, выделявшиеся на науку и образование, были направлены на решение задач военно-промышленного комплекса⁶.

Враждебное отношение к академической свободе в СССР свело к минимуму творческое и неординарное мышление студентов, преподавателей и ученых, существенно сузило их личный и профессиональный кругозор, препятствовало развитию научных знаний, что особенно ярко проявилось в социально-гуманитарных науках в конце XX в.

Достичь прогресса, который, согласно учению Г. Тарда, основывается на изобретении одного лица и на подражании этому изобретению массы⁷ и тесно связан с формированием социальных различий как инструмента человеческой эволюции, добиться приращения благ населения, построить развитую и конкурентоспособную экономику, эффективную правовую систему на основе только марксизма-ленинизма, руководствуясь общегосударственными планами развития науки и образования, коммунистической сознательностью, игнорируя академическую свободу как метаоснову научно-образовательной и исследовательской деятельности, как показал опыт СССР, невозможно.

В 1990-х гг. в России подход к академической свободе подвергся коренной модификации по западному образцу (процесс *cat up growth*).

В части 1 ст. 44 Конституции РФ⁸ гарантируется свобода научного творчества, преподавания. Непосредственно из этой нормы судьи Конституционного Суда РФ конструируют особый статус педагогических работников, предполагающий их наделение специальными академическими правами и свободами⁹.

⁵ Томилин К. А. Репрессии членов академии наук и солнечная активность // URL: <https://ihst.ru/projects/sohist/papers/tom02i.htm> (дата обращения: 04.08.2024).

⁶ Бодрова Е. В., Калинов В. В. Факторы, определившие технологическое отставание СССР накануне перестройки // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 63–70.

⁷ Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2011. С. 422.

⁸ Российская газета. № 237. 25.12.1993.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» // СЗ РФ. 2022. № 30. Ст. 5692.

Под академической свободой судьи Конституционного Суда РФ предлагают понимать свободу педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также возлагаемую на педагогов академическую ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения. Одним из элементов академической свободы является самостоятельность вузов («узкий» подход к академической свободе).

В статье 47 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰, развивающей положения ст. 44 Конституции РФ, закреплён особый правовой статус педагогического работника, в который включен ряд академических прав и свобод: свобода преподавания, свободное выражение своего мнения, свобода от вмешательства в профессиональную деятельность, право на осуществление научной, научно-технической, творческой, исследовательской деятельности, участие в экспериментальной и международной деятельности, разработках и во внедрении инноваций и пр.

Субъектам научной и (или) научно-технической деятельности гарантируется, согласно пп. 2 ст. 3 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹¹, свобода творчества, предоставляется право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок.

В статье 6 Указа Президента РФ от 13.06.1996 № 884 «О доктрине развития российской науки»¹² отмечается, что важнейшим принципом государственной научной политики является

свобода научного творчества, последовательная демократизация научной сферы, открытость и гласность при формировании и реализации научной политики.

Особое внимание обеспечению академической свободы уделяется на международном уровне.

Согласно ст. 13 «Свобода искусства и науки» Хартии ЕС об основных правах, искусство и научное познание свободны; уважается академическая свобода¹³.

В Рекомендации ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений 1997 г.¹⁴ отмечается, что высшее образование и исследовательская деятельность играют ведущую роль в поиске, углублении и передаче знаний и представляют собой исключительно ценное культурное и научное достояние. Право на образование, преподавание и исследовательскую деятельность может быть реализовано в полном объеме лишь в условиях академической свободы и автономии высших учебных заведений, открытое распространение результатов, гипотез и мнений лежит в основе высшего образования и обеспечивает самую надежную гарантию точности и объективности научной работы и исследовательской деятельности. Преподавательские кадры высших учебных заведений должны иметь не ограниченный цензурой доступ к международным компьютерным сетям, спутниковым программам и базам данных, необходимым для их преподавательской, научной или исследовательской деятельности.

Верховный суд США¹⁵ гарантии академической свободы основывает на первой поправке к Конституции США, несмотря на отсутствие в ней явного упоминания академической свободы: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-

¹⁰ Российская газета. № 303. 31.12.2012.

¹¹ Российская газета. № 167. 03.09.1996.

¹² Российская газета. № 115. 20.06.1996.

¹³ URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁴ Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel // URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-concerning-status-higher-education-teaching-personnel> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁵ См.: Davis J., Frank G. Academic freedom and the law // The Yale Law Journal. 1937. Vol. 46. P. 670–686.

либо религии, или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб»¹⁶.

Член Верховного суда США Ф. Франкфуртер определил академическую свободу следующим образом: «Это возможность самостоятельно определять, кто может преподавать, чему можно учить, как этому следует учить и кого можно допустить к обучению... Университет характеризуется духом свободного исследования, его идеалом является идеал Сократа — “следовать за аргументом туда, куда он ведет”. Это подразумевает право изучать, подвергать сомнению, изменять или отвергать традиционные идеи и убеждения»¹⁷.

Сходные элементы академической свободы выделяют в своем исследовании европейские ученые Г. Ковац и З. Ронаем¹⁸. По их мнению, ядро академической свободы состоит из свободы исследования, свободы обучения, свободы преподавания. Следующий уровень — свободное распространение знаний в очной и заочной форме. Вспомогательные элементы: финансовая безопасность, университетская автономия (самоуправление), гарантированная занятость.

Особенности реализации академической свободы связаны с абстрагированием в процессе обучения и осуществления научных исследований от социальных стереотипов, с критическим осмыслением официальных доктрин, распространенных мнений правящих политиков и политических групп, с обращением к непопулярным и спорным идеям (что в тоталитарном государстве, например СССР, невыполнимо). Интересно и актуально применительно к современным российским реалиям мнение И. М. Сафина¹⁹, который отмечает, что академи-

ческая свобода включает в себя и обязанности, например относительно публикации результатов исследований, содержащих негативную оценку деятельности правительства.

Несомненно, важна и такая задача академической свободы, как защита педагогических и научных работников, студентов. В соответствии с постановлением ЕСПЧ от 04.05.2021 по делу «Акдениз и другие против Турции» (жалобы № 41139/15 и 41146/15)²⁰ академическая свобода не ограничивается университетскими или научными исследованиями, она распространяется также на свободу научных работников выражать свои точки зрения и мнения, даже если они являются противоречивыми или непопулярными в областях своих исследований, профессиональной экспертизы и опыта; более того, как правило, правовые гарантии свободного выражения мнения в отношении научных работников, по сравнению с рядовыми гражданами, расширены.

Академическая свобода, призванная в том числе обеспечить подготовку квалифицированных специалистов, способствовать продвижению знаний, выполняет не менее важную роль в политико-правовой сфере, способствуя формированию плюрализма мнений в обществе, поддерживая и развивая демократические институты, содействуя инкорпорации государства, национальной науки, системы образования в процессы глобализации как на международном, так и на региональном уровне.

Совершая политический выбор, граждане во многом полагаются на свои представления о том, на что похож мир, и очень часто они обращаются к науке, чтобы разрешить неопределенность выбора, сформировать этические и моральные ориентиры. Соответственно, роль академической свободы применительно к по-

¹⁶ Билль о правах // URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Russian-translation-U.S.-Bill-of-Rights.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁷ Davis J., Frank G. Op. cit.

¹⁸ How academic freedom is monitored — Overview of methods and procedures // URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU\(2023\)740228](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU(2023)740228) (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁹ Сафин И. М. Международная трактовка термина «академическая свобода» // Совет ректоров. 2008. № 9. С. 27–31.

²⁰ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2022. № 1.

строению демократического государства обладает огромным потенциалом.

Академическая свобода призвана погрузить студента, преподавателя и ученого в мир профессиональных различий, сформировать их особый статус в качестве активных членов демократического общества, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на социальное окружение, а также жизненно важно для поддержания непрерывного развития и благополучия общества, максимализации капиталов его членов.

Научные исследования, свободные от политических, культурных и догматических ограничений, университетские дискуссии по вопросам, вызывающим общественный интерес, способствуют обеспечению прав и свобод человека, развивают гражданский контроль за действиями политических властей, подпитывают развитие демократических институтов.

Особенно ярко роль академической свободы как инструмента демократии проявляется в научно-образовательной и исследовательской деятельности в сфере права.

В СССР научные исследования в сфере права, как и юридическое образование, строились на основе государственных интересов и под воздействием официальной идеологии, были строго выверены и цензурированы, обслуживали исключительно элитарные слои политического общества, что, в свою очередь, являлось одним из инструментов сохранения сложившегося в государстве тоталитарного режима.

Сама идея права как инструмента справедливости была поражена длительной болезнью, от которой на данный момент еще полностью не излечилась.

Как показали события, последовавшие за приходом к власти большевиков в результате октябрьского переворота 1917 г., изменение текста действующей конституции, законов не представляет собой в условиях диктатуры

архисложную правовую задачу. В июле 1918 г. В. И. Ленин, выступая на V Всероссийском съезде Советов, заявил: «...плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»²¹. Революционное право, по В. И. Ленину, «это революционная власть низов, диктаторски осуществляющих свое господство явочным порядком, внедряющих в жизнь новые общественные формы, причем именно в силу особенностей своего происхождения, эта новая революционная власть не ограничивается и не может быть ограничена никакими формальными законами... Народ, масса населения, неоформленная, “случайно” собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право»²².

Советская правовая наука в отсутствие правовых гарантий обеспечения академической свободы не только не смогла противостоять диктатуре большевиков, но и была за достаточно короткий срок успешно преобразована в институт легитимации тоталитарного режима, оказывая влияние в том числе на подготовку специалистов в сфере права в ключе «юрист-ремесленник».

В условиях демократического режима на авансцену борьбы с диктатурой, когда конституция и законы свергнуты, а право бессильно перед группой алчущих власти политиков, должна выйти академическая свобода, с ее влиянием на формирование профессионального мировоззрения акторов, создающих политическое и правовое пространство государства в демократическом ключе. Советский тоталитаризм с его всеобъемлющей идеологической манипуляцией, открытым террором и насилием (как метко отмечал И. А. Бердяев, «советское государство...

²¹ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М. : Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР ; Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 89–90.

²² Крыленко Н. В. Ленин и Сталин о революционной законности. М. : Советское законодательство, 1934. С. 11.

есть единственное в мире последовательное, до конца доведенное тоталитарное государство»²³) привел к утрате академической свободой столь важных функций.

Выпускник факультета права, тем более преподаватель, исследователь права, как правило, всегда находится в центре любого политико-правового процесса (вспомним В. И. Ленина с его юридическим образованием, полученным в Петербургском университете) и должен быть готов выполнять не только функцию ремесленника, составителя договоров и юридических меморандумов, консультанта относительно того, что написано в законе или как нужно действовать в соответствии с законом, но и функцию хранителя права, защитника населения от произвола политических властей, должен осуществлять поддержку легальности и легитимности закрепленного в конституции политико-правового режима, совершенствовать правовую систему, быть «квалифицированным защитником справедливости и конституционных ценностей».

Оценивая в настоящей работе в достаточно фрагментарном порядке состояние академической свободы в современной России, целесообразно обратить внимание на крутой разворот в интерпретации академической свободы, произошедший в России за период 1993–2024 гг. Например, содержание ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в редакции 2023 г.²⁴ (в ней, в частности, отмечается, что «педагогические работники обязаны: осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе

правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства; формировать в процессе осуществления педагогической деятельности у обучающихся чувство патриотизма, уважение к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества») позволяет сделать вывод о нарастающем тождестве процессов толкования академической свободы в СССР и современной России.

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁵ в области образования, науки реализуется государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Реформы в области образования и воспитания, культуры, науки должны проводиться в целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии, с учетом исторических традиций российского общества, накопленного опыта и при условии проведения общественного обсуждения соответствующих реформ.

Вполне обоснованно в российской научной литературе²⁶ отмечаются следующие проблемы реализации академической свободы России: организационные ограничения, накладываемые администрацией научных организаций; установление ограничений на преподавание определенных курсов и исследование определенных тем; самоцензура исследователей в отношении выбора и формулировки тем исследования; отсутствие норм, обеспечивающих академическую свободу, утвержденных и признанных академическим сообществом, и пр. В России из-

²³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : АН СССР, Науч. совет по пробл. культуры ; Наука, 1990. С. 120.

²⁴ Федеральный закон от 25.12.2023 № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации””» // Российская газета. № 297. 29.12.2023.

²⁵ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

²⁶ Понимание академической свободы в российском контексте. Доклад по результатам социологического исследования 2020 г. // URL: <https://cisrus.org/wp-content/uploads/2020/11/academic-freedom.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

вестные ученые перешли к публичной критике академической свободы. Например, С. Б. Поляков в лучших традициях советской идеологии сравнивает академическую свободу с «козой Лазарева». Свободы исследования и обучения не являются для нас, пишет С. Б. Поляков (кого имеет в виду С. Б. Поляков в данном случае не вполне ясно. — А. Кротов), «высшими ценностями, а подчинены... реализации трудовых функций, т.е. публичным целям образования... Академическая свобода каждому вузу опасна, как полная свобода опасна для самой козы и для ее хозяйки, получающей от такой свободы только рожки да ножки»²⁷.

Поражает, насколько коротка оказалась историческая память о колоссальном негативном воздействии на научно-образовательную и исследовательскую деятельность советского подхода к академической свободе.

Результаты подобного подхода к интерпретации академической свободы уже дают о себе знать: студенты неохотно участвуют в обсуждении актуальных проблем, тем более в политико-правовой сфере, нечасто оспаривают предлагаемые им в рамках учебного курса определения. Механическое заучивание терминов, часто предлагаемых преподавателями в качестве единственно верных, приводит к отсутствию навыков профессионального критического мышления, анализ правовых текстов сводится к цитированию правовых норм. Указанная тенденция проявляется и в судебском корпусе.

Таким образом, в современной России наблюдается реставрация подхода к академической свободе по образцу СССР — со всеми его stagnирующими последствиями. В целях же обеспечения прогресса научно-образователь-

ной и исследовательской деятельности, сокращения отставания России от развитых стран западного мира требуется применение комплексных мер, среди которых возможно выделить:

- приведение норм отраслевого национального законодательства в соответствие с Конституцией РФ;

- корректировку политических нарративов в пользу академической свободы образца 1990-х гг. в России, с вектором демократизации научно-образовательной и исследовательской деятельности;

- создание финансовых гарантий в целях обеспечения независимой деятельности университетов, преподавателей, ученых;

- имманентное развитие академической свободы на основании ст. 29, 44 Конституции РФ;

- раскрытие потенциала академической свободы в качестве инструмента демократии, средства обеспечения конституционных прав и свобод;

- декриминализацию сферы академической свободы;

- переход к широкому толкованию термина «академическая свобода», основу которой составляют: свобода педагогических работников вуза излагать предмет по своему усмотрению; свобода самостоятельного выбора темы научного исследования и проведение его своими методами; свобода распространения мнений, результатов исследований, гипотез, теорий и их свободная критика, в том числе в процессе обучения, независимо от придания им доминирующего (институционального) характера; свобода доступа к различным источникам информации, необходимым для научно-образовательной и исследовательской деятельности.

²⁷ Поляков С. Б. Академические свободы: формирование образовательных программ // Российский судья. 2021. № 10. С. 54–59.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М. : АН СССР, Науч. совет по пробл. культуры ; Наука, 1990. — 220 с.
2. Бодрова Е. В., Калинов В. В. Факторы, определившие технологическое отставание СССР накануне перестройки // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 52. — С. 63–70.
3. Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. — М. : Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР ; Гос. изд-во юрид. лит., 1949. — 420 с.
4. Вышинский А. Я. Вопросы права и государства у К. Маркса // Вестник Академии наук СССР. — 1938. — № 5. — С. 24–26.
5. Крыленко Н. В. Ленин и Сталин о революционной законности. — М. : Советское законодательство, 1934. — 54 с.
6. Поляков С. Б. Академические свободы: формирование образовательных программ // Российский судья. — 2021. — № 10. — С. 54–59.
7. Понимание академической свободы в российском контексте. Доклад по результатам социологического исследования 2020 г. // URL: <https://cisrus.org/wp-content/uploads/2020/11/academic-freedom.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).
8. Сафин И. М. Международная трактовка термина «академическая свобода» // Совет ректоров. — 2008. — № 9. — С. 27–31.
9. Томилин К. А. Репрессии членов академии наук и солнечная активность // URL: <https://ihst.ru/projects/sohist/papers/tom02i.htm> (дата обращения: 04.08.2024).
10. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова. — СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. — 703 с.
11. Davis J., Frank G. Academic freedom and the law // The Yale Law Journal. — 1937. — Vol. 46. — Pp. 670–686.
12. How academic freedom is monitored — Overview of methods and procedures // URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU\(2023\)740228](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU(2023)740228) (дата обращения: 04.08.2024).
13. Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel // URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-concerning-status-higher-education-teaching-personnel> (дата обращения: 04.08.2024).

Материал поступил в редакцию 4 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berdyaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. — M.: AN SSSR, Nauch. sovet po probl. kultury; Nauka, 1990. — 220 s.
2. Bodrova E. V., Kalinov V. V. Faktory, opredelivshie tekhnologicheskoe otstavanie SSSR nakanune perestroyki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. — 2018. — № 52. — S. 63–70.
3. Vyshinskiy A. Ya. Voprosy teorii gosudarstva i prava. — M.: Vsesoyuz. in-t yurid. nauk M-va yustitsii SSSR; Gos. izd-vo yurid. lit., 1949. — 420 s.
4. Vyshinskiy A. Ya. Voprosy prava i gosudarstva u K. Marksa // Vestnik Akademii nauk SSSR. — 1938. — № 5. — S. 24–26.
5. Krylenko N. V. Lenin i Stalin o revolyutsionnoy zakonnosti. — M.: Sovetskoe zakonodatelstvo, 1934. — 54 s.
6. Polyakov S. B. Akademicheskie svobody: formirovaniye obrazovatelnykh programm // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 10. — S. 54–59.

7. Ponimanie akademicheskoy svobody v rossiyskom kontekste. Doklad po rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya 2020 g. // URL: <https://cisrus.org/wp-content/uploads/2020/11/academic-freedom.pdf> (data obrashcheniya: 04.08.2024).
8. Safin I. M. Mezhdunarodnaya traktovka termina «akademicheskaya svoboda» // Sovet rektorov. — 2008. — № 9. — S. 27–31.
9. Tomilin K. A. Repressii chlenov akademii nauk i solnechnaya aktivnost // URL: <https://ihst.ru/projects/sohist/papers/tom02i.htm> (data obrashcheniya: 04.08.2024).
10. Erlikh O. Osnovopolozhenie sotsiologii prava / per. s nem. M. V. Antonova. — SPb.: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2011. — 703 s.
11. Davis J., Frank G. Academic freedom and the law // The Yale Law Journal. — 1937. — Vol. 46. — Pp. 670–686.
12. How academic freedom is monitored — Overview of methods and procedures // URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU\(2023\)740228](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU(2023)740228) (data obrashcheniya: 04.08.2024).
13. Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel // URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-concerning-status-higher-education-teaching-personnel> (data obrashcheniya: 04.08.2024).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

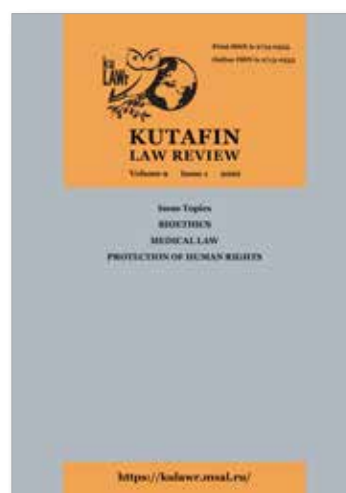
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 3 (172) март 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002